

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 4 (10)

Academic Journal

Series
Records Management and Archival Studies.
Computer Science. Data Protection and Information Security

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 4 (10)

Научный журнал

Серия

«Документоведение и архивоведение. Информатика.
Защита информации и информационная безопасность»

Москва
2017

УДК 651.4(05)+930.25(05)+004(05)
ББК 65.050.2я5+79.3я5+32.81я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, acad. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, acad. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, acad. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фольтс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, acad. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика.
Защита информации и информационная безопасность»

Редакционная коллегия серии

Т.И. Хорхордина, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.П. Малышева, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), А.С. Сенин, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.А. Роганов, зам. гл. ред., канд. техн. н., доц. (РГГУ), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Боридько, д-р техн. н., проф. (РГГУ), В.Р. Григорьев, канд. техн. н., доц. (МИРЭА), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), В.П. Лось, д-р воен. н., проф. (МТУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ), Г.А. Шевцова, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Е.П. Охупкина (РГГУ), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

О.Г. Санин

Михаил Григорьевич Собакин – руководитель Московского
архива Коллегии иностранных дел 9

М.Ю. Киселев

Из истории Московского отделения Архива
Академии наук СССР (1935–1940 гг.) 32

С.Г. Гулиева

Архив Администрации Президента и Правительства
Чеченской Республики: прошлое и настоящее (1990–2000-е гг.) 44

А.В. Попов

Документационное обеспечение и документирование
деятельности поисковых отрядов 53

Международное сотрудничество историков и архивистов

Е.И. Пивовар, И.Е. Ханова

«Русская Прага» в работе комиссии историков
и архивистов России и Чехии 66

В фондах отечественных и зарубежных архивов

Э.А. Барышев, Юдзуру Тонаи

«Архивная Россия» в Японии на примере
личного фонда Куроки Тиканори 72

Б.Б. Пак

Архивные источники о миссии Ито Хиробуми в Петербурге 87

Р.А. Коканова, О.А. Харченко

Документальные источники по истории Астраханского государственного
университета в фондах Государственного архива Астраханской области
(К 85-летию Астраханского государственного университета) 101

Научно-образовательная деятельность Историко-архивного института РГГУ

А.Б. Безбородов

Историко-архивный институт РГГУ сегодня:
модель гуманитарного образования 109

С.Д. Катаев, А.Г. Катаева

Об опыте составления учебно-справочного пособия по религиозной
и музыковедческой тематике. Для направления подготовки
«Документоведение и архивоведение» 116

Информационная безопасность и защита информации

О.В. Лукинова

Об использовании инструментов функциональной стандартизации
при создании информационных систем в защищенном исполнении 120

Документ и информационная безопасность: прошлое и настоящее

И.А. Русецкая

Вклад Иоанна Тритемия в развитие европейской криптографии
(К 555-летию со дня рождения) 130

Математические методы в гуманитарных и социальных исследованиях

О.В. Коломиец, В.Р. Орестова, Ю.А. Долгов, А.А. Бастрон

Расчет адекватной математической модели позитивного
социального самочувствия студентов 141

Abstracts 149

Сведения об авторах 155

CONTENTS

Records Management and Archives Administration: History, Theory, Procedures

O. Sanin

Mikhail G. Sobakin is the head of the Moscow archive
of the College of Foreign Affairs 9

M. Kiselev

From the history of the Moscow department of archives
of the USSR Academy of sciences (1935–1940) 32

S. Guliyeva

The Archive of the President and the Government Administration
of the Chechen Republic: Past and present (1990–2000)..... 44

A. Popov

Documenting and documentation support
for searching teams field work 53

International Cooperation of Historians and Archivists

E. Pivovarov, I. Khanova

“Russian Prague” in the work of the Commission of historians
and archivists of Russia and Czech Republic 66

In the funds of Russian and foreign archives

E. Baryshev, Yuzuru Tonai

Russia-related archives in Japan: the case of Kuroki Chikanori’s
(1883–1934) manuscript collection 72

B. Pak

Archival sources on the Ito Hirobumi’s mission to Petersburg 87

R. Kokanova, O. Kharchenko

Documentary sources on history of the Astrakhan State University
in the funds of the record office of the Astrakhan region
(to the 85th anniversary of the Astrakhan State University) 101

Scientific and Educational Activity of the Institute for History and Archives of RSUH

A. Bezborodov

Institute for History and Archives of RSUH today:
a model for humanities education 109

S. Kataev, A. Kataeva

On the experience of compiling in educational reference book
on religious and musicology issues 116

Information Security and Data Protection

O. Lukinova

To the issue of functional standardization instruments' usage
when forming secured information systems 120

A Document and Information Security: the Past and Present

I. Rusetzkaya

Ioann Tritemy's contribution to the development
of European cryptography 130

Mathematic Methods in Humanities and Social Research

O. Kolomiets, V. Orestova, Yu. Dolgov, A. Bastron

Adequate mathematical model analysis
of students' positive social well-being 141

Abstracts 149

General data about the authors 157

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

О.Г. Санин

Михаил Григорьевич Собакин – руководитель Московского архива Коллегии иностранных дел

Статья посвящена истории одного из важнейших отечественных архивов XVIII в. – Московскому архиву Коллегии иностранных дел. Этот архив являлся своеобразной витриной отечественных архивов XVIII в. Его руководители внесли немалый вклад в развитие российского архивного дела. Особое место в истории архива и в истории архивной мысли принадлежит М.Г. Собакину. В статье доказывается, что М.Г. Собакин был одним из первых российских архивистов, осознавших научную ценность архивов и понимавших, что архив – это важнейшая часть историко-культурного и национального достояния страны. В статье рассматривается биография М.Г. Собакина, его служебная карьера, анализируются его взгляды на организацию хранения документов. Важным аспектом статьи является анализ непростых взаимоотношений М.Г. Собакина с его преемником Г.Ф. Миллером.

Ключевые слова: Московский архив Коллегии иностранных дел, архивы, архивное дело, принцип происхождения, предметно-тематический принцип, XVIII век, М.Г. Собакин, Г.Ф. Миллер.

История отечественного архивного дела XVIII в. в целом неплохо изучена советскими и современными российскими историками. Но, к сожалению, при изучении истории отечественных архивов явно недостаточное место уделяется истории жизни и деятельности отдельных интересных личностей, чья жизнь в силу разных причин и обстоятельств оказалась связана с архивами. Архивная профессия не является публичной и представляет собой долгий, планомерный и кропотливый труд на благо сохранения историко-культурного наследия страны. Поэтому имена

многих талантливых архивистов зачастую неизвестны широкой публике. Вместе с тем изучение их деятельности чрезвычайно важно для понимания тех процессов, которые проходили в истории российских архивов, для осознания роли архива в жизни страны, общества и государства. Изучая историю жизни и деятельности известных архивистов XVIII в., мы можем осознать их роль в процессе становления отечественного архивного дела и исторической науки. В последнее время в отечественной исторической науке появлялись работы, посвященные жизни и деятельности некоторых видных российских архивистов XVIII в.: Г.Ф. Миллера, Н.Н. Бантыш-Каменского, А.Ф. Малиновского и других. Но при этом, к сожалению, «забываются» те, кто своей кропотливой и плодотворной деятельностью подготовил процесс постепенного превращения отечественных архивов в своеобразные центры изучения истории и сохранения историко-культурного наследия страны. Одним из таких архивистов прошлого, безусловно, является Михаил Григорьевич Собакин, долгое время возглавлявший Московский архив Коллегии иностранных дел.

М.Г. Собакин (1720–1773) происходил из знатного боярского рода. Известно, что одним из его предков была третья жена Ивана Грозного Марфа Собакина. Его отец, Григорий Никифорович, входил в число бояр по Московскому списку начальных людей в 1708–1711 гг.¹

К сожалению, в архивах практически не сохранилось документов о детских и юношеских годах будущего видного российского архивиста. Известно, что в 1731 г. он оказался в числе первых учеников образованного императрицей Анной Иоанновной Сухопутного шляхетского (кадетского) корпуса. Это было элитное военное и гражданское учебное заведение, где могли учиться молодые люди, отпрыски знатных дворянских родов. В программу обучения наряду с естественными и гуманитарными дисциплинами входили также «науки», необходимые для «благородного сословия»: фехтование, танцы, живопись, поэзия и т. д. По завершении обучения молодым людям была практически обеспечена блестящая военная или гражданская карьера. Михаил Собакин был одним из лучших учеников. В итоговом аттестате, полученном по окончании шляхетского корпуса 23 октября 1738 г., было записано: «арифметику и геометрику все части окончал, знает с доказательствами твердо, переводит с немецкого на французский язык естемпоре (блестяще. – *О. С.*), фехтует в контру, рисует ландшафты (пейзажи. – *О. С.*) красками и портреты миниатюрою, универсальную историю и в географии разные карты прошел»². Таким образом, видно, что

Михаил Григорьевич сумел получить блестящее и всестороннее по тем временам образование. Среди интересов молодого дворянина можно особенно отметить его интерес к поэзии. Во второй половине 1730-х гг. он вполне справедливо считался одним из лучших петербургских поэтов. В 1737 г. он сочинил блестящее стихотворение по случаю взятия русскими войсками Азова в Русско-турецкой войне³.

В следующем 1738 г. он сочинил оду на день рождения императрицы Анны Иоанновны. Его стихотворение «Радости столичного града» считалось одним из лучших стихотворений своего времени⁴. Литературное творчество М.Г. Собакина как одного из первых российских поэтов XVIII века, к сожалению, недостаточно исследовано историками русского языка и литературы.

В октябре 1738 г. М.Г. Собакин был выпущен из Шляхетского корпуса в чине поручика. В дальнейшем он служил адъютантом при фельдмаршале графе Ласси, участвовал в Русско-турецкой войне, по поручению Ласси выполнял «секретную комиссию» в Новгороде, по указу Кабинета направлялся в Тобольск для проверки деятельности Сибирской губернской администрации. В конце 1740 г. указом из Военной коллегии был определен к генералу Бисмарку флигель-адъютантом капитанского ранга. В 1741 г. по указу Кабинета министров был послан «с комиссиею» к находившемуся при Польском короле и саксонском курфюрсте Августе III русскому послу графу Кейзерлингу. В конце 1741 г. по состоянию здоровья (сильная травма глаза) М.Г. Собакин был уволен от военной службы. По определению Правительствующего Сената он был пожалован в чин коллежского асессора и по резолюции Кабинета министров «велено ему быть тем же чином в Государственной Коллегии иностранных дел по знанию его чужестранных языков»⁵.

В Коллегии иностранных дел Собакин был тут же зачислен на должность асессора публичной экспедиции, отвечавшей за делопроизводство и хранение документов. В начале 1742 г. ему было поручено возглавить Петербургский архив коллегии.

В качестве архивариуса М.Г. Собакин организовывал работу по описанию документов архива и его комплектованию дипломатической документацией. Помимо документов структурных подразделений коллегии архив активно пополнялся дипломатическими документами из других хранилищ. Так, например, при М.Г. Собакине в июле 1742 г. в архив поступили на хранение дипломатические документы из личных собраний опальных А.И. Остермана и Г.Б. Миниха. Примечательно, что все документы поступили на

хранение в обработанном виде и строго по описям⁶. Именно там, в Петербургском архиве, М.Г. Собакин получил необходимый опыт архивной работы. Тогда же и начали формироваться его представления о лучшей организации архива как места хранения документов. В дальнейшем этот свой опыт он активно использовал в работе в качестве руководителя Московского архива коллегии.

Необходимо отметить, что в Коллегии иностранных дел к 1740-м гг. сложилась самая сложная среди всех коллегий система хранения документов. В 1720 г. при образовании Коллегии был тут же образован ее Петербургский архив как место хранения текущей дипломатической документации. Бывший архив Посольского приказа, имевший преимущественно справочное и историческое значение, в 1722–1724 гг. был преобразован в Московский архив Коллегии иностранных дел. По мере того как документы теряли свое практическое значение, они перевозились на хранение в Москву. Таким образом, Московский архив Коллегии иностранных дел постепенно становился первым ведомственным историческим архивом России.

Состояние МАКИД в 1720–1730-х гг. в целом было крайне неудовлетворительным. Архив был расположен в старом здании приказов в Кремле, которое постепенно приходило в негодность. Попытки первых руководителей архива – Петра Курбатова, Михаила Ларионова и Семена Смирнова добиться от Коллегии выделения средств на капитальный ремонт здания, как правило, ни к чему не приводили. Секретарь архива Семен Смирнов в донесениях писал о тяжелом состоянии помещения архива, где «государственные крепости... от великой сырости заплесневели... а иные отчасти и погнили»⁷. Единственным способом спасения документов становилась их регулярная просушка и перенос наиболее ценных документов в более сухие помещения. Потери архива были весьма значительные. Так, например, в 1736 г. обнаружилось, что в одном сундуке сгнили «оригинальные турецкие грамоты», хранившиеся в «запечатанных пакетах»⁸. Сами архивные документы по старинке хранились в ящиках, сундуках, баулах и «коробьях», что приводило к серьезному замедлению в поиске документов и к их повреждениям. Значительная часть документов не была описана, что серьезно затрудняло работу по ответам на запросы коллегии. Причина этого заключалась в плохом состоянии помещений, нехватке подготовленных кадров, а также большой текущей справочной работе по запросам коллегии. Секретарь архива Семен Смирнов писал в доношении от 24 февраля 1738 г.:

А медленность в разборе и в описи дел в архиве чинилась... от многих весьма непрестанных приисков и с сысканного в копировании за самым малым числом в архиве служителей... о чем неоднократно в Государственную коллегию... доношениями... представляivano. О том в архиве... без прибавки служителей исправлятца и исправлять весьма будет продолжительно и в порядок приводить в скором времени невозможно, понеже приказные дела все перемешаны, а столпы старых лет едва не все ветхи и росклеились и перемешены, а иных не токмо клеить, но и разобрать и столбец к столбцу как дело гласит подобрать никак невозможно⁹.

Бедственное состояние архива не устраивало коллегию. Слабая систематизация приводила к долгому поиску документов и к задержкам ответов даже на самые срочные запросы. Поэтому 18 февраля 1744 г. в Коллегии иностранных дел имелось «рассуждение об архиве, в котором дела и поныне не токмо еще не описаны, но порядочно не разобраны, а дело сие весьма нужное». В результате этого «рассуждения» Михаил Григорьевич Собакин был назначен «главным при архиве той Коллегии старом и новом, в котором находятся дела происшедшие от давних лет с иностранными областями».

Собакину, вместе с назначенными в архив канцелярскими служителями, поручалось разбирать и описывать хранившиеся в архиве и вновь поступившие дела, «дабы сие дело, то есть архив, в надлежащую исправность и порядок как возможно скорее привести... а в архиве ему ассессору и канцелярским служителям подтверждается приезд иметь по регламенту и сидеть пополудню до трех часов»¹⁰.

При разборке и описании дел Собакину предлагалось руководствоваться инструкцией, составленной 24 марта 1720 г. канцлером Г.И. Головкиным и вице-канцлером П.П. Шафировым для архивариуса Коллегии иностранных дел Алексея Почайнова, в соответствии с которой ему надлежало разобрать документальные материалы по государству, т. е. так, как эти материалы хранились в архиве Посольского приказа, затем описывать их с указанием инвентарных номеров и, наконец, сложить для хранения в шкафах¹¹. При этом Собакин имел право при необходимости отходить от вышеописанной инструкции. В этом случае ему предписывалось «сочинить изъяснение или проект обстоятельной инструкции о всем архиве и оной к апробации представить без умедления»¹².

Под руководством Собакина в архиве началась огромная работа по упорядочению и организации архивных материалов. В первом своем донесении в Коллегию от 28 февраля 1744 г. Собакин критиковал систематизацию дел, произведенную Алексеем Почайновым

в Петербургском архиве Коллегии. Согласно инструкции Почайнова вся министерская корреспонденция делилась по алфавиту – по первой букве фамилии корреспондента и адресата. Например, письмо князя Куракина, находившегося в Голландии, князю Долгорукову во Францию помещалось под буквой «К», а ответ на это письмо князя Долгорукова – под буквой «Д», письмо князя Куракина князю Головкину под буквой «Г». «И тако при одном деле надо искать приложений в трех местах, а во всяком из тех целова уведомления о деле нет». Собакин протестовал против такой систематизации дел, он требовал, чтобы все письма относительно одного вопроса были объединены и составили одно дело. Это должно было значительно облегчить поиск документов и справочную работу архива.

Далее Собакин обратил внимание на то, что в архиве хранится множество неразобранных вотчинных, поместных и других дел, не относящихся к профилю архива и затруднявших работу по его упорядочению. Эти дела он предложил разобрать и отдать в те коллегии, к деятельности которых они относятся. При этом необходимо было выявить в первую очередь Посольские и «секретные» дела, которые должны были остаться в архиве. Разборку непрофильных дел должны проводить откомандированные сотрудники других коллегий, при этом в архиве оставались бы их росписи и расписки о передаче. После можно было приступить к разборке и описанию дипломатических дел самого архива.

Большим препятствием для упорядочения дел являлось помещение архива, тесное, темное и сырое. Собакин обратил внимание на нехватку шкафов и неудобство работы с документами, хранящихся в сундуках, так как «в сундуке для одного письмеца вытаскивать все до дна часто случится». Для лучшего поиска он рекомендовал дела положить в шкафы с надписями «наружу». Сами же «палаты» архива «очень малы и темны к разбору таких дел, которых от древности чуть видны», «а у других от мокроты стен мох в казармах». Катастрофически не хватало и сотрудников (секретарь, переводчик, канцелярист и три копииста). В результате «не токмо разбирать, но и готового переписать некому»¹³.

5 марта 1744 г. Коллегия рассмотрела донесение Собакина. Ему разрешалось отказаться в разборе и описании дел от инструкции 1720 г. и разбирать и описывать дела по собственному плану. В частности, все документы по одному и тому же вопросу объединялись в одно дело. Сами дела должны были храниться по государствам. Министерскую переписку предполагалось располагать в книгах так: в одной книге грамоты и рескрипты, в другой протоколы,

в третьей реляции русских министров из-за рубежа, в четвертой переписка с иностранными министрами. Все материалы в книгах должны располагаться по годам и книги одного года должны храниться в одном месте. Для укрепления кадрового состава архива Собакину было обещано передать дополнительно двух секретарей, двух переводчиков, канцеляриста и двух копиистов¹⁴.

После одобрения коллегией М.Г. Собакин приступил к разборке и систематизации дел архива. При этом Собакин проводил сверку их с предыдущими описаниями. В 1746 г. он писал в Коллегию, что при разборке хранившихся в архиве дел и сверке их с описью 1673 г., составленной боярином А.С. Матвеевым, не было обнаружено несколько дел. В описи около таких дел имелись пометы о передаче их в Мастерскую палату или Разрядный приказ. Собакин просил Коллегию потребовать возвращения указанных дел в Московский архив. Одновременно он поставил вопрос о необходимости собрать в архиве все дела, относящиеся к деятельности Коллегии и к внешней политике России¹⁵.

Подготовка к разборке архива была в основном завершена к концу 1747 г. По результатам этой работы в декабре 1747 г. Собакиным был составлен развернутый план реорганизации и описания документов архива.

По плану М.Г. Собакина весь архив делился на две части – «новый архив» и «старый архив». «Старый архив» включал все документальные материалы, образовавшиеся в деятельности Посольского приказа до 1700 г.

В состав «нового архива» входили документальные материалы «такие же с 1700 года по нынешнее время, которые из Коллегии положены в архив», т. е. материалы, отложившиеся в деятельности Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел и ее Конторы с 1700 г.

Все документальные материалы «старого архива» для лучшего поиска должны быть расположены в шкафах, помеченных буквами алфавита. На полках каждого шкафа пишется дата от Рождества Христова, «понеже писанные в тех делах лета от создания мира по нынешнему необыкновению в скором понятии весьма мешать станут». В первом шкафу сверху «положатся самые старинные внутренние государственные письма, то-есть государей, великих князей утвердительные грамоты к ним, от великих княжений при- сяжные записи, их же великих князей между собой докончальные грамоты, то-есть договоры, постановления, союзы, духовные и протчие, как оригиналы, так и списки по годам где есть, а где нет, те по именам выбрав из генеологии; тут же, ежели войдут, родословия

их и описания жизни их, кто кого старея жил, церемониалы, летописи и касающиеся о целой Российской империи известия и книги, в которых древних государей приемы и отпуски послом чужестранным и своим отправления к чужестранным дворам; оные хотя и к разным дворам принадлежащие дела содержат, но понеже те книги списаны с дел рядом и переплетены, то их разбирать и распределить неудобно и не надобно. И для того те старинные книги в сей же шкаф для древности положить и тот шкаф назначить литерою “А”. Если все материалы в одном шкафу не разместятся, они могут быть положены в другом шкафу, но так же помеченном буквой “А”»¹⁶.

По плану Собакина на материалы каждого шкафа должны быть составлены описи, на основе которых впоследствии составляется общая опись на материалы всего архива. Все описи должны скрепляться по листам секретарем архива или самим Собакиным.

Упорядочению дел архива мешали частые требования дел «кусками в разные места». Чаще всего дела отправлялись в Петербург в Коллегию иностранных дел, в Сенат и его Московскую контору. Зачастую востребованные дела не возвращались, и архиву приходилось обращаться с просьбой об их возвращении. Во избежание этого Собакиным предлагалось на место каждого дела класть записку, когда и по какому указу было взято дело. По возвращении дела записка уничтожается, а «в случае утраты дела такая записка за свидетельство служить может» (Л. 240 об.).

Начиная со второго шкафа материалы располагались по государствам. Во втором шкафу Собакин рекомендовал разместить «Римско-цесарского двора дела, вначале старые грамоты оригинальные и списки грамот от них сюда, а отсюда к ним, концепты, договоры, приемы и отпуски послам, записки конференциям, дача корму и статейные списки наших послом при сем дворе и прочие до того двора принадлежащие дела». На полках, как и в первом шкафу, проставлялись даты от Рождества Христова.

Если встречался столбец, в котором находились отпуски к разным послам и к разным дворам, то такой столбец рекомендовалось отнести к государству, к которому было больше адресовано документов. При этом Собакин не рекомендовал расклеивать все столбцы, как указывалось в инструкции А. Почайнову. «Если столбец написан на обеих сторонах, тогда при переплете в книгу листы разъединяются и трудно будет уловить смысл написанного» (Л. 245–246 об.).

В третьем шкафу размещаются испанские дела, в таком же порядке, как указано выше. Третий шкаф помечается буквой «В». В четвертом шкафу под буквой «Г» и в последующих размещаются

французские и другие дела в следующем порядке: «королевские и протчих европейских христианских владетелей, потом республик христианских, а потом азиатских государей и протчих тех частей земель дела, одни под другим по старшинству в разных шкафах с показанным вверху учреждением расположатся».

Греческие патриаршие дела, монастырские жалованные грамоты, сбор милостыни и другие документы по отношениям с православным Востоком предлагалось хранить в особом шкафу. Отдельно должны быть положены «архиерейские и монастырские внутренние дела, то есть жалованные им грамоты и те их все письма, которые к отсылке в другие коллегии не следуют».

Малороссийские и запорожские должны быть помещены в отдельный шкаф. Так же следовало поступать с делами Новгородской четверти и княжества Смоленского.

Все приказные дела по городам, управляемым Посольским приказом, и разные дела по челобитьям Собакин предлагал так же хранить особо на том основании, что «все оные челобитческие дела весьма мало или ничего не служат и потому такового, как о протчих делах попечения недостойны, тех людей и в живых нет и по челобитью их тогда же решение чинено, письма остались ненужны» (Л. 247–247 об., 248 об. – 250).

Новый архив должен располагаться в другом помещении, во избежание смешения со «старым архивом». Новый архив включает материалы с 1700 г. Он должен быть размещен в шкафах в таком же порядке, что и «старый архив». Дела «нового архива» более важны и больше требуются в справочном отношении. Для сохранности необходимо все их пронумеровать по листам и в конце каждого дела проставлять общее количество листов. Дела, сданные в архив Кабинетом и ранее хранившиеся отдельно, Собакин предложил разделить: «которые по дворам принадлежать могут с протчими по дворам разложенными быть, а которые к российским министрам и генералитету, рескрипты и от них реляции, доклады и рапорты, те особливими столпами». Те и другие дела должны быть расположены по годам.

Собакин заканчивает свой проект утверждением, что когда архив будет приведен в порядок, «то прииск дел будет тогда столь легок и весел, сколь ныне тяжек и досаден, и что ныне с потом трудяся отыщешь, то тогда прямо подошедши из места вынуть готовое, и как потому работы из ста частей девяносто девять отойдет, а останется одна, тогда оставшиеся небольшие погрешности и поправки довольно времени найдется исправить» (Л. 250 об. – 252).

Говоря о проекте М.Г. Собакина, нельзя не отметить, что М.Г. Собакин в своих донесениях часто обращал внимание на плохой качественный состав служащих архива. В своем донесении об отправке в Петербург проекта он высказывал целый ряд предложений об улучшении кадрового состава архива. В частности, предлагал активно привлекать к работе в архиве студентов Славяно-греко-латинской академии. Из них можно «людей выбрать, которые в латинском и польских письмах могут и переводчикам сделать несколько облегчение и разбор дел пойдет скорее» (Л. 255). По его мнению, студенты «хотя б и сколько подлого воспитания ни были», более подготовлены к работе в архиве, нежели обычные канцелярские служащие в силу более высокого образования и неспособности к использованию документов в своих корыстных целях. Таким образом, Собакин прямо и четко обосновывал необходимость для архивных сотрудников высшего гуманитарного образования и высоких личных человеческих качеств (Л. 255 об.).

Важное значение имело выдвинутое Собакиным обоснование значения архива для изучения отечественной и зарубежной истории. Описывая расположение дел в архиве, он предлагал положить в особый шкаф «записки, касающиеся до внутренности России со всеми к ним принадлежностями». В этом же шкафу предлагалось собрать и положить «служащие к написанию гистории дела, особливо внутренния великия, а также... гисторические известия не токмо из чужестранных корреспонденций, которые по дворам разположаться и из летописцов, но и из партикулярных описаний и из смешанных с другими дел выбраны быть могут те, которые достоверными признать по каким доказательствам можно весьма годятся» (Л. 248–248 об.). Можно предположить, что М.Г. Собакин являлся одним из первых российских архивистов, осознавших не только практическое, но и научно-историческое значение архивных документов.

В целом план Собакина оказал значительное воздействие на развитие отечественной архивоведческой мысли XVIII в. Значение этого плана состояло в следующем:

Во-первых, Собакин предлагал разделить все документальные материалы Московского архива Коллегии иностранных дел на две части по хронологическому признаку, на старый и новый архив, с разграничительной датой между ними 1700 годом. МАКИД, таким образом, окончательно приобретал характер ведомственного исторического архива.

Во-вторых, Собакин предусматривал хранить дипломатические материалы по государствам с составлением описей на каждую

группу материалов. Отдельно должны были храниться все материалы внутригосударственного содержания (приказные дела, материалы других приказов и др.).

Очевидно, что в своем проекте Собакин исходил из фактического состояния архива. Подобная же система хранения дел существовала еще в Посольском приказе XVII в. Этот принцип хранения Собакин логически распространил и на документальные материалы XVIII в. Правда, при этом осуществлялось раздробление отдельных сложившихся фондов, например Кабинета, самой Коллегии и др. Размещение и описание дел по шкафам имело своей целью сохранить материалы, облегчить их поиск и улучшить доступ к ним для использования.

В целом план Собакина был весьма реалистичным и способствовал формированию в отечественном архивоведении фондового принципа организации архива. Нельзя не согласиться с выводом Т.И. Хорхординой о том, что «за уважительное отношение к “старым” делам и максимально возможное в условиях XVIII века учитывание их сложившейся (фондовой) структуры М.Г. Собакин заслуживает почетное место в истории создания научной основы архивоведения»¹⁷.

К концу 1747 г. в архиве уже шла активная работа по его разборке и описанию в соответствии с проектом Собакина. Об этом говорят его многочисленные донесения в коллегию за 1744–1747 гг. 22 декабря 1747 г. Собакин писал, что старый архив по 1720 год разбирается и описывается по дворам и повытьям:

Нового архива делать всем есть реестры, по которым по окончании старого надлежит освидетельствовать... По первое число прошлого 1746 году разных повытий внешних и внутренних государственных и протчих всяких дел разобранных означено столпов 29 625, а с упомянутого числа сего текущего 1747 году декабря по 13 число, описано и регистрировано книг в переплете в десть и полдесть внешних и внутренних 1011. Да неописанных столпов, тетрадей и отрывков 11 сундуков больших, 7 ящичков, 2 коробки. Да в двух кучах, например, ящичка с два тетрадей, да на двух столах, например, сундуков с 6¹⁸.

Это донесение говорит, что большая часть документальных материалов архива находилась в относительном порядке, в том числе и весь новый архив. Наконец, на основании этого документа видно фактическое существование старого и нового архивов, с разграничительной датой 1720 г. (год начала функционирования Коллегии иностранных дел и ее архивов).

Однако начать реализацию своего плана и окончательно привести архив в порядок Собакину не удалось. Еще до отправки своего плана на обсуждение в коллегию 10 декабря 1747 г. Собакин был переведен в Санкт-Петербург на должность канцелярии советника. Архив был передан под управление руководителю московской конторы Коллегии статского советника Ивана Топильского. Именно на него были возложены реализация и практическое применение плана Собакина¹⁹. Одновременно с этими изменениями в архиве произошла и серьезная неприятность: в ночь с 20 на 21 декабря 1747 г. в здании архива случился сильный пожар. Стараниями Собакина и других сотрудников документы удалось спасти, пострадали только некоторые «челобитческие», смоленские и приказные дела²⁰. Вместе с тем случившийся пожар привел к значительным перемещениям внутри архива уже разобранных материалов, что серьезно затруднило дальнейшую работу по приведению архива в порядок.

Несмотря на переезд в Петербург, Собакин постоянно оставался в курсе всех дел архива. 11 октября 1748 г. в донесении он окончательно подвел итог своей деятельности, сообщил о состоянии архива: «Главнейшие дела старого архива, то есть родословные государей российских и иные трактаты, конвенции и грамоты разобраны и описаны». Если к 11 января 1748 г. было разобрано и описано «Старого архива разных дел и столпов больших и малых» 46 412 единиц, то к сентябрю того же года описали еще 3825 единиц. Собакин был в целом доволен этими результатами и добавляет: «сие, кажется, по причине малолюдства или за отрывою архивных служителей к другим делам произошло». Далее Собакин пишет, что еще много хлопот предстоит впереди. «Старого архива дел, надеюсь две трети разобрано, а одна еще по малой мере осталась, ибо обеих старого и нового архива дел без новоприбавочных, больше трех сот сундуков больших и малых было и потому видно, что число дел положенных в них не мало».

Несмотря на не лучшее состояние архива, где всю продолжалась перегруппировка документов, Собакин снова ставит вопрос о дальнейшей концентрации материалов в архив. Он напоминал, что в Конторе и в Петербургском архиве Коллегии иностранных дел еще остались дела, «которые за несколько лет стоят», и которые, по его мнению, необходимо сдать в Московский архив, предварительно составив описи, «потому что настоящему собранию дел коллежских быть должно в одном месте». В заключение Собакин добавляет, что когда все дела архива разобраны будут, их надо будет снова пересмотреть и перенумеровать, а затем уже писать «рописи двойные, как в проекте изъяснено»²¹.

Перевод Собакина в Санкт-Петербург в целом плохо отразился на архиве. Темпы работ по разбору и описанию дел резко упали. Это было вызвано следующими причинами: традиционной нехваткой квалифицированных кадров, отсутствием приспособленных помещений, а также тем, что разработанный Собакиным проект надолго «застрял» в бюрократических инстанциях Коллегии. Кроме того, новый архивный руководитель Иван Топильский (кстати бывший секретарь печально известной мрачной Тайной канцелярии) был занят в основном делами Конторы и нуждам архива уделял мало внимания. В условиях отсутствия должного контроля сотрудники архива занимались в основном описанием «нового архива». Работа со «старым архивом» практически прекратилась. Причины этого заключались в непригодности помещения архива, а также в отсутствии кадров, хорошо знакомых с традициями приказного делопроизводства и обладающих навыками чтения документов XVII в. Не помогла и проведенная в 1756 г. бюрократическая реорганизация архива, связанная с его разделением на секретную и публичную экспедиции²².

Сам же Собакин после перевода в Санкт-Петербург был назначен советником Малороссийской экспедиции при Коллегии иностранных дел. Несмотря на это, он продолжал принимать активное участие в судьбе архива, плачевное состояние которого его сильно беспокоило. Ни одно обсуждение в Коллегии дел архива, ни одна его реорганизация не проходили без активного участия М.Г. Собакина. Кроме того, М.Г. Собакин несколько раз ввиду тяжелого состояния здоровья ездил на лечение «на воды» в Европу (Аахен, Лейден, Париж, Женева, Италия). Часто бывая за границей, он, как видно из его писем и отчетов, безусловно, интересовался состоянием местных государственных архивов, сравнивал их положение с положением Московского архива КИД. Безусловно, эти сравнения были отнюдь не в пользу Московского архива²³.

Вернувшись с очередного лечения 14 марта 1756 г. он отправил в Коллегию свое «Мнение об архиве», в котором изложил взгляды на роль, функции и значение архива в жизни общества и государства. Данный документ, на наш взгляд, чрезвычайно интересен в плане развития отечественной архивоведческой мысли. Он показывает, как в передовых, наиболее образованных кругах российского общества, в профессиональной среде архивистов начинает зарождаться новое представление об архиве, не только как о «присутственном» государственном месте, но и как культурном и научно-исследовательском учреждении, в задачу которого входит сохранение историко-документального наследия страны.

Оно начиналось с рассуждений о пользе и важности архива в жизни Российского государства и общества. Собакин отмечает, что архив коллегии иностранных дел, как главный политический архив страны, находится в гораздо более бедственном положении, нежели архивы других европейских стран. По его мнению, хорошее состояние «Государственного архива» может принести «Отечеству славу, а с славой и многую по делам может приносить пользу». Причем под пользой от архива он понимал не только использование документов в практической работе государственных учреждений, но и сохранение «древностей» для пользы и воспитания потомства²⁴.

Именно польза Отечества двигала реформами Петра I, одной из которых, по мнению Собакина, была организация системы архивов в России. Автор отмечает, что в планах Петра I было создание двух государственных архивов (при Ревизион-коллегии для хранения финансовых дел, и при Коллегии иностранных дел – для дел политических). Отмечается, что эта идея была чрезвычайно полезной для лучшей организации хранения и использования архивных документов. Таким образом, М.Г. Собакин здесь выступает как убежденный сторонник идеи централизованного общегосударственного управления архивами.

М.Г. Собакин с горечью писал о тяжелом состоянии архива, которое не позволяло выполнять стоящие перед ним задачи. Его «Мнение об архиве» стало своеобразным обращением к высокопоставленным чиновникам не только Коллегии, но и всего государства с разъяснением важного государственного значения архивов:

Совсем видится было б излишне в пространное здесь вступать в разсуждение, как о нужде и потребности, так и о важности и пользе того, чтоб Государственной Коллегии иностранных дел архив приведен и всегда содержан был в изрядном порядке... (Л. 65–65 об.).

Сколько в этих словах боли и тревоги за состояние архива! Видно, что Собакин блестяще понимает не только государственную и политическую, но и научно-историческую ценность хранящихся в МАКИД документов. По сути дела, эти слова являются громким призывом к власти наконец-то обратить внимание на скромные нужды архива.

Далее М.Г. Собакин совершает своеобразный экскурс в историю отечественного архивного дела. Он вполне справедливо отмечает особенности хранения документов в приказах (хранение документов непосредственно при делопроизводстве, а также по структурным подразделениям – столам и повытьям):

До нынешнего века не чаятельно, чтоб имя Архив здесь в приказах знакомо было, а дела старья хранились по повытьем – и каждой старой подъячей имел верныя описи делам своего повытья²⁵.

В целом, по его мнению, состояние Архива при Посольском приказе было довольно приличное, он имел подходящие помещения и качественные описи. Однако после 1700 года ситуация с хранением документов по его мнению резко ухудшилась, что было вызвано ослаблением внимания правительства к нуждам архива из-за многочисленных переездов правительственных учреждений, а также постоянных войн и походов. Он писал:

Не по нерадению прежних министров, ибо ктоб мог конечно сказать, чтоб они не желали видеть Государственный Архив в добром порядке, но знатно происходило, что от множества настоящих тогда важных дел, а наипаче от военных почти без прерывных тогда времен и походов, чем они столько обременены были, что об архиве и мыслити времяни им не доставало (Л. 65а).

К числу важнейших проблем, которые мешают описанию, обработке и приведению архива в порядок, М.Г. Собакин относит также и крайне плачевное состояние старого приказного здания XVII в., в котором находился архив:

Место, где мнимой разбор и опись делаются, совсем неудобно, как по тесноте палат, так и по niskости их, отчего беспрестанная там почти стоит сырость, и хотя неоднократно требовано было под Архив палат, где была Ямская канцелярия, как наилутче пристойное к тому место, но потому и по ныне ничего не воспоследовало.

Лучший способ решить эту проблему, по его мнению – выделение отдельных самостоятельных сумм на...

...строении под него Палат и в убранстве и чистоте оных, наподобие библиотек наилутче разпоряженных, чтоб всякому выйтить и осмотреть приятно было. К чему потребно прежде установить чрез искусного архитектора чертеж, по которому поручить ему ж и все к тому принадлежащие строения с некоторыми пристойными внутри украшениями (Л. 65 об.).

Таким образом, М.Г. Собакин первым среди российских архивистов говорил о необходимости построения для архива специаль-

но спроектированного здания. Данная идея в России впервые была реализована только через 130 лет, когда по инициативе Н.В. Калачова было построено специальное здание для Московского архива Министерства юстиции.

Однако наибольшей проблемой, по мнению архивиста, является проблема квалифицированных архивных кадров. Собакин с горечью писал, что архив становится по сути дела местом прибежища явно неподготовленных людей.

В результате в самой коллегии утверждается несправедливое мнение о том, что архив – это место ссылки самых неприспособленных для повседневной работы людей, что, безусловно, плохо влияет и на заинтересованность самих архивистов в работе:

Такое затверделое у всех мнение совсем уж приводит человека в недействие отнятием у него охоты и ревности и какого б он в протчем доброго состояния ни был, всегда во мнении своем содержать станет, что он брошенной человек. Не то всякого ободряет к ревностному прилежанию по должности своего звания, но ожидать онаго действия надлежит или от похвалы или от награждения или от другой какой полезной себе надежды, а ежели ничего такого для себя кто не предусматривает, все ево душевныя силы остаются в недействии, ежели он хотя малым видит себя просвещенна разумом (Л. 65а об. – 65б).

Еще одной проблемой является отсутствие у архивистов глубокого образования, знания истории, политики, географии, что, безусловно, мешает качественному составлению описей. Лучший способ разрешения этой проблемы – приглашение в архив молодых и образованных студентов. Забегая вперед, нужно сказать, что сам М.Г. Собакин в 1762 г. пригласил на работу в архив студента Московского университета Н.Н. Бантыш-Каменского и преподавателя французского языка М.Н. Соколовского, которые впоследствии внесли огромный вклад в развитие отечественных архивов и архивного дела.

Таковы были основные положения и идеи, изложенные М.Г. Собакиным в «Мнении об архиве», которое было отослано в Коллегию иностранных дел, откуда впоследствии попало в МАКИД. В настоящее время оно хранится в РГАДА в фонде 180 «Канцелярия МГАМИД» и представляет собой чистовую рукопись на 6 листах.

Активная государственная и общественная деятельность М.Г. Собакина плохо сказывалась на состоянии его здоровья. В 1755–1756 гг. он несколько раз брал отпуска для лечения за границей (Аахен, Лейден, Париж, Женева, Италия). В конце концов,

в октябре 1757 г. он написал прошение об отставке и о разрешении вернуться в Москву. Данное прошение долго лежало без движения и только 12 октября 1758 г. Коллегия определила отправить М.Г. Собакина в бессрочный отпуск с разрешением жить в Москве²⁶. Однако «отпуск» продлился недолго. Виной этому была тяжелая ситуация, сложившаяся в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Как уже говорилось выше, после отъезда Собакина в 1748 г. в Петербург новые руководители архива практически ничего не сделали по его разборке и описанию. В конце концов 13 октября 1759 г. Коллегия почти через 12 лет утвердила проект Собакина²⁷. 26 мая 1760 г. после смерти Ивана Топильского М.Г. Собакин получил чин статского советника и был назначен руководителем МАКИД. Таким образом, состоялось его «второе пришествие» в архив²⁸. С этого времени он наконец-то получил возможность реорганизовать архив в полном соответствии со своим проектом.

Несмотря на состояние здоровья, М.Г. Собакин активно приступил к работе по приведению архива в порядок. По представлению Собакина Коллегия 31 октября 1762 г. распорядилась о проведении скорейшего ремонта старого приказного здания, где располагался архив²⁹. Но ремонт оказался в целом неэффективным: здание быстро ветшало. По инициативе Собакина в апреле 1762 г. архитектором Деламотом был проведен осмотр бывшего приказного здания, где находились Московская контора КИД и архив. Заключение показало, что стены и своды угрожают падением и гибелью архива. Для архива и Московской конторы КИД наняли за 400 руб. в год казенный дом. Это было бывшее Ростовское подворье в низине Китай-города на Варварке близ Рыбного переулка. 4 ноября 1762 г. в подворье перевезли 337 сундуков и баул с делами архива. Все перевезенные дела, разобранные и описанные, были вынуты из сундуков и размещены в шкафы по государствам и годам. Была продолжена прерванная разборка неразобранных дел и составление на них описей³⁰.

Новое архивное хранилище оказалось не лучше Кремлевских палат, собственно архиву достались в удел самые плохие комнаты и подвалы. Помещение в амбарах и подвалах этого низменного места, недалеко от Москвы-реки, чуть было не оказалось роковым для архива. Ежегодные разливы Москвы-реки наносили архиву огромный урон. Подвалы регулярно затоплялись в половодье, бумаги нещадно истреблялись мышами и крысами. Летом приходилось просушивать материалы, пострадавшие во время наводнения. Одновременно уничтожались дела, которые невозможно было восстановить. Уже через четыре года (в 1766 г.) при-

шлось сжечь собранные в девять сундуков остатки архивных дел, из которых «четыре сундука были с листочками и отрывками от разных столбцов, гнилыми и грязью слеplенными», а все остальное состояло «из одной гнили», которая «лопатами сгребена и в те сундуки складена»³¹.

Вообще 1766 г. стал во многом определяющим для дальнейшей судьбы архива: в архив прибыл известный историк, академик Г.Ф. Миллер. Понимая важную историческую ценность архива, он в течение долгих лет просил Елизавету, а потом и Екатерину о переводе его в Москву, «ибо сей город за Центр всего государства почесть можно, где всякия известия способные и скорые получаемы быть могут, так же и в разсуждении того, что тамошние архивы... историограф сам пересматривать имеет право»³².

В конечном счете эти ходатайства возымели действие, и в январе 1766 г. Г.Ф. Миллер был направлен в МАКИД. Примечательно, что 9 января 1766 г. он направляет письмо вице-канцлеру Коллегии князю А.М. Голицыну, в котором изложил свое видение и свои принципы систематизации архива, в корне отличные от тех, которые были применены при М.Г. Собакине. В частности, Г.Ф. Миллер предлагал систематизировать архив по предметно-тематическому принципу, игнорируя уже сложившиеся архивные комплексы³³. Современные авторы, в частности Т.И. Хорхордина, обратили внимание на тот факт, что Миллер, еще не приступив к работе в архиве, не зная его документацию и сложившиеся системы хранения, предлагает программу его полного преобразования на основе своих личных умозрительных представлений³⁴. В дальнейшем реализация этих планов нанесла весьма серьезный урон архиву.

Анализ историко-архивоведческих взглядов Миллера не входит в задачу данной статьи. Однако можно предположить, что отношения Миллера и Собакина явно оставляли желать лучшего. С точки зрения Миллера Собакин был «ретроградом», который не понимал «передовую» сущность его плана и мешал претворению его в жизнь. При этом сам архив в 1760-х гг. продолжал перестраиваться по плану М.Г. Собакина. Собакин, в свою очередь, явно воспринимал Миллера как человека, поставленного из Санкт-Петербурга с одной целью – следить за ним. В результате в архиве сложилась своеобразная ситуация «двух медведей в одной берлоге».

Безусловно, Миллера и Собакина объединяло общее понимание значимости архива для становления и изучения отечественной исторической науки, а также осознание того, что архиву нужно новое, качественное помещение для хранения документов. И в этом вопросе их действия были вполне скоординированы.

Среди ряда историков, изучавших МАКИД, бытует мнение о решающей роли Миллера в процессе переезда архива в новое здание в Хохловском переулке³⁵. Во многом это объясняется тем, что Миллер в своих письмах и донесениях часто незаслуженно обвинял Собакина в неподдержании его планов по улучшению архива и по организации научного использования его документов. При этом не учитывался факт, что именно Собакин возглавлял архив в период его переезда и именно он серьезно поднимал вопрос о здании архива на самом высоком уровне. Безусловно, Собакин принимал самое непосредственное участие в поисках средств на покупку здания и в переезде туда архива. Уместно привести слова барона Ф.А. Бюлера, который в исследовании «Московский главный архив МИД и его прежние посетители» отмечал, что «когда резиденция была перемещена из Москвы в Петербург, то из оставшихся в Москве свитков, столбцов и дел Посольских и иных приказов образовался новый в России архив, который по справедливости можно также назвать дедушкой всех русских архивов. Императрица Екатерина II, ознакомившись понаслышке с состоянием сего архива, которым в начале ее царствования заведовал сенатор и член Коллегии иностранных дел Собакин, потребовала к себе на прочтение некоторые документы и, желая иметь Историю России, признала сей архив за настоящую руду драгоценнейших в сем отношении материалов»³⁶. Миллер и Собакин постоянно сообщали в Коллегию об опасности нахождения архива в здании Ростовского подворья, «потому что небрежение архивских дел от мокроты в нынешнем наемном доме от часу больше умножается, также и за теснотою малого числа покоев во оном для архивских служителей разбор и опись архива необходимо большего против нынешнего пространства требуют». В 1767 г. они смогли убедить приехавшую в Москву на открытие Уложенной комиссии Екатерину II дать деньги на покупку нового здания для архива. Он же, очевидно с помощью М.Г. Собакина и своих московских знакомых, нашел и само здание – обширный, но запущенный дом вице-канцлера Коллегии князя А.М. Голицына в Хохловском переулке. Весьма симптоматично, что первым владельцем и строителем этого дома был бывший начальник Посольского приказа, талантливый дипломат конца XVII в. Емельян Игнатьевич Украинцев. В 1709 г. после смерти Украинцева здание было пожаловано роду Голицыных. Именно в этот дом и переселились бывшие приказные документы, помогавшие Украинцеву в работе³⁷.

Указ Екатерины II о покупке дома (на средства «из почтовых доходов») датирован 17 ноября 1768 г. На это было потрачено 11 ты-

сяч рублей. После непродолжительного ремонта архив переехал в новое здание в конце 1770 г. Для документов заказали специальную мебель – застекленные шкафы. Удаленный от других строений каменный дом, снабженный к тому же железными ставнями на окнах, гарантировал сохранность бумаг от пожаров, еще и в XVIII в. свирепствовавших в Москве. Здание было достаточно высоким (около 10 метров) и с широкими стенами (1,5 метра). Документы находились «в комнатах со сводами, с чугунными и каменными полами, с оконными решетками и железными ставнями, где государственные акты, грамоты, свитки и хартии размещены были в шкафах и поставлены в совершенную безопасность от воды, от огня, от крыс и мышей»³⁸. Сухие и светлые покои архива позволяли не бояться и нашествия грызунов. Как не без гордости писал впоследствии Ф.А. Бюлер, здесь уже не нужны были кошки, которые в XVIII столетии положены были по штату во французском королевском архиве. В то же время архив не находился «в безопасности ... ни от холода и ни от производимой им сырости»³⁹. Однако в целом это было лучшее здание, на которое мог рассчитывать архив. В этом здании архив располагался до 1874 г. Безусловно, роль М.Г. Собакина в том, что архив наконец получил приличное помещение и тем самым был спасен от гибели, была очень велика.

Служебная карьера М.Г. Собакина шла довольно успешно. В начале 1770-х гг. он был уже тайным советником и сенатором. Кроме того, он занимал почетную должность товарища (заместителя) московского генерал-губернатора. Кстати, столь успешная служебная карьера была довольно редким явлением среди архивистов.

Однако вскоре в 1771 г. в Москве случился страшный «чумной бунт». В Москву была отправлена специальная комиссия графа А.А. Орлова по расследованию причин чумы и последующего бунта. Выводы комиссии относительно деятельности Московской администрации и, в частности, М.Г. Собакина были крайне неутешительны. М.Г. Собакина обвинили в том, что он испугался чумы и последующих событий и не предпринял никаких решительных действий. В результате в январе 1772 г. Собакин был отправлен в отставку. Новым управляющим архива стал академик Г.Ф. Миллер⁴⁰. Столь резкая опала плохо сказалась на и без того неважном состоянии здоровья М.Г. Собакина, и в 1773 г. он умер в своем подмосковном имении.

В заключение статьи хотелось бы сказать еще несколько слов о роли М.Г. Собакина в истории отечественного архивного дела. Здесь нельзя не отметить некоторые работы А.Б. Каменского, посвященные деятельности академика Миллера и истории отечественного архивного дела. Так, например, в работе «Архивное дело

в России XVIII века: историко-культурный аспект» он пишет, что с приходом Миллера в 1766 г. начался «принципиально новый этап в истории архива», началось формирование «архивного сознания»⁴¹. С этим выводом нельзя полностью согласиться. Безусловно, приход Миллера способствовал появлению новых форм и видов деятельности в архиве, особенно в сфере научного использования и публикации документов, меняется отношение к архивам со стороны просвещенной части общества. Но подобный подход при всей справедливости, на мой взгляд, страдает однобокостью: тем самым отрицается и недооценивается работа предшественников Миллера, в частности М.Г. Собакина. Их деятельность по обработке, описанию, систематизации документов, пусть и неосознанно, но создавала все необходимые предпосылки для начала появления нового восприятия архива как учетно-справочного и научно-исследовательского учреждения одновременно. Неудивительно, что в работе А.Б. Каменского нет ни слова о М.Г. Собакине, ни слова о систематизации документов МАКИД в XVIII в. А ведь формирование «архивного сознания», о котором много и справедливо пишет А.Б. Каменский, невозможно без формирования архива как такового, невозможно без знакомства с составом и содержанием его документов, наконец, оно невозможно без создания в архиве всех условий для быстрого поиска справочной и научной информации. А в этих вопросах роль первых руководителей архива, особенно М.Г. Собакина, оказалась чрезвычайно велика.

В целом необходимо отметить значительное место М.Г. Собакина в истории архива. Очевидно, что он понимал значение архива как хранилища ценнейших и важнейших источников по истории Русского государства, а также много заботился о сохранности и состоянии архива. Собакин разработал систему организации и хранения документальных материалов архива, которая отличалась уважительным отношением к «старым делам» и максимально возможным сохранением уже сложившейся (фондовой) структуры. Предложенный им подход создавал все предпосылки для использования «старых дел» или исторической части архива в исследовательской работе. Кроме того, как уже говорилось выше, М.Г. Собакин и в своем плане 1747 г. и в «Рассуждении об архиве» 1756 г. фактически обосновывал необходимость и важность привлечения архивных документов для изучения отечественной истории. Эта идея реализовывалась уже при его преемниках, в частности при Г.Ф. Миллере и Н.Н. Бантыш-Каменском.

Наконец, нельзя не отметить и огромную роль М.Г. Собакина в вопросах подбора кадров для архива. Неслучайно при нем в архиве

начали работать выпускники Московского университета и Киево-Могилянской академии. Двое из них – Н.Н. Бантыш-Каменский и М.Н. Соколовский – впоследствии также стали руководителями архива и считали себя в архивных вопросах учениками М.Г. Собакина. Наконец, Собакин много сделал по приведению дел архива в порядок и его использованию, добился значительного улучшения условий хранения материалов архива.

В целом мы с полным основанием можем сказать, что за уважение к «старым делам», за понимание научно-исторической ценности архива, за высокие требования к подготовке кадров архивных работников М.Г. Собакин заслуживает одного из важнейших и почетнейших мест в истории создания архивоведения как научной дисциплины.

Примечания

- ¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 2. Боярские книги. Д. 176. Л. 94. Оп. 6. Московский стол. Д. 55. Л. 86; Д. 56. Л. 91; Д. 57. Л. 83; Д. 58. Л. 84.
- ² Имянной список всем бывшим и находящимся ныне в Сухопутном Шляхетском Кадетском корпусе Штаб Обер Офицерам и Кадетам с показанием кто из оных с какими достоинствами в какие чины выпускаемы были и в каких чинах ныне состоят. СПб.: Сухопутный шляхетский корпус, 1761. С. 61.
- ³ РГАДА. Ф. 17. Наука, литература, искусство. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–2.
- ⁴ Там же. Ф. 15. Дипломатический отдел. Оп. 1. Д. 203а. Л. 77–78 об.; *Собакин М.Г.* Совет добродетелей о поздравлении всеавгустейшия персоны е. и. в. Анны Иоанновны... в день высочайшаго ея рождения 28 дня генваря, сочинен стихами в Санкт-Петербурге, чрез Михайла Собакина, Шляхетнаго кадетскаго корпуса подпрапорщика, 1738 года. СПб., 1738.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 2. Внутриколлегские дела. Оп. 2/6. Д. 103. Л. 20.
- ⁶ Там же. Д. 3933. Л. 5–8.
- ⁷ РГАДА. Ф. 180. Канцелярия МГАМИД. Оп. 1. Д. 8. Л. 250–250 об.
- ⁸ Там же. Д. 12. Л. 167–177.
- ⁹ Там же. Д. 14. Л. 49–49 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 20. Л. 3.
- ¹¹ Там же. Д. 1. Л. 12 а–12 в об.
- ¹² Там же. Д. 20. Л. 4.
- ¹³ Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–20.
- ¹⁴ Там же. Л. 23–24 об.
- ¹⁵ *Дремينا Г.А.* Московский архив Коллегии иностранных дел // *Дремينا Г.А., Чернов А.В.* Государственные архивы СССР: Из истории Центрального государ-

- ственного архива древних актов (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959. С. 44.
- 16 РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 23. Л. 238–238 об. (*далее в скобках указаны листы этого дела*).
- 17 *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 120.
- 18 РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 23. Л. 233.
- 19 Там же. Л. 302.
- 20 Там же. Л. 304, 313–314.
- 21 Там же. Д. 24. Л. 156–157.
- 22 Там же. Д. 32. Л. 27–29.
- 23 АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 1444. Л. 3.
- 24 РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 32. Л. 65.
- 25 Там же.
- 26 АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 1444. Л. 3–5.
- 27 РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 35. Л. 205–205 об.
- 28 Там же. Д. 36. Л. 349–350.
- 29 Там же. Д. 36. Л. 503–504 об.
- 30 Там же. Д. 38. Л. 266–273, 400.
- 31 Цит. по: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 179.
- 32 РГАДА. Ф. 199. Портфели Г.Ф. Миллера. Портфель 421. Д. 4. Л. 13–13 об.
- 33 Там же. Ф. 180. Оп. 3. Д. 43. 1766 г. Л. 1–4.
- 34 *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли. М., 2012. С. 70–71.
- 35 *Чирков С.В.* Хохловский переулок, 7 // У Покровских ворот. М., 1997 (Серия «Биография московского дома»); *Самошенко В.Н.* Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986.
- 36 Цит. по: *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах. С. 119.
- 37 *Чирков С.В.* Указ. соч. С. 158–159.
- 38 *Самошенко В.Н.* Указ. соч. С. 20; *Бюлер Ф.А.* Указ. соч. С. 53.
- 39 РГАДА. Ф. 180. Оп. 6. Д. 32. Л. 1.
- 40 Там же. Оп. 3. Д. 49. Л. 1–3.
- 41 *Каменский А.Б.* Архивное дело в России XVIII века: Историко-культурный аспект: Учеб. пособие. М., 1991. С. 53.

Из истории Московского отделения Архива Академии наук СССР (1935–1940 гг.)

В статье представлена информация о создании Московского отделения Архива АН СССР, его работе по собиранию, учету, описанию и использованию научных и делопроизводственных архивных материалов, инспекторской деятельности по оказанию помощи в организации делопроизводства, подготовке документов к передаче на хранение. Особое внимание уделено использованию отделением единой нормативно-методической базы по различным аспектам архивной деятельности с Архивом АН СССР.

Ключевые слова: Московское отделение, Архив Академии наук СССР, Г.А. Князев, история.

Архив Российской академии наук и его Санкт-Петербургский филиал, созданный в 1728 г., остаются крупнейшим и старейшим ведомственным хранилищем документов по истории Российской академии наук, ее учреждений и организаций, отечественной и зарубежной науки и культуры, российских и иностранных ученых. История Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (до 1963 г. Архива АН СССР) изучена достаточно полно¹. В то же время комплексное изучение истории Архива Российской академии наук (до 1963 г. Московского отделения Архива АН СССР) не проводилось. Исключение составляет диссертационное исследование Н.М. Осиповой².

История академического архива в Москве тесно связана с историей Академии наук и архива АН СССР в Ленинграде. 25 апреля 1934 г. постановлением СНК СССР Академия наук СССР и ряд ведущих ее учреждений были переведены из Ленинграда в Москву. Возникла необходимость организации отделения академического

архива в столице для обслуживания как самого аппарата академии, так и переехавших институтов.

Начало существованию Московского отделения Архива Академии наук СССР было положено 27 августа 1935 г. В этот день было принято постановление Президиума АН СССР о необходимости организации отделения Архива АН СССР в г. Москве: директору Архива АН СССР Г.А. Князеву было предложено в двадцатидневный срок представить проект указанной организации; Управлению делами АН СССР подыскать помещение для архива³.

Постановлением Президиума АН СССР от 25 сентября 1935 г. «в целях учета, собирания, хранения научных и делопроизводственных архивных материалов, откладываемых от деятельности учреждений Академии наук, находящихся в Москве, а также для обслуживания этих учреждений архивными справками и архивным инструктажем» было принято решение организовать отделение Архива АН СССР в г. Москве. Руководство организуемым отделением было возложено на заведующего Архивом АН СССР в г. Ленинграде Г.А. Князева. В смете Архива АН СССР для организуемого отделения были предусмотрены две должности: ученого архивиста и архивного сотрудника. Управлению делами АН СССР было предложено обеспечить организуемое отделение Архива АН СССР соответствующим помещением, удовлетворяющим требованиям архивохранилища. В постановлении были определены задачи отделения Архива АН СССР в г. Москве: учет и концентрация архивных материалов; техническая и научная обработка хранящихся архивных материалов (составление описей, ведение картотек и т. п.); предоставление архивных материалов для научного и практического использования; инструктирование московских учреждений Академии наук по вопросам постановки и ведения архивной части и делопроизводства⁴.

Но Московское отделение архива возникло не сразу после постановления Президиума АН СССР, так как необходимо было определенное время для подбора помещения и набора сотрудников. К тому же перед своим отъездом из Ленинграда академические учреждения произвели передачу своих материалов в Архив АН СССР и перевезли в Москву только оперативные документы, которые за год пребывания в столице не потеряли своего значения и не подлежали передаче в архив. Остро встал вопрос об организации Московского отделения после постановления СНК СССР от 7 февраля 1936 г., в соответствии с которым была ликвидирована Коммунистическая академия при ЦИК СССР и ее учреждения были переданы Академии наук СССР. Архивные материалы самой

Коммунистической академии и ликвидированных и реорганизованных учреждений планировалось сконцентрировать в Московском отделении Архива АН СССР. В начале 1936 г. за отделением архива было закреплено подвальное помещение в здании Президиума АН СССР в Москве по адресу Б. Калужская ул., д. 24 (ныне Ленинский просп., д. 14). 29 апреля 1936 г. Московское отделение Архива АН СССР было открыто и приступило к работе⁵ в составе двух сотрудников. Ученым-архивистом (в дальнейшем заведующим) отделения был назначен Ф.Д. Гетман, архивными сотрудниками до конца 1937 г. были А.Г. Пек, Т.Д. Петрова, А.В. Тришкина, А.Г. Монова и Р.С. Данковская. С 22 декабря 1937 г. штат отделения увеличился на одну единицу – ученого-архивиста З.Н. Нагорову.

Помещение архива было недостаточно приспособлено для размещения архивных материалов, что создавало значительные трудности в работе. Для проведения комплекса работ по приему и систематизации поступающих архивных документов директор Архива АН СССР Г.А. Князев направил в Московское отделение «Инструкцию по научной и деловой документации (делопроизводства) для учреждений АН СССР» с приложением «Систематической таблицы научной и деловой документации» и «Правил о сдаче научных и делопроизводственных материалов в Архив АН СССР и его Московское отделение»⁶. В июне–сентябре 1936 г. сотрудники Московского отделения проводили обследование состояния и хранения архивных документов в Комиссии автоматике и телемеханики, Группе горного дела, Институте истории, Группе технической химии, Комиссии машиностроения, Институте философии, Институте экономики, Совете по изучению производительных сил (СОПС) и других. По результатам обследования были составлены акты с предложениями об улучшении хранения и систематизации архивных документов.

Одновременно сотрудники архива принимали на хранение документы ликвидированных учреждений Коммунистической академии в присутствии инспектора Архива АН СССР А.М. Черникова. При приеме документов Президиума Коммунистической академии в объеме 5146 условных единиц хранения отмечалось, что «сдаточные описи составлялись весьма небрежно, без какой бы то ни было системы, что привело к запутанности архивных материалов между отдельными фондами и внутри каждого фонда в отдельности, значительная часть описей обрезана». Кроме того, указывалось на недостаточную сохранность документов за период 1918–1925 гг., а также на уничтожение архивных документов вместе с описями, отсутствие реестра описей и книги поступлений архивных мате-

риалов⁷. Наряду с документами президиума на хранение были приняты материалы научных обществ при академии (краеведов, биологов, педагогов), комиссий (транспортной, по национальному вопросу, по изучению женского движения), институтов (советского строительства, философии, аграрного, мирового хозяйства) и библиотеки.

В феврале 1937 г. в Московское отделение поступили документы экспедиций СОПС АН СССР, в марте – Секретариата Президиума АН СССР за 1933–1934 гг., сейсмологического, математического и энергетического институтов, редакции справочника «Научно-исследовательские учреждения СССР». В 1936–1937 гг. была проведена научно-техническая обработка 12 фондов и частей фондов объемом 3260 ед. хр., к уничтожению выделены 225 условных ед. хр. Одновременно с научно-технической обработкой документов создавались картотеки: в тематическую картотеку были включены 152 карточки, в алфавитную (по личному составу) – 153 карточки. Архивные документы выдавались более чем 20 сотрудникам академических учреждений, было выдано более 70 архивных справок (в основном биографического характера), четверть из которых были отрицательными. Было проведено обследование более 30 академических учреждений, которое показало крайне неудовлетворительное положение дел как в хранении архивных документов, так и в их научно-технической обработке⁸.

5 октября 1937 г. состоялось заседание Президиума АН СССР, на котором рассматривался вопрос «О положении архивного дела в Академии наук», докладчик – директор Архива АН СССР Г.А. Князев. Обратимся к отдельным высказываниям докладчика, относящимся к Московскому отделению архива и состоянию архивного дела в академических учреждениях в Москве:

Есть еще такие, которые представляют собою не организованные архивы, нигде не зарегистрированные. Это архив при СОПСе. Имеются архивы и в других учреждениях, которые даже неизвестны. При многих учреждениях они имеются в самом плачевном состоянии, без всякого учета и оформления, и только случайно становятся известными. И, наконец, есть такие, которые не имели никакого архивохранилища, или имели без всякого оформления, учета, имели просто листовую россыпь, как относящуюся к текущей деятельности учреждения, так и имеющие архивный характер. Это оставшиеся у учреждений материалы, своевременно не сданные в архив под предлогом, что они нужны учреждению, или просто забытые. Наконец, есть материалы, которые неизвестно кому принадлежат – это наследство, оставшееся от других

учреждений. Всю эту пеструю группу, которую я перечислил, возглавляет образованное несколько лет тому назад, в 1930 г., Архивное совещание при Президиуме под председательством Самойловича А.Н.

Сейчас Московское отделение архива находится в помещении, которое нельзя считать пригодным для архива. Прежде всего, вход через кочегарку, там какие-то трубы парового отопления проходят. Архив находится в подвальном помещении, вход через буфет. Мы согласились на это помещение, считаясь с тем, что в Академии большой недостаток в помещении, что нет других помещений. Но одновременно мы считали, что будет какая-то возможность даже при таких трудных условиях удовлетворить минимум тех требований, которые предъявляются к архивным помещениям. Но эти требования не выполнены. Сейчас нам дали в другом конце коридора две комнаты и, таким образом, Архив оказался в двух местах. Таким образом, со стороны помещения Архив находится в очень тяжелом положении⁹.

Г.А. Князев высказал мнение, что заведующий отделением Гетман Ф.Д. проделал большую работу по обследованию учреждений, но для руководства отделением необходимо пригласить опытного архивного работника, для чего нужна дополнительная ставка. Кроме того, он предложил ликвидировать Архивное совещание и создать Совет по архивам Академии наук СССР.

В постановлении по рассматриваемому вопросу отмечалось совершенно нетерпимое состояние хранения и учета архивных материалов во многих академических учреждениях, не имеющих своих организованных архивохранилищ. Были отмечены основные недостатки в организации хранения и учета архивных материалов: хранение в различных местах, часто в коридорах, на лестницах, в подвалах, в открытом виде, вместе с хламом и легковоспламеняющимися предметами; отсутствие систематизации и оформления, в некоторых случаях сложены в кучи; отсутствие инвентаризации, наличие ключей от мест хранения у случайных лиц, не имеющих отношения к архивным материалам. Академическим учреждениям было предложено: выделить ответственное лицо за состоянием условий хранения и учета научных и деловых архивных материалов; сообщить в Президиум АН СССР о наличии архивохранилищ или рукописных собраний при библиотеках для их регистрации; для проведения работ по проверке учета и хранения архивных материалов в учреждениях учредить с 1 ноября 1937 г. дополнительную должность архивного инспектора по академическим учреждениям, находящимся в Москве, с окладом 750 руб. в месяц без права совместительства. Кроме того, было ликвидировано Архивное сове-

щение, вместо которого был создан Ученый совет по архивам Академии наук СССР¹⁰.

Наиболее полно положение дел в Московском отделении Архива АН СССР отражено в акте проверки от 2 ноября 1937 г., которую проводило Центральное архивное управление (ЦАУ) СССР. В акте было отмечено, что отделение архива размещено в двух довольно просторных полуподвальных помещениях, изолированных от других отделов, которые отвечают установленным требованиям хранения архивных материалов как по площади, так и по наличию оборудования. Сообщалось о наличии центрального отопления, огнетушителей, изолированной электропроводки и чистоте в помещении. В то же время отсутствовали специальная охрана архивохранилища и железные решетки на окнах. Дела за 1918–1934 гг. объемом 8 тыс. ед. хр. в связках с фанерными по сторонам крышками были размещены на стеллажах. Отмечался ряд нарушений правил архивно-технической обработки материалов ЦАУ: формирование дел с использованием скоросшивателей; наличие в делах скрепок и булавок; отсутствие оформления обложек дел, названий учреждений или их частей и точных заголовков дел; отсутствие нумерации дел постоянного хранения. По мнению инспекторов, инвентарные описи были составлены не по правилам, особенно отмечались недостатки в составлении заголовков дел, которые не раскрывали их содержания, а также наличие в описях множества разных пометок, галок и сокращенных названий учреждений и организаций. Проверкой было установлено отсутствие положения о Московском отделении архива, инструкции о практической работе и подготовке секретных дел к сдаче, перечня со сроками хранения дел и актов о выделении документов в макулатуру¹¹. Московскому отделению Архива АН СССР было рекомендовано ликвидировать указанные недостатки в работе к 1 января 1938 г.

В конце 1937 г. в Московское отделение для использования в работе была направлена копия «Инструкции по разборке архивных фондов и коллекций», разработанная Архивом АН СССР¹², в которой были определены основные принципы систематизации документов в инвентарных описях. Основное внимание в инструкции было уделено личным фондам ученых, документальные материалы ведомственного характера предлагалось систематизировать по существующим правилам и инструкциям, причем ссылка делалась на пособие Г.А. Князева¹³. Согласно инструкции для упорядочения личных фондов ученых предлагалось группировать документы по семи разделам: рукописи фондообразователя; документы к рукописям произведений фондообразователя; черновики писем фондо-

образователя к разным лицам и учреждениям; биографические документы фондообразователя; письма к фондообразователю от частных лиц и учреждений; документы родственников; документы, собранные фондообразователем: рукописи других лиц, присланные на отзыв; письма других лиц, касающиеся научно-литературной деятельности или его семейной жизни; отдельные печатные материалы, носящие на себе следы работы фондообразователя; иконографический материал (портреты, фотографии); картотеки, имеющие подсобный библиографический характер для работ фондообразователя. Схема классификации документов личных фондов в инструкции отличалась от классификационной схемы, опубликованной в пособии Г.А. Князева¹⁴. Так, в инструкции группа документов, отложившихся от служебной и общественной деятельности ученого, не была выделена. Письма ученого и письма к ученому составляли в инструкции две самостоятельные группы, тогда как в опубликованных статьях 1920-х – начала 1930-х годов письма составляли единый раздел.

16 марта 1938 г. директор Архива АН СССР Г.А. Князев подготовил «Инструкцию Отделению Архива АН СССР в Москве», в которую были включены следующие положения: задачи и организационная структура; учет, соби́рание, прием, хранение и порядок размещения архивных материалов; порядок использования, уничтожения не подлежащих хранению документов; охрана помещений¹⁵. Практически это был первый нормативно-методический документ, в соответствии с которым работало Московское отделение. 3 ноября 1938 г. Архив АН СССР направил в Московское отделение для использования в работе проект «Перечня материалов и дел АН СССР и учреждений ее системы со сроками их хранения»¹⁶.

15 декабря 1938 г. Президиум АН СССР на заседании рассматривал вопрос «О нахождении в институтах и музеях АН СССР незаинвентаризованных и неучтенных материалов». В постановлении было предложено всем академическим учреждениям не позднее 1 января 1939 г. сдать в Архив АН СССР и его Московское отделение все имеющиеся научные архивные материалы. В тех случаях, когда архивные материалы нужны для работы учреждения, они, по согласованию с академическим архивом, должны были быть заинвентаризованы учреждением с соблюдением всех архивных правил и учтены в Архиве АН СССР¹⁷.

На 1 января 1939 г. в Московском отделении было учтено 58 фондов академических учреждений и коллекция IV «Отдельные поступления, не вошедшие в состав фондов», из которых 32 фонда ликвидированных Коммунистической академии и ее учреждений.

Со дня своего основания Московское отделение и Архив АН СССР имели единую нумерацию фондов. Кроме того, часть фондов находится в обоих архивохранилищах. Так, в Московском отделении в 1937 г. были образованы фонды № 2 «Секретариат Президиума АН СССР» и № 4 «Управление делами АН СССР», тогда как в Архиве АН СССР уже имелись фонды с такими номерами. Разделение документов произошло как по причине изменений в структуре органов управления Академии наук, так и по хронологическому принципу. Одной из особенностей описей Московского отделения являлась валовая регистрация описей в 1936–1940 гг. с присвоением каждой описи порядкового номера вне зависимости от фондовой принадлежности. В результате многие описи к фондам Московского отделения Архива АН СССР имеют кроме порядкового номера через дробь регистрационный номер.

В 1938 г. в Московском отделении была проведена научно-техническая обработка фондов Коммунистической академии в количестве 5127 ед. хр., из которых 472 ед. хр. – чертежи, и 386 ед. хр. академических учреждений. От организаций и учреждений АН СССР было принято 7092 ед. хр., 970 писем и 198 штук клише. В процессе использования документов были выданы 64 справки, из которых частным лицам были представлены 47 справок биографического характера. Учреждениям АН СССР было выдано 17 справок, 30 ед. хр. и 21 письмо – во временное пользование. В читальном зале отделения архива работали 12 исследователей. Организована фондовая картотека, были заведены книга фондов и дела фондов, продолжалось ведение картотеки личных дел, в тематическую картотеку внесены 23 карточки. Инспекторская и инструкторская работа по организации делопроизводства и подготовке документов к передаче в отделение проводилась в 59 академических учреждениях. В 1938 г. в Московское отделение на должность старшего архивного работника была принята Н.А. Беляева, на должность архивно-технического работника А.А. Астапов.

5 марта 1939 г. Московское отделение было обследовано инспекцией Главного архивного управления (ГАУ) НКВД СССР. В акте проверки указано, что общее количество дел составляло 19 650 ед. хр., из которых 11 000 ед. хр. составляли документы Коммунистической академии и ее учреждений. Работа отделения была одобрена, особо было отмечено наличие учетных сведений и обзоров фондов, картотеки фондов с топографическим указателем, учетной и тематической картотек, инвентарной книги и книги выдачи архивных материалов. Среди предложений инспекции можно отметить следующие: необходимость ускорения описания

документов, проведения ревизии дел, обратив особое внимание на точность составления заголовков дел, переработки описей с проведением разграничения по фондам, структурным подразделениям и годам, а также увеличение штата сотрудников. В заключение деятельность отделения была оценена как серьезная научная работа¹⁸.

14 октября 1939 г. вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт утвердил согласованный с ГАУ НКВД «Перечень дел и документов АН СССР и ее системы со сроками хранения»¹⁹. Перечень содержал 289 статей, систематизированных в 8 разделов: руководство и контроль; планирование и отчетность; организационно-административная деятельность; научная и научно-исследовательская деятельность; хранение, учет и использование научных коллекций, собраний, приборов и материалов; подготовка и повышение квалификации научных кадров; финансирование научных работ; хозяйственное обслуживание научных учреждений. Перечень дополнял «Инструкцию по научной и деловой документации для учреждений Академии наук СССР», для которой впервые вводился единый для всех учреждений Академии наук классификатор вопросов, на основе которого в каждом учреждении составлялась номенклатура дел. В основу классификатора был положен систематический перечень вопросов, возникавших в процессе деятельности учреждения, с использованием десятичной индексации. Таким образом, перечень и инструкция предписывали всем учреждениям Академии наук систематизировать документацию по утвержденной схеме, что должно было не только ввести единообразие в делопроизводство, но и унифицировать заголовки дел, а также ввести единую структуру описи.

В 1939 г. в Московском отделении было завершены систематизация и описание документов фонда Коммунистической академии и ее учреждений. Из академических учреждений в отделение поступило 13 143 ед. хр. и 47 вязок россыпи, а также документы почетного члена Академии наук, палеонтолога М.В. Павловой. Инспекторская и инструкторская работа проводилась в 69 московских академических учреждениях. Алфавитная картотека личных дел сотрудников академических учреждений пополнилась на 1014 карточек, тематическая – на 107 карточек. В читальный зал 7 исследователям было выдано 86 ед. хр., во временное пользование – 35 ед. хр. В процессе исполнения запросов были подготовлены 19 справок научного характера и 201 биографическая справка, оказана 91 консультация о составе и содержании документов. На 1 января 1940 г. в Московском отделении были учтены и описаны 95 фондов академических учреждений и 1 разряд объемом 27 241 ед. хр., из которых

21 446 ед. хр. хранились в фондах Коммунистической академии и ее учреждений. В 1939 г. в штате отделения состояли заведующий Ф.Д. Гетман, ученый-архивист З.Н. Нагорова, старший архивный работник Н.А. Беляева и два архивно-технических работника, принятых временно на два месяца.

20 января 1940 г. на заседании бюро Отделения истории и философии АН СССР было одобрено «Положение о Московском отделении Архива АН СССР», согласованное 10 февраля 1940 г. с ГАУ НКВД. В положении были определены основные задачи отделения: собирание, систематизация, описание и учет документальных материалов; составление обзоров на отдельные фонды; ведение научно-справочного аппарата; предоставление документов для использования, выдача архивных справок; инспектирование московских академических учреждений по вопросам ведения делопроизводства и подготовки документов к передаче в архив. В положении были отмечены источники комплектования архива: архивные материалы, отложившиеся в административной и научной деятельности московских учреждений АН СССР, а также академиков, членов-корреспондентов, почетных членов Академии наук и отдельных ученых, связанных по своей научной работе с АН СССР²⁰.

На 1 января 1941 г. в Московском отделении были учтены и описаны 121 фонд академических учреждений и 1 разряд объемом 46 518 ед. хр., не описанными оставались 1031 см россыпи. Было обследовано 79 академических учреждений, приняты 14 502 ед. хр. и 850 см россыпи, разобраны 6921 ед. хр. и 515 см россыпи. В алфавитную картотеку включено 8632 карточки. Пополнилась коллекция документов выдающихся ученых – были получены архивные материалы члена-корреспондента Н.М. Кулагина, почетного члена А.П. Богданова. В читальном зале отделения работали 33 исследователя, которым было выдано 283 ед. хр. и 39 описей, во временное пользование было выдано 152 ед. хр. В процессе исполнения запросов были подготовлены 21 справка научного характера и 184 биографические справки, даны 158 консультаций о составе и содержании документов. В 1940 г. в штат отделения была включена ученый-архивист А.Г. Роше; Н.В. Телешева и Н.В. Сальникова занимали должности архивно-технических работников временно.

В то же время отметим, что документы партийной организации Коммунистической академии были переданы в Специальный отдел АН СССР, отдельных ее учреждений – в партийные архивы МК и МГК ВКП(б). Документы личного происхождения ученых и личные дела умерших академиков в 1936–1941 гг. передавались из

Московского отделения в Архив АН СССР в Ленинграде, отдельные личные дела сотрудников академических учреждений – в Управление кадров АН СССР. В 1940–1941 гг. из Московского отделения в архивные отделы НКВД Московской, Ленинградской и Ивановской областей и центральные государственные архивы г. Москвы были переданы архивные документы учреждений других ведомств и ряда академических учреждений Дальнего Востока²¹.

Таким образом, в 1936–1940 гг. Московским отделением Архива АН СССР была проведена большая работа по основным направлениям архивных работ. Отделение и Архив АН СССР имели единую нумерацию фондов, причем часть фондов имеется в обоих архивохранилищах. В отделении были созданы все учетные документы, началась работа по организации именной и тематической картотек. Систематическая работа отделения по инспектированию научных учреждений и попытка применения нормативно-методической базы Архива АН СССР для создания и совершенствования научно-справочного аппарата были направлены на подготовку описей с применением единых методов систематизации документов.

Практически все описи фондов Комакадемии, составленные в 1930–1940 гг., имеют значительные недостатки: отсутствует справочный аппарат, что значительно усложняет поиск информации; в большинстве случаев нет информации о количестве листов в деле; нарушаются принципы систематизации по видам документации, по годовым разделам и в алфавитном порядке фамилий; в некоторых случаях заголовки дел не раскрывают состав и содержание документальных комплексов. Одной из особенностей описей, подготовленных в отделении, являлась валовая регистрация описей с присвоением каждой описи порядкового номера вне зависимости от фондовой принадлежности.

Разработанная классификационная схема систематизации документов выполняла две функции. Во-первых, она позволяла учреждениям и организациям Академии наук создавать описи на научно-методической основе, унифицировать их структуру, частично раскрыть содержание и конкретизировать заголовки дел. Во-вторых, схема использовалась для систематизации карточек в каталогах. Однако классификационная схема была предназначена только для документов, отложившихся в делопроизводстве учреждений и организаций Академии наук. Она не распространялась на научные и специальные виды документов (чертежи, карты, проекты, рисунки, негативы и позитивы фотоснимков и кинофильмов, звукозаписи и т. п.) и документы личных фондов ученых.

В заключение можно отметить, что создание Московского отделения Архива АН СССР позволило организовать соби- рание, учет, хранение и использование научных и делопроизвод- ственных архивных материалов московских академических уч- реждений.

Примечания

- ¹ Исторический очерк Архива Академии наук СССР: 1728–1962 / Под ред. Г.А. Князева. На правах рукописи. Л., 1965. 201 с.; *Тункина И.В.* Хранители академической памяти (XVIII – первая треть XX в.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016. 512 с.
- ² *Остова Н.М.* Архив АН СССР (1917–1941 гг.): Проблемы организации, комплектования, хранения и использования документации научных учреждений: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 274 с.
- ³ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 3. Л. 69, 73.
- ⁴ Там же. Л. 74, 81.
- ⁵ Там же. Ф. 7. Оп. 1 (1936–1963). Д. 1. Л. 1.
- ⁶ Там же. Д. 6. Л. 1–28.
- ⁷ Там же. Д. 9. Л. 12–14.
- ⁸ Там же. Д. 19. Л. 11–18.
- ⁹ Там же. Д. 16. Л. 4–5, 10.
- ¹⁰ Там же. Л. 1–2.
- ¹¹ Там же. Д. 17. Л. 2–3.
- ¹² Там же. Д. 25. Л. 9–13.
- ¹³ *Князев Г.А.* Теория и техника архивного дела. (Опыт систематического руководства.) Л., 1935. 122 с.
- ¹⁴ Там же. С. 34–76.
- ¹⁵ Архив РАН. Ф. 7. Оп. 1 (1936–1963). Д. 33. Л. 1–6.
- ¹⁶ Там же. Д. 37. Л. 1–19.
- ¹⁷ Там же. Л. 24.
- ¹⁸ Там же. Д. 44. Л. 2–3.
- ¹⁹ Перечень дел и документов АН СССР и ее системы со сроками хранения. М.; Л., 1940. 48 с.
- ²⁰ Архив РАН. Ф. 7. Оп. 1 (1936–1963). Д. 55. Л. 1–4.
- ²¹ Там же. Д. 12. Л. 1–15.

Архив Администрации Президента и Правительства Чеченской Республики: прошлое и настоящее (1990–2000-е гг.)

В статье рассматривается состояние архивов Чеченской Республики в первое постсоветское десятилетие. Отмечается, что в конце 1990-х гг. началось воссоздание значительно пострадавшего в ходе боевых действий документального наследия народа. Проанализирована деятельность по спасению, комплектованию, сохранению и научно-технической обработке документов Архива аппарата главы Администрации Президента и Правительства Чеченской Республики. Выявлены и определены проблемы в работе Архива и намечены пути их решения.

Ключевые слова: Архивный фонд Чеченской Республики, спасение архивных документов, историко-документальное наследие, департамент делопроизводства и электронного документооборота, номенклатура дел, экспертиза ценности, научно-техническая обработка документов.

В ходе военных действий 1994–1996 и 1999–2000-х гг. Архивный фонд Чеченской Республики понес огромные потери: погибло 82 процента документального наследия Республики¹. Из 800 тыс. архивных дел, хранившихся на территории республики, уцелело только 120 тыс. дел. Так, в Центральном государственном архиве ЧР сгорело 656 тыс. дел, отражавших историю чеченского, ингушского и славянских народов более чем за два столетия. Дело в том, что из архивохранилищ Центрального государственного архива Чеченской Республики, расположенных в нескольких зданиях – Президентском дворце (архив бывшего обкома КПСС); ул. Мира 7/79; ул. Первомайская, 30, – еще летом 1994 г. документы были свезены в здание по ул. Орджоникидзе, 89 и размещены на 3-м, 4-м и 5-м этажах. И здесь документы погибли, так как это

здание в результате боев было превращено в руины. Полностью были уничтожены и все архивы, расположенные по ул. Чехова, 3, включая страховой фонд и учетные документы. Уцелели только 90 тыс. дел спецпереселенцев, которые были сконцентрированы в хранилище площадью 72 кв. м в подвале жилого дома по ул. Карагандинская, 6².

Пострадали и документы Правительства Республики.

Требовалось оперативное решение воссоздания уничтоженного в ходе военных действий документального наследия чеченского народа. 30 декабря 1999 г. была создана Временная гражданская администрация (Правительство) Чеченской Республики, которая, понимая историческую значимость произошедших трагических событий, организовала работу по сбору и восстановлению утраченных документов, а также обеспечению сохранности уцелевших документов ведомственных архивов правительственных учреждений.

Многие беженцы стали возвращаться в республику. Домой, в Грозный, из Гудермесского и Грозненского районов также вернулись беженцы и приступили к восстановлению разрушенного в ходе боевых действий.

Предстояла огромная работа и по воссозданию значительно пострадавшего архивного фонда ЧР. Многие документы по личному составу были утеряны. Со всех уголков России и стран ближнего зарубежья поступало множество писем от беженцев, которые вынуждены были покинуть Чечню из-за военных действий. Они обращались с социально-правовыми запросами – за подтверждением стажа работы, копиями свидетельств о рождении и другими документами. Возникали проблемы и с выдачей архивных справок реабилитированным спецвыселенцам.

8 июня 2000 г. Указом Президента Российской Федерации № 1071 «Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике» была образована Администрация Чеченской Республики.

12 июня 2000 г. Указом Президента Российской Федерации № 1100 «О Главе Чеченской Республики» главой Администрации Чеченской Республики был назначен Ахмат-Хаджи Кадыров.

Распоряжением уже нового главы Администрации ЧР А.-Х. Кадырова от 9 сентября 2000 г. создавалась Государственная архивная служба республики для продолжения работы по сбору документов в деле обеспечения информационно-архивного пространства в масштабах республики.

В этом же 2000 г. с А.-Х. Кадыровым и его командой пришла работать в Администрацию Президента и Правительства ЧР и автор

настоящей статьи, будучи абсолютно уверенной в правильности выбранного первым президентом Республики Ахмат-Хаджи Кадыровым, пути.

Мне пришлось организовать научно-техническую обработку документов с 1999 г. По мере научно-технической обработки документов за каждый год создавался и научно-справочный аппарат к этим комплексам документов. Отмечу, что архивная служба Администрации ЧР начала свою работу в приспособленном вагончике, так как все административные здания в Грозном были разрушены. Правительство и республиканские учреждения вначале даже были вынуждены разместиться в г. Гудермесе.

27 января 2001 г. создано Архивное управление Правительства ЧР и ведомственный архив Аппарата главы Администрации Президента и Правительства ЧР, Положение о котором утверждено 31 мая 2001 г. Однако в полном объеме свою деятельность Архив начал с 2003 г. Тем не менее была образована группа Архивного управления Правительства ЧР, которая продолжила научно-техническую обработку документов. Однако выяснилось, что отсутствуют номенклатура дел, а также предыдущая опись, что могло бы позволить хоть как-то ориентироваться в комплексах документов. Ведь качественная номенклатура, которая используется как учетный документ при сдаче в архив дел со сроком хранения до 10 лет, как и с постоянным сроком хранения, позволяет не только организовать сохранение и учет соответствующих документов, но и обеспечить оперативный поиск необходимой информации и в текущем делопроизводстве, и в архиве. Поэтому пришлось создавать и разрабатывать методические документы и научно-справочный аппарат практически «с нуля».

Научно-технической обработке документы Аппарата Президента и Правительства ЧР подверглись впервые. Будучи единственным сотрудником я была вынуждена пригласить группу архивистов из Архивного управления Правительства Республики для оказания помощи в проведении научно-технической обработки и упорядочения документов Администрации Президента и Правительства Республики.

Однако 27 декабря 2002 г. на территории правительственного комплекса произошел террористический акт, в результате которого непосредственно на месте взрыва погибли 48 человек, еще 23 скончались в больницах. 640 человек получили ранения различной степени тяжести. Пострадала и автор настоящей статьи: до сих пор последствия контузии дают о себе знать.

Террористический акт еще больше осложнил работу по восстановлению документов и их научно-технической обработке. В зда-

нии, от которого практически остался только закопченный остов, находилось множество собранных уже после военных действий и начала мирной жизни документов. После взрыва документы доставлялись в россыпи, в мешках, коробках, грязные, в пыли, окровавленные, перемешанные с разбитыми стеклами: площадь перед правительственным комплексом была усеяна обломками. Работать с документами в перчатках было невозможно, и руки превратились, можно сказать, в наждачную бумагу. Документы собирали буквально по листику, многих документов не оказалось, они сгорели и восстановить их было уже невозможно. Однако мною проведена огромная работа по розыску утерянных во время теракта в правительственном комплексе документов и реставрации поврежденных документов. Осознание своей профессиональной востребованности, нужности государству, обществу и каждому пользователю в отдельности придает смысл архивной работе, помогает преодолеть все тяготы и трудности.

Затем была проведена систематизация документов и оформление их в дела.

После теракта среди документов, доставленных в архив в мешках, среди россыпи, мною были найдены не только финансовый документ на сумму в несколько миллионов рублей (в противном случае Администрация вынуждена была бы выплатить эту сумму), но и многие другие значимые исторические документы, являющие собой документальную память народа и обеспечена их сохранность.

К этому времени, в 2002 г., впервые была разработана и внедрена система регистрации корреспонденции в общем отделе Аппарата Президента и Правительства ЧР, в том числе разработана структура сводной номенклатуры дел. После теракта пришлось все разрабатывать заново.

В 2003 г. начала свою работу Архивная служба Администрации Президента и Правительства ЧР. Указом Президента Чеченской Республики № 231 от 3 ноября 2003 г. утверждались структура и штатное расписание Аппарата Президента и Правительства Чеченской Республики. В целях обеспечения полномочий Президента и Правительства ЧР, предусмотренных Конституцией Чеченской Республики, сформирован Аппарат Президента и Правительства ЧР. В соответствии со структурой создавался департамент делопроизводства и электронного документооборота Администрации Президента и Правительства ЧР. В 2003 г. автор настоящей статьи возглавила архив департамента делопроизводства и электронного документооборота Администрации Президента

и Правительства ЧР, и уже в этой должности продолжила начатую ранее работу по сбору, комплектованию, упорядочению и систематизации документов – важных источников выявления, отбора и сохранения документальных свидетельств о настоящем, о бурных событиях нынешней эпохи, внося организованное начало в спонтанный процесс фондообразования. Отмечу, что первое время я работала в приспособленном под архив вагончике, с документами, которые были буквально свалены грудями, в мешках, коробках, естественно, без стеллажей, на полу.

В архив продолжало поступать множество писем от беженцев с просьбами о помощи, которые, спасаясь от войны, покинули Чечню. Стоит только взять в руки документ и перед тобой раскрывается человеческая судьба со всеми трагедиями и трудностями. Поэтому я сохраняла даже те документы, истекшие сроки хранения которых позволяли списать их по акту. Я понимала, что нет более полного и многозначного явления нашей духовной жизни, чем забота о формировании и сохранении письменных источников национального самосознания и самопостижения. Бесценен каждый документ, который может решить судьбу человека, поэтому добросовестное исполнение социально-правовых запросов являлось и является важнейшей функцией руководимого мною архива и моего жизненного предназначения.

Проводилась работа по приему несистематизированных документов от подразделений Администрации Президента и Правительства Чеченской Республики. 969 папки типа «корона» (300 000 листов).

Всего за 2000–2010 гг. проведена научно-техническая обработка документов, включая систематизацию, упорядочение с поллистным просмотром каждого документа, формирование тома дела, прошивка, нумерация страниц тома, оформление обложки дела, составление описи дел и т. д., и таким образом сформировано 1722 дела (258 000 листов).

На основании писем-запросов от населения в установленном порядке выдано 883 (более 4000 листов) копий документов, также копий нормативно-правовых документов по запросам руководства и учреждений. Информационное обслуживание государственных органов относится к числу важнейших функций архива.

За эти годы научно-технической обработке подверглись документы пяти структурных подразделений: общего отдела, приемной Президента, управления делопроизводства, управления законности и правопорядка и по работе с военнослужащими, финансово-экономического управления, а также Протоколы комиссии по рассмотрению заявлений граждан о компенсационных выплатах за

утраченное в результате военных действий в Чеченской Республике жилье и имущество.

В общий отдел вошли указы Президента РФ, протоколы совещаний Правительства РФ, распоряжения Правительства РФ; распоряжения Главы Администрации ЧР, заместителя Главы Администрации по основной деятельности и личному составу, а также переписка с министерствами, ведомствами по производственно-финансовой деятельности и по основной деятельности.

Особо хотелось бы отметить документы приемной Президента, которые отражают титаническую работу, проведенную Президентом и Правительством по организации восстановления Чеченской Республики и оказанию гуманитарной помощи населению: справки, отчеты о проделанной работе, поручения Президента ЧР, сведения министерств, ведомств всей республики.

Кроме того, здесь сосредоточена переписка Правительства ЧР с министерствами и ведомствами, отражающая все этапы восстановления мирной жизни республики.

В управлении делопроизводства сосредоточен большой состав документов: федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, распоряжения Правительства РФ и главы Администрации Чеченской Республики, протоколы заседаний и совещаний Правительства РФ и Правительства ЧР, распоряжения главы Администрации Чеченской Республики по основной деятельности и личному составу. Полистно проведена систематизация этих нормативно-правовых документов. При работе выяснилось, что состояние и оформление подобных документов нельзя признать удовлетворительным: отсутствовали внутренние описи дел, подтверждающие документы с изложением причины отсутствия того или иного документа.

В опись дел постоянного хранения вошли 373 дела, в опись личного состава 28 дел.

Однако в этот период пришлось столкнуться с трудностями как объективного, так и субъективного характера. К сожалению, прежнее руководство Администрации Президента и Правительства Республики не поняло или не придало должного значения деятельности Архивной службы Администрации Президента и Правительства ЧР и упразднило отдел архивной службы, вместо которого был создан архивный сектор.

Тем самым был значительно понижен статус архива, занимающегося научно-технической обработкой документов Администрации Президента и Правительства ЧР в трагический период истории, а также становления нашей республики. А ведь архив такой же символ государственности, как флаг, гимн, герб.

Из-за ограничения полномочий и возможностей сектор был не в состоянии полноценно выполнять весь спектр стоящих перед ним задач, связанных с упорядочением, систематизацией и классификацией документов. Я понимала, что необходимо бороться за восстановление исторической справедливости по отношению к оценке смысла служения архива и архивиста. Поэтому в связи с назревшими проблемами в деятельности архивной службы Администрации Президента и Правительства Чеченской Республики в 2007–2009 гг. мною были подготовлены служебные записки с просьбой, учитывая исключительную актуальность, значимость, и жизненную необходимость той работы, которую призван выполнять архив, преобразовать архивный сектор в отдел архивной службы Администрации Президента и Правительства ЧР.

Кроме того, для полноценного решения вопросов в деятельности архивной службы, улучшения и повышения эффективности работы по обеспечению научно-технической обработки, систематизации, комплектования, учета и проведения экспертизы ценности документов Администрации Президента и Правительства ЧР предлагалось вывести архив из подразделения делопроизводства и электронного документооборота и передать в прямое подчинение руководителю Администрации. Был разработан проект Положения отдела архивной службы, который прилагался к служебной записке.

Также вносилось предложение образовать постоянно действующую Центральную экспертную комиссию в целях организации и проведения совместно с отделом архивной службы Администрации Президента и Правительства Республики работы по проведению экспертизы ценности документов, отбору их на государственное хранение и уничтожение. (Проект Положения и предполагаемый состав ЦЭК также прилагался.) Создание ЦЭПК являлось жизненно необходимой задачей, так как, к сожалению, случались ситуации, когда в нарушение ФЗ № 125 от 22 октября 2004 г. «Об архивном деле в Российской Федерации» без проведения экспертизы ценности документов в отделах структурных подразделений уничтожались документы. В связи с этим архивной службой был подготовлен график сдачи документов в архив, который должен утверждаться руководителем Администрации Президента и Правительства ЧР. Началась моя борьба за разработку и принятие нормативно-правового документа, обязывающего всех ответственных лиц ежегодно и своевременно готовить документы к сдаче в архив, потому что архив призван формироваться как система целостного восприятия исторического и временного пространства. Архив дает

информацию о целом, отражаясь в документе. А до 2012 г. архив работал без номенклатуры дел. В течение четырех лет я была тревогу, объясняла руководству, почему архив не может работать без нормативного документа. Пришлось самой разрабатывать и номенклатуру дел, и Положение об экспертизе ценности документов.

Кроме того, с 2003 по 2008 г., служа в архиве единственным сотрудником, я проводила научно-техническую обработку документов, даже в качестве переpletчицы шнуровала дела и т. д., потому что возможная гибель ценнейших документов не могла не волновать меня как гражданина и патриота.

Однако подразделения Администрации были переполнены документами, так как их негде было разместить. Ни один из существующих подвалов зданий правительственного комплекса не был приспособлен под архив. Поэтому мною была подготовлена еще одна служебная записка на имя директора департамента делопроизводства и электронного документооборота Б.А.-М. Садулаева с просьбой обратиться к руководителю Администрации Президента и Правительства ЧР о выделении под архив помещения для хранения документов Администрации Президента и Правительства ЧР: «На территории правительственного комплекса желательно иметь архивохранилище для хранения документов в течение 100 лет, соответствующее нормам обеспечения сохранности архивных документов».

В интересах будущих поколений исследователей в сектор архива поступают документы из 38 подразделений Администрации, а имеющиеся площади не позволяют принять документы от подразделений, в то время как подразделения Администрации забиты папками, их накопилось более 3 тысяч дел.

Тем не менее, несмотря на объективные и субъективные трудности, в этот период департаментом делопроизводства и электронного документооборота разработана концепция системы электронного документооборота органов исполнительной власти и местного самоуправления ЧР, которая была принята и начала реализовываться, и, таким образом, заработала система электронного документооборота в Администрации Президента и Правительства ЧР в период 2005–2010 гг.

Кроме того, внедрена республиканская электронная система оперативного контроля исполнения поручений Президента и Председателя Правительства ЧР.

Разработана Инструкция по Архиву Администрации Президента и Правительства ЧР.

Согласно номенклатуре дел, утвержденной распоряжением руководителя Администрации Главы и Правительства ЧР от 6 декабря

2012 г. № 75-ра, в процессе деятельности ежегодно в Администрации формируются более 2000 дел, нуждающиеся в проведении экспертизы ценности, комплектовании, научно-технической обработке, учете и обеспечении сохранности документов.

В связи с этим в 2012 г. мною была еще раз повторена просьба о преобразовании сектора архива в отдел архивной службы, в котором предлагалось создать сектор комплектования и экспертизы ценности документов и сектор по обеспечению сохранности и использованию документов, а также переплетную мастерскую по прошивке документов.

Архив ведет работу по формированию, оформлению, учету, разработке научно-справочного аппарата, хранению и обеспечению сохранности использованных дел, законченных делопроизводством. Удовлетворение социально-правовых запросов со стороны различных государственных органов и граждан также является профессиональной обязанностью архивистов.

Вопрос о месте и роли архива в системе государственных органов, ведомств и учреждений, каждый из которых является одновременно и фондообразователем и пользователем, а также о возможности удовлетворить запросы населения и руководства остается важнейшей задачей сотрудника архива, понимающего ответственность возложенную на него миссию хранителя вечных документальных ценностей.

Руководимый мною архив выполняет государственную, научно-познавательную и историческую функцию одновременно и, таким образом, возложенную на него миссию – сохранение национального документального достояния.

Примечания

-
- ¹ *Гвоздикова Т.И.* Последнее десятилетие архивов Чеченской Республики // Отечественные архивы. 2003. № 2. С. 25; *Она же.* Выявление документов по истории Чеченской Республики в государственных архивах Юга России // Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 14.
 - ² *Еремченко В.А.* Что стало с архивами Чеченской Республики // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 22–25.

Документационное обеспечение и документирование деятельности поисковых отрядов

Статья посвящена вопросам документационного обеспечения и документирования работы поисковых отрядов на основе существующих правовых актов и стандартов, применимых в полевых условиях. Поисковая работа включает в себя: изучение военной истории и конкретных мест сражений, архивную эвристику и архивные разыскания, поисковые работы на местности, увековечение памяти воинов, уход и поддержание в надлежащем состоянии воинских захоронений и мемориалов, установление имен погибших, военно-патриотическое воспитание молодежи и др. Предстоит большая работа по совершенствованию документационного обеспечения и документирования деятельности поисковых отрядов. Решению этих вопросов должна помочь данная статья.

Ключевые слова: документ, документирование, поиск, война, память, погибшие.

В послевоенные годы в период восстановления экономики СССР не хватало сил и возможностей для захоронения и установления личности всех павших воинов. Предпринятые Министерством обороны СССР мероприятия по поиску погибших и приведению в порядок воинских захоронений не принесли желаемого результата. Более того, эта тема в СССР долгие годы была под запретом, так как официально не признавался сам факт существования тысяч непогребенных воинов Советской армии¹.

Движение по розыску погибших воинов возникло стихийно. В конце 1950-х гг. стали появляться первые организованные отряды поисковиков. Одним из самых первых стал Информационно-культурный поисковый центр «Обелиск», организованный учителем,

фронтовиком Юрием Робертовичем Барановским, автором первой методической работы по проведению поисковых работ в Москве.

В 1958 г. под руководством Ю.Р. Барановского была организована первая московская экспедиция, направившаяся на места боев под Новгородом. В первом же походе отряд Ю.Р. Барановского обнаружил останки 20 красноармейцев. Удалось установить 15 из 20 имен.

Впоследствии отряд Ю.Р. Барановского прошел с экспедициями всю линию фронта от Баренцева до Черного моря. При его участии было создано четыре музея. Сотни ребят получили опыт поисковой работы в экспедициях отряда. Об отряде были сняты фильмы. Особую ценность представляет поисковая методика, созданная замечательным педагогом. Именно Ю.Р. Барановский начал творчески осмысливать проделанную поисковую работу. Им была разработана технология коллективного походного самоуправления, включающая как свое высшее достижение идею автономного поиска. Он же применил циклическую организацию военно-поисковой работы. Каждый цикл включал в себя научно-теоретические, практические, исследовательские и духовно-практические звенья коллективной деятельности. Подобно многим талантливым воспитателям Ю.Р. Барановский мало задумывался над описанием своего опыта, его теоретическим осмыслением: работать с ребятами было для него важнее всего другого².

В начале 1950-х гг. прояснением солдатских судеб и фронтовых трагедий стал заниматься журналист, писатель, фронтовик Сергей Сергеевич Смирнов. Первым этапом в его поисковой работе стала Брестская крепость. Поступавшая к С.С. Смирнову информация, новые документы о трагедии войны на реке Буг изменили его отношение к войне, его представление о событиях, свидетелем которых он был сам. Память о событиях в Брестской крепости вернула его назад в войну, где остались погибшие товарищи. Вот как сам Сергей Сергеевич Смирнов говорил об этом: «Нам не дают покоя те, кто вернулся домой, и те, кто остался там, на поле боя...».

Результатом этой работы писателя стали серия материалов о неизвестных героях, выступления по радио, телепередачи альманаха «Подвиг», несколько книг, которые заставили нас вспомнить о тех, кому мы обязаны и миром, и жизнью³.

Тогда же, в 1950-х гг., в первых публикациях и выступлениях С.С. Смирнова появилась информация о подвижниках, которые ведут поиски погибших воинов и устанавливают их имена. Впервые на всю страну были названы имена Николая Орлова из Мясного Бора, Владимира Биршера из Керчи и других энтузиастов-следопытов⁴.

С.С. Смирнов поднял поисково-исследовательскую работу на новый качественный уровень. Он стал первым в захватывающем, научно-популярном стиле пропагандировать эту сложную, многоплановую работу и создал новый жанр. По словам известного писателя Валентина Катаева – это «жанр научного поиска», по мнению Евгения Долматовского – это жанр «литературы поиска», которая «возникла на стыке прозы, очерка, мемуаров и документальных публикаций...». Одним из итогов работы С.С. Смирнова стала его знаменитая книга «Брестская крепость». Как писал автор книги:

Эта книга – плод десятилетней работы над историей обороны Брестской крепости: многих поездок и долгих раздумий, поисков документов и людей, встреч и бесед с вами. Она окончательный итог этой работы. О вас, о вашей трагической и славной борьбе еще напишут повести и романы, поэмы и исторические исследования, создадут пьесы и кинофильмы. Пусть это сделают другие. Быть может, собранный мной материал поможет авторам этих будущих произведений. В большом деле стоит быть и одной ступенькой, если эта ступенька ведет вверх⁵.

В сентябре 1965 г. в Бресте состоялся первый слет красных следопытов Советского Союза. В слете приняли участие писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов.

С этого же времени к поиску приобщаются тысячи людей, многие из которых позже станут руководителями экспедиций: Александр Николаевич Краснов (г. Калуга), Сергей Михайлович Щербак (г. Керчь), Эдуард Иванович Григорьев (г. Старый Оскол), Александра Васильевна Ткаченко (г. Ростов-на-Дону), Вячеслав Иванович Спиридонов (г. Волгоград), Ксения Тихоновна Зоркина (г. Воронеж), Вячеслав Дмитриевич Митягин (г. Москва), Леся Александровна Козик (г. Львов), Юлий Михайлович Иконников (г. Москва), Николай Андреевич Кручинкин (Республика Мордовия) и другие.

Одним из главных событий в истории поискового движения стал I Всесоюзный слет поисковых отрядов, проходивший в Калуге 13 марта 1988 г. Именно с этого момента берет свое начало организованное поисковое движение России и стран ближнего зарубежья.

Вскоре после слета вышла директива Министра обороны СССР и Начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота от 9 мая 1988 г. № 30 «Об оказании помощи местным советским органам в работе по увеко-

вечению памяти защитников Родины», приуроченная к празднованию годовщины Дня Победы.

Весной 1989 г. состоялись Всесоюзный сбор в городе Гагарине Смоленской области и первая «Всесоюзная Вахта памяти-89», первый этап которой проводился в апреле-мае в Мясном Бору Новгородской области. Вот только некоторые цифры той трехнедельной работы: во Всесоюзном сборе принимало участие более 1500 человек из 59 регионов Советского Союза; были найдены и захоронены останки 3199 солдат и командиров Красной армии; найдено более 250 солдатских медальонов, документов или именных вещей; установлены имена 89 погибших солдат. За всю Вахту памяти 1989 г. подняты останки более 5000 погибших воинов, установлены имена 401 солдата.

В августе 1991 г. была зарегистрирована Ассоциация поисковых объединений «Народный союз по охране памяти о павших защитниках Отечества». Председателем Координационного совета был избран фронтовик, журналист и ветеран поискового движения Юлий Михайлович Иконников.

В 1995 г., в год 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, Правительство Российской Федерации официально закрепило за Союзом поисковых отрядов России выполнение пунктов по поиску незахороненных советских солдат в рамках Закона «Об увековечении памяти погибших защитников Отечества». Тем самым впервые было официально признано значение поискового движения России⁶.

С 1996 г. для лучшей координации работы стали создаваться межрегиональные поисковые центры: «Восток» (рук. Е. Скуратова, г. Екатеринбург), «Южный рубеж» (рук. В. Щербанов, г. Ростов-на-Дону), «Ратник» (рук. И. Цуканов, г. Курск), «Центр» (рук. В. Сысоев, г. Калуга), «Северо-запад» (рук. И. Прокофьев, г. Санкт-Петербург), «Запад» (рук. С. Флюгов, г. Новгород), «Столица» (рук. А. Воронков, г. Москва), «Рубеж» (рук. В. Шуликов, Московская обл.). Именно благодаря созданию этих координирующих центров удалось вернуться к проведению крупных межрегиональных и международных Вахт Памяти, экспедиций, молодежных учебно-поисковых лагерей и научно-практических конференций.

Важной вехой в истории поискового движения стала Всероссийская конференция «Всероссийская электронная Книга Памяти и поисковое движение РФ», состоявшаяся в Архангельске с 1 по 4 ноября 2006 г. На конференции было принято решение, поддержанное Военно-мемориальным центром Вооруженных Сил РФ,

о создании Всероссийского объединенного компьютерного банка данных, содержащего информацию о погибших и пропавших без вести при защите Отечества.

С 1993 г. захоронение выявленных в ходе проведения поисковых работ останков погибших проводится в строгом соответствии с Законом Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». 12 августа 1994 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “Об увековечении памяти погибших при защите Отечества”». Постановление предписывало Министерству финансов Российской Федерации предусматривать в федеральном бюджете средства на финансирование мероприятий по увековечению памяти погибших при защите Отечества.

Проведение эксгумационных работ и организация перезахоронений осуществляются в соответствии с Законом Российской Федерации от 12 января 1996 г. «О погребении и похоронном деле», который регулирует отношения, связанные с погребением умерших. При выполнении поисковых работ членами отрядов поднимается достаточно много предметов быта, личных вещей, награды и другие раритеты, которые передаются на основании Закона РФ от 26 мая 1996 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» в государственные, муниципальные музеи, музеи при учебных заведениях.

Значительно помог деятельности поисковых отрядов Указ Президента Российской Федерации «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» от 16 мая 1996 г. На основании Указа был создан Военно-мемориальный центр Вооруженных сил Российской Федерации, который стал единым центром, координирующим поисковую и военно-мемориальную работу. Центром также проводится работа по созданию обобщенного электронного банка данных, содержащего информацию о погибших и пропавших без вести защитниках Отечества в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. В 2008 г. Военно-мемориальный центр Вооруженных сил России был реформирован в Управление Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества.

Управление Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества занимается организацией обеспечения работы в данной сфере; руководит деятельностью представительств Минобороны РФ по организации и ведению военно-мемориальной работы за рубежом; организует работы по эксгумации и перезахоронению тел погибших военнослужащих Вооруженных

сил и дактилоскопическую регистрацию военнослужащих. В задачи управления входят:

- организация и обеспечение работы в сфере увековечения памяти погибших при защите Отечества в соответствии с установленными Министерству обороны Российской Федерации полномочиями и компетенцией Управления в данном виде деятельности;
- руководство деятельностью представительств Министерства обороны Российской Федерации по организации и ведению военно-мемориальной работы за рубежом;
- планирование и организация в Министерстве обороны Российской Федерации в установленном порядке мероприятий, связанных с поиском, эксгумацией и перезахоронением останков погибших при защите Отечества;
- организация деятельности по проведению обязательной государственной дактилоскопической регистрации военнослужащих и граждан, призываемых на военную службу в Вооруженные силы Российской Федерации.

Таким образом, основополагающим документом, разрешающим выход поисковых отрядов в район поиска, является Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших защитников Отечества»⁷.

Большое значение для поискового движения также имел Указ Президента Российской Федерации от 22 января 2006 г. № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества». В Указе был впервые определен орган исполнительной власти, на который были возложены полномочия в этой сфере – Министерство обороны РФ.

Ранее, в июле 1996 г., была выпущена директива Министерства внутренних дел Российской Федерации № 1/13144 «О взаимодействии с поисковыми отрядами»⁸. В соответствии с директивой все поисковые отряды, прибывающие на место производства поисковых работ, обязаны представить маршрутный лист, в котором ставится отметка о регистрации отряда в органах МВД РФ и в местной администрации.

По мере расширения поискового движения в различных регионах страны издаются многочисленные методические рекомендации, отражающие практический опыт деятельности поисковых объединений и отрядов.

Одними из первых выходят методические рекомендации, подготовленные украинскими поисковиками и изданные в Киеве «Вспомним всех поименно»⁹.

В 1995 г. в Архангельске публикуются методические рекомендации, подготовленные И.И. Ивлевым, «Военная археология. Методика поисковых архивно-полевых исследований»¹⁰.

Три раза переиздавались рекомендации, подготовленные В.Е. Мартыновым, А.В. Меженко, С.И. Садовниковым, Д.К. Соколовым и В.В. Толочко, «Руководство по поисковым и эксгумационным работам»¹¹.

Несколько переизданий также выдержали подготовленные В.Н. Петровым, Н.А. Шкапа «Методические рекомендации по военной археологии»¹².

Таким образом, в настоящее время создана в основном необходимая законодательная и нормативно-методическая база деятельности поисковых отрядов.

Отдельно хочется назвать многочисленные публикации С.И. Садовникова. Среди них первое комплексное исследование проблемы поиска – «Поиск, ставший судьбой». В книге автор смог системно и последовательно раскрыть содержание и методику всех этапов поисковой работы: от обнаружения останков воина до розыска его родственников и увековечения имени павшего¹³. В монографии «Война участвует во мне...», опубликованной в 2017 г.¹⁴, С.И. Садовников попытался рассмотреть роль вспомогательных исторических дисциплин в поисковой работе, в опознании павших воинов.

Рассматривая локальные акты, следует подчеркнуть, что если поисковый отряд или группа не являются юридическим лицом и осуществляют свою деятельность либо самостоятельно, либо под эгидой какой-либо организации, они должны действовать на основании Положения о данной организации, принятого на собрании членов организации или принятого и утвержденного вышестоящей организацией. В Положении в разделе «Задачи и функции» должны быть четко изложены вопросы, касающиеся деятельности поисковых отрядов и поисковой работы. При этом организация должна заявить о себе в органах государственной регистрации по месту своего нахождения как об общественной организации без создания юридического лица и поставить в известность муниципальные органы власти, на территории которых она действует.

Если поисковый отряд или объединение нескольких отрядов являются юридическим лицом, то они имеют право осуществлять свою деятельность только на основании Устава при обязательной регистрации в государственных органах в качестве юридического лица.

В случае, если организация занимается поисковой работой, а в ее уставных и регистрационных документах это не отражено, поисковая деятельность данной организации считается незаконной¹⁵.

В настоящее время в субъектах Российской Федерации разработана система определения уполномоченных организаций, проводящих поисковую работу, порядок учета отрядов и финансирования поисковых работ. В состав документов, представляемых для участия в конкурсе, входят:

- заявление организации, проводящей поисковые работы;
- анкета участника конкурса, в которой указываются основные юридические и технические параметры организации;
- справка о структуре отряда, в которой указывается полный список членов отряда с указанием фамилии, имени, отчества, возраста, адреса проживания, паспортных данных, должности в отряде.

На основании этих и других сопутствующих документов принимается решение о внесении организации в реестр поисковых отрядов области, ей придается статус уполномоченной организации¹⁶.

Начальной точкой поискового сезона считается принятие Положения о Вахте памяти, которое подписывает руководитель поискового объединения и командир отряда – инициатора вахты, а утверждает председатель Союза поисковых отрядов России. Положение включает преамбулу и два раздела.

В преамбуле положения приводится полное название мероприятия, определяются проводящие его организации, указываются цель, посвящение, девиз и сроки проведения Вахты памяти.

Первый раздел положения «Порядок проведения вахты» определяет условия участия в Вахте памяти; порядок прибытия; экипировку; перечень полевых документов; ответственность командира отряда; порядок финансирования.

Второй раздел положения «Управление поисковыми работами» определяет лиц, ответственных за общее руководство; лиц, осуществляющих руководство работой по размещению, созданию бытовых условий, соблюдению санитарно-гигиенических требований и мер безопасности, руководство комендантской службой; порядок инспекционного контроля и условия досрочного отчисления нарушителей дисциплины из отряда.

Для выхода в район поиска поисковому подразделению необходимы оперативное задание Управления Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества и маршрутный лист установленного образца поискового отряда.

В составе документов отряда должны быть следующие документы:

- журнал инструктажа по технике безопасности;
- поименный список членов отряда, заверенный направляющей организацией;

- книга приказов по отряду;
- журнал прибытия и убытия членов отрядов и посещающих лиц.

Проведение Вахты памяти осуществляется на основании плана подготовки и проведения Вахты памяти, в котором указываются название организации, проводящей вахту, и период ее проведения. План оформляется в виде таблицы, которая имеет следующие графы: номер по порядку, название мероприятия, время проведения, состав участников, количество человек, ответственный за проведение мероприятия, примечание. План подписывают заместители руководителя объединения по поисковой работе и по организационным вопросам (начальник штаба). План утверждает руководитель поискового объединения¹⁷.

На основании Положения о Вахте памяти и плана Вахты памяти Управление Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества выдает поисковому объединению заверенное оперативное задание на проведение поисковых работ, в котором указываются:

- информация и источник информации, в связи с которой возникла необходимость проведения поиска;
- точное местонахождение района поиска;
- законодательное обоснование выдачи оперативного задания;
- основания ведомственного характера для выдачи оперативного задания;
- порядок действий в случае подтверждения информации, по которой организован поиск;
- ответственное лицо Управления Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, отвечающее за контроль и координацию работы всех задействованных структур;
- схема организации связи.

Каждый командир отряда должен также иметь маршрутный лист. Маршрутный лист является главным документом для допуска отряда к поисковым работам, а также является документом первичной отчетности о результатах экспедиции.

Бланк маршрутного листа выглядит следующим образом: лист А4 в альбомном формате, сложенный вдвое, в виде брошюры объемом в четыре страницы. Первая страница является титульным листом маршрутного листа, содержащим следующие сведения:

- организации, проводящие Вахту памяти;
- название документа «Маршрутный лист» и номер поискового отряда по реестру объединения;

- место постоянной дислокации отряда;
- командир отряда;
- количественный состав отряда;
- сроки проведения вахты;
- место проведения вахты;
- основание для проведения вахты;
- согласование с местной администрацией и органами МВД РФ;
- подпись командира отряда за вводный инструктаж по технике безопасности;
- подпись руководителя объединения и печать.

Вторая страница маршрутного листа имеет название «список отряда» и содержит краткие оперативные сведения о членах экспедиции. Она включает четыре графы:

- номер по порядку;
- фамилия, имя, отчество члена отряда;
- домашний адрес;
- номер паспорта или свидетельства о рождении.

На третьей странице маршрутного листа находится самый важный раздел этого документа – отчет о проведении работы, в котором отражены сведения об обнаружении останков погибших воинов, о проведении эксгумации и количестве эксгумированных воинов, о найденных смертных медальонах и количестве прочитанных медальонов, о найденных личных подписных вещах и документах, о принадлежности солдат к РККА или вермахту, о количестве поднятых и переданных на уничтожение взрывоопасных предметов, о месте захоронения останков и отданных почестях.

Четвертая страница маршрутного листа разделена на две части. В верхней половине страницы размещается карта-схема местности расположения лагеря, а в нижней половине страницы – карта-схема местности проведения поисковых работ с отметками мест обнаружения отдельных останков или неучтенных воинских захоронений.

Командиром поискового отряда разрабатываются инструкции, которые члены отрядов изучают на семинарах при подготовке к полевым выходам и которыми руководствуются, находясь в составе экспедиции. В составе инструкций отряда должны быть следующие инструкции:

- инструкция по технике безопасности при проведении работ в зоне бывших военных действий;
- инструкция по пожарной безопасности;
- инструкция по организации купания подростков в полевом лагере;

- инструкция по технике безопасности при передвижении в автотранспорте;
- инструкция по технике безопасности при проведении земляных работ.

Командир отряда оповещает в письменной форме административные органы по месту постоянной дислокации отряда об убытии в поисковую экспедицию.

Правовой цикл подготовки отряда к выходу в поисковую экспедицию заканчивается изданием приказа по организации, направляющей отряд в экспедицию.

Следует отметить, что за последние годы образовалась целая система документационного обеспечения и документирования деятельности поисковых отрядов. Условно она включает следующие группы документов:

- информационные;
- личные;
- отрядные;
- рабочие;
- итоговые.

Эти группа документов (и вся система документационного обеспечения деятельности поисковых отрядов) не являются результатом документоведческой и архивоведческой мысли, а сложились в практике работы поисковых отрядов.

Информационные документы – эта группа документов создается и используется при проведении рекогносцировки района поисковых работ (в первую очередь это карты и схемы).

Личные документы – это те документы, без которых человек не может быть допущен к поисковым работам. К ним относятся следующие документы: паспорт, удостоверение члена поискового отряда, личное заявление¹⁸, для несовершеннолетних участников экспедиции – согласие родителей или органов опеки, медицинская справка, копия свидетельства обязательного медицинского страхования и др.

Отрядные документы являются главным пакетом документов, в который входят: маршрутный лист отряда, книга приказов, книга медицинского контроля, журнал инструктажа по технике безопасности и др.

К группе рабочих документов относятся документы, фиксирующие результаты конкретных поисковых действий. В состав этой группы документов входят: акты о проведении поисковых работ и перезахоронении останков погибших воинов, протоколы эксгумации, карты эксгумации, акты о результатах выполнения работ по обнаружению и обезвреживанию (уничтожению) взрывоопасных предметов и др.¹⁹

Среди итоговых документов следует выделить, в первую очередь, отчет, направляемый в Управление Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Отчет составляется в произвольной форме с изложением работы экспедиции. Он должен иметь, кроме основной части, введение и заключение.

Поисковая работа включает: изучение военной истории и конкретных мест сражений, архивную эвристику и архивные разыскания, поисковые работы на местности, увековечение памяти воинов, уход и поддержание в надлежащем состоянии воинских захоронений и мемориалов, установление имен погибших, военно-патриотическое воспитание молодежи и др.

В настоящее время остро стоят вопросы документационного обеспечения и документирования работы поисковых отрядов на основе существующих правовых актов и стандартов, применимых в полевых условиях. В полевых условиях не всегда возможно качественное оформление документов. Предстоит большая работа по совершенствованию документационного обеспечения и документирования деятельности поисковых отрядов. Нельзя забывать, что документы должны быть максимально унифицированы, универсальны, компактны. К этой важной работе необходимо привлекать специалистов Историко-архивного института РГГУ, в первую очередь работающих на документоведческих кафедрах. Первый шаг вперед в этом направлении уже сделан. Весной 2017 г. в Историко-архивном институте РГГУ была проведена научно-практической конференция «Судьба солдата: Методика и практика архивных исследований».

Примечания

- ¹ Садовников С.И. Чтоб не распалась связь времен...: опознаны по боевым наградам. М., 2005. С. 6.
- ² Лишин О.В., Лишина А.К. Это нужно живым. М.: Педагогика, 1990. С. 19–20.
- ³ Смирнов С.С. Крепость над Бугом: Героическая драма в 4-х действиях с прологом. М.: Искусство, 1956. 117 с.; *Он же*. Крепость на границе. М.: ДОСААФ, 1956. 96 с.; *Он же*. Герои Брестской крепости. М.: Воениздат, 1959. 240 с.
- ⁴ Садовников С.И. Поиск, ставший судьбой. М., 2003. 258 с.
- ⁵ Смирнов С.С. Брестская крепость. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 2.
- ⁶ Федеральный закон РФ от 14 января 1993 г. № 4292/1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 7. Ст. 245.
- ⁷ Там же.

- ⁸ Директивное письмо МВД РФ от 31 июля 1996 г. № 13144 «О взаимодействии ОВД и поисковыми отрядами».
- ⁹ Методические рекомендации по организации и проведению поисковой операции «Вспомним всех поименно». Киев, 1988.
- ¹⁰ *Ивлев И.И.* Военная археология: Методика поисковых архивно-полевых исследований. Архангельск: Фонд «Поиск», 1995. 130 с.
- ¹¹ *Мартынов В.Е., Меженко А.В., Садовников С.И., Соколов Д.К., Толочко В.В.* Руководство по поисковым и эксгумационным работам. 3-е изд., переработанное и дополн. М.: Люкс-арт, 1997. 80 с.
- ¹² Методические рекомендации по военной археологии (по поисковой работе на местах боев Великой Отечественной войны) / Сост. В.Н. Петров, Н.А. Шкапа. М.: Азбука, 2006. 126 с.
- ¹³ *Садовников С.И.* Поиск, ставший судьбой / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. 258 с.
- ¹⁴ *Садовников С.И.* «Война участвует во мне...»: Комплексные поисковые исследования как основа реконструкции биографий участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Золотой теленок, 2017. 320 с.
- ¹⁵ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 7. Ст. 245.
- ¹⁶ Организация поисковой работы: Нормативно правовые документы и материалы. М., 2006. 164 с.
- ¹⁷ Спутник поисковика. Мурманск: Просветит. центр «Доброхот», 2007. 320 с.
- ¹⁸ Директива МВД РФ № 1/13144 от 31.07.1996 г. «О введении единого образца удостоверения члена поискового отряда».
- ¹⁹ Руководство по поисковым и эксгумационным работам / Мартынов В.Е. и др.; Ассоциация «Военные Мемориалы». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Люкс-арт, 1997. 80 с.

Международное сотрудничество историков и архивистов

Е.И. Пивовар, И.Е. Ханова

«Русская Прага» в работе комиссии историков и архивистов России и Чехии

В статье обобщается информация о работе комиссии историков и архивистов России и Чехии за последние годы, связанной с анализом документального наследия и современными интерпретациями историко-культурного феномена Русской Праги – одного из крупнейших центров российской эмиграции после 1917 года. Одним из значимых событий научной жизни в рамках изучения данной тематики стало проведение 26 июня 2017 г. международного круглого стола «Как зарождалась Русская Прага» совместно с российскими и чешскими историками и архивистами.

Ключевые слова: Комиссия историков и архивистов, Россия, Чехословакия, Чехия, Русская Прага, российское зарубежье.

Комиссия историков и архивистов России и Чехии – уникальное объединение, единственная двухсторонняя комиссия исторического профиля под эгидой Национального комитета российских историков, в которой отечественные архивисты не просто участвуют, а являются одним из столпов деятельности комиссии, что закреплено и в ее названии. В состав комиссии входят, принимают активное участие в ее работе руководители и сотрудники Федерального архивного агентства (Росархив), Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива социально-политической истории и др., представители руководства историко-документального департамента МИД России, Правления Центрального совета и члены Российского общества историков-архивистов, преподаватели и

научные работники главной «альма-матер» российских архивистов – Историко-архивного института РГГУ, других ведущих российских научных и образовательных центров.

Сильная архивная составляющая позволила комиссии в последние годы не только уделить большое внимание разнообразным сюжетам, связанным с анализом и обобщением отечественного историко-документального наследия, посвященного российской эмиграции, формированию и развитию феномена российского зарубежья на территории чешских и словацких земель (с 1918 г. – Чехословакии) в первые годы и десятилетия после революционных потрясений 1917 года и Гражданской войны в России, но и активно взаимодействовать и обмениваться опытом с чешскими коллегами, также использующими в своей работе материалы архивов Чешской Республики.

В данном направлении работы комиссии, помимо актуального научного компонента, огромное значение принадлежит таким общественно значимым составляющим, как популяризация общих для России и Чехии исторических сюжетов с опорой на результаты кропотливой архивной работы ученых, содействие развитию диалога между интеллектуальной общественностью двух стран и, как следствие, повышению взаимного интереса друг к другу не только в среде известных исследователей-профессионалов, но и молодежи, находящейся в возрасте, в котором формируются основополагающие принципы и подходы во взглядах на историческое прошлое, в том числе на историю отношений с зарубежными государствами и народами.

Большой интерес в среде российской и чешской научной общественности вызвали такие совместные мероприятия, организованные за последние годы под эгидой комиссии историков и архивистов России и Чехии, как Международная конференция «Культурные, научные и образовательные связи России и Чехии», прошедшая в Москве на базе РГГУ 18–20 ноября 2013 г., Международная конференция «Теория и практика публикаторской деятельности: Чешская Республика и Российская Федерация», состоявшаяся в Праге 28 февраля – 2 марта 2016 г., а также сопутствующие этим мероприятиям издания трудов историков и архивистов – участников международных мероприятий комиссии: «Россия и Чехия. Научные, культурные и общественные связи» и «Современные историографические исследования в России и Чехии»¹. В рамках этих международных конференций и на страницах упомянутых изданий нашли отражение результаты архивных исследований, посвященные, в том числе, истории жизни и творчества ярких представителей российской эмиграции в Чехословакии в 1920–1930-х гг.

26 июня 2017 г. в г. Прага (Чешская Республика) состоялся Международный круглый стол «Как зарождалась русская Прага». Организаторами мероприятия выступили Комиссия историков и архивистов России и Чехии и Российский государственный гуманитарный университет при поддержке Посольства Российской Федерации в Чешской Республике, Россотрудничества и РЦНК в Праге, историко-документального департамента МИД России, Министерства образования и науки России.

Важность проведения данного мероприятия в текущем году была обусловлена столетним юбилеем Российской революции 1917 года, которая привела к Гражданской войне и оказала определяющее влияние на начало массовой эмиграции. Данный круглый стол является частью серии международных мероприятий под эгидой комиссии историков и архивистов России и Чехии.

В круглом столе приняли участие ученые из ведущих научно-образовательных центров и архивов России, Чехии и Словакии, дипломаты и общественные деятели. Для участия в мероприятии в Прагу прибыла делегация российских ученых и специалистов во главе с профессором, членом-корреспондентом РАН, президентом РГГУ Ефимом Пивоваром, а также их коллеги из Чехии и Словакии.

На открытии мероприятия, проходившего в Хрустальном зале Российского центра науки и культуры в Праге, с приветствиями к его участникам обратились Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Чешской Республике Александр Змеевский, руководитель представительства Россотрудничества в Чехии Леонид Гамза, а также сопредседатели комиссии историков и архивистов России и Чехии Е.И. Пивовар и доцент, доктор наук, заместитель директора Института истории Академии наук Чешской Республики Ян Немечек.

В рамках круглого стола был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с российской эмиграцией в Чехословакию после революционных потрясений Октября 1917 года и последующего начала Гражданской войны в России. Этот самый масштабный в российской истории исход эмигрантов, с одной стороны, стал трагедией для миллионов людей, с другой – стал точкой отсчета для формирования институциональных и духовных основ зарубежного Русского мира, одним из крупнейших центров которого стала столица новообразованной Чехословакии Прага.

В частности, в ходе заседания прозвучали следующие доклады участников мероприятия с российской стороны: «Мир русской Праги в контексте глобального диалога культур XX – начала XXI века»

(докладчик – Ефим Пивовар), «Историк-эмигрант Антоний Флоровский: итоги и перспективы изучения и публикации его научного наследия» (докладчик – Виталий Афиани, к.и.н., директор Архива РАН (соавторы доклада с заочным участием – Михаил Ковалев, Татьяна Лаптева)), «Советские дипломаты и русская эмиграция в Праге, 1920-е годы: из документов архива МИД России» (докладчик – Артем Рудницкий, д.и.н., профессор, заместитель директора историко-документального департамента МИД РФ), «Образы Праги в фотографическом наследии российской эмиграции 1920–1930-х годов» (докладчик – Галина Волкова, к.и.н., директор УНЦ «Арт-дизайн» РГГУ), «Деятельность комиссии историков и архивистов России и Чехии в контексте 100-летия Революции 1917 года и начала Гражданской войны в России» (докладчик – Александр Левченков, к.и.н., доцент РГГУ, секретарь российской части комиссии историков и архивистов России и Чехии). Также были представлены доклады Виталия Ершова, д.и.н., профессора Российского государственного областного университета, на тему «Северокавказская эмиграция в общественно-политической жизни Русской Праги (1920–1930-е гг.)» и Марии Катагощиной, к.и.н., старшего научного сотрудника Отдела письменных источников Государственного исторического музея, на тему «Мир коллекционеров русской Праги в первой половине XX века».

Таким образом, российские докладчики оперировали богатейшим и разнообразным источниковым материалом, в том числе фактически включая в научный оборот новые, ранее никогда не исследуемые, а зачастую и закрытые до недавнего времени архивные источники, в том числе принадлежащие к ведомственным архивам.

Чешские и словацкие участники представили доклады на следующие темы: «Русская эмиграция в Чехословакии (1924–1954)» (докладчик – Гелена Носкова, доктор наук, профессор Института современной истории АН ЧР), «Экономическая мысль русской эмиграции в межвоенной Чехословакии (экономический кабинет С. Прокоповича, евразийская экономическая концепция)» (докладчик – Эмил Ворачек, доктор наук, профессор Института истории АН ЧР), «Презентация выставки “Опыт эмиграции”: Эмиграция из России в межвоенной Чехословакии» (докладчик – Михаэла Кутханова, доктор наук, профессор Архива национальной письменности, Прага), «Русская эмиграция в межвоенной Словакии» (докладчик – Любица Гарбулова, доктор наук, доцент Прешовского университета, Словакия), «Российская философия в эмиграции в период межвоенной Чехословакии» (докладчик – Владимир Гонец,

доктор наук, доцент Масарикова университета в Брно) и «Русская и украинская эмиграция в Подкарпатской Руси и Чехословацкое государство. Возможности использования эмиграции из царской России для строительства чехословацкого управления в Подкарпатской Руси» (докладчик – Давид Губены, магистр, сотрудник Национального архива, Прага).

Чешские и словацкие докладчики в своих докладах также опирались на богатый архивный материал, значительная часть которого до сих пор была незнакома отечественным специалистам и, таким образом, позволяет по-новому, более глубоко и разносторонне, взглянуть на многие вопросы формирования и развития российской миграции в Праге в межвоенный период, ее взаимодействия с чехословацким госаппаратом и интеллектуальной общественностью.

При подведении итогов мероприятия было принято решение о подготовке к публикации сборника материалов международного круглого стола. На ближайшее заседание Комиссии историков и архивистов России и Чехии, которое планируется на начало весны 2018 г. в Москве на базе РГГУ, утверждена тема конференции «1917–1918 годы в формировании и развитии новой государственности в России и Чехии» и тема круглого стола «Пражская весна 1968 года». При этом члены комиссии отнесли к приоритетным направлениям в работе: мировые войны и трансформации в развитии государственности России и Чехии, русские в Чехии и чехи в России, чехословацкий легион в России, Коминтерн и Чехословакия, экономические, научно-технические и научно-культурные связи двух стран. Комиссия стремится уделять особое внимание поддержке таких направлений в деятельности российских и чешских историков и архивистов, как публикации новых документов, отражающих двусторонние отношения и связи между отдельными российскими/советскими и чешскими/чехословацкими деятелями, обмен новейшими достижениями в области археологии, этнологии, этнолингвистики, экономической истории, исторической картографии и некоторые другие.

Международный круглый стол «Как зарождалась русская Прага» открыл цикл международных мероприятий, организуемых Комиссией историков и архивистов России и Чехии и Российским государственным гуманитарным университетом и посвященных эпохе революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны в России 1918–1922 годов, их влиянию на мировую историю и культуру. Реализация данных мероприятий будет способствовать развитию диалога, расширению взаимодействия с учеными и обще-

ственностью зарубежных стран, в частности Чехии. «Русская Прага» же, по предложениям участников летнего заседания, под эгидой комиссии будет развиваться в качестве постоянно действующего и открытого для сотрудничества международного форума, объединяющего историков, архивистов и других интеллектуалов из России и Чехии.

Примечание

- ¹ Современные историографические исследования в России и Чехии: Материалы комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики / Отв. ред. Пивовар Е.И. СПб., 2014; Россия и Чехия: Научные, культурные и общественные связи: Материалы комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики / Отв. ред. Е.И. Пивовар. СПб., 2016.

Э.А. Барышев, Юдзуру Тонаи

«Архивная Россика» в Японии на примере личного фонда Куроки Тиканори

Данная статья посвящена любопытному, но относительно малоизвестному архивному фонду японского военного Куроки Тиканори (1883–1934), хранящемуся в Объединенном музее преф. Миядзаки, располагающемся в одноименном городе на южном японском острове Кюсю. Рассматриваемый фонд и фигура фондообразователя имеют самое непосредственное отношение к истории России накануне и во время революции 1917 г., Гражданской войны и интервенции, к жизни и военно-политической борьбе известного деятеля белой эмиграции атамана Г.М. Семенова (1890–1946), внешнеполитическому курсу Японии по отношению к России в 1910-х – начале 1930-х гг.

Ключевые слова: архивная россика, архивное дело в Японии, архивный фонд личного происхождения, систематизация и описание, атаман Г.М. Семенов, Куроки Тиканори, Гражданская война, иностранная интервенция.

В настоящей статье сделана попытка пролить некоторый свет на современное состояние архивного дела в такой малоизвестной и экзотической – по крайней мере, с точки зрения архивоведения – стране, как Япония¹, путем обзорного представления личного фонда японского военного Куроки Тиканори² (1883–1934), хранящегося в Объединенном музее преф. Миядзаки (далее – ОМПМ).

Прежде чем приступить к обзору фонда, нужно сказать несколько слов о личности самого Куроки. Тиканори появился на свет 1 февраля 1883 г. в деревне Иино (ныне г. Эбино), преф. Миядзаки, в качестве первого сына представителя самурайского сословия Окобира Тикасада (род. ок. 1862 г.), однако в 1899 г., вскоре после окончания неполной средней школы, в соответствии с широким

распространенной тогда в Японии традицией, по ряду семейных обстоятельств он был внесен в регистрационные книги как приемный сын младшего брата отца Санэюки (1867–1953), усыновленного еще в 1879 г. родом Куроки³. Таким образом, за Тиканори закрепилась фамилия Куроки, под которой он и вошел в историю.

Избрав своим делом военную службу, в июле 1901 г. Куроки окончил Военный кадетский корпус, после чего поступил на учебу в Военную офицерскую школу, из которой вышел в октябре 1904 г., в самый разгар Русско-японской войны. Проявив себя в качестве отважного и талантливого офицера, в декабре 1909 г. он продолжил обучение в Военной академии, которую благополучно окончил через три года. Поступив на службу в Генеральный штаб, Куроки некоторое время занимался преподаванием в различных учебных заведениях военного ведомства, после чего в марте 1915 г., в самый разгар Первой мировой войны, был направлен в харбинскую военную миссию «для наблюдения за действиями и организацией русской армии на Дальнем Востоке», а в мае следующего был послан в качестве военного наблюдателя на русский фронт⁴.

После Русской революции, в начале февраля 1918 г., Куроки возвратился через Маньчжурию – где впервые познакомился с атаманом Григорием Михайловичем Семеновым (1890–1946), начавшим уже энергичную борьбу с большевиками и сочувствующими им «радикалами» в близлежащих к Маньчжурии районах Забайкалья – в Японию, но уже в апреле, выпросив командировку, снова направился к атаману для военно-политического руководства его деятельностью. С началом японской «военной экспедиции в Сибири» Куроки был назначен в штаб расквартированной в Чите 3-й дивизии, фактически оставаясь при этом военным советником Особого Маньчжурского отряда Семенова, однако в феврале 1919 г. вышел приказ, отзывавший его в Японию⁵.

Как известно, борьба антибольшевистских сил не увенчалась успехом. Иностранные державы, включая Японию, отказались от активной поддержки белого движения, а отряд атамана Семенова вынужден был отступить в Маньчжурию. Сочувствуя делу атамана, капитан Куроки (вернувшийся в Японию лишь в конце июня 1919 г.) выказывал твердое желание продолжить борьбу с большевизмом и в течение нескольких месяцев фактически саботировал распоряжения начальства, пытаясь убедить влиятельных лиц в необходимости сохранения активного военно-политического курса в дальневосточных делах. Чтобы разрешить эту ненормальную

ситуацию, руководство военного ведомства сначала перевело Куроки в отдел министерства по работе с прессой, а затем, в сентябре 1920 г., согласилось на его выход в отставку. Все это произошло в условиях, когда было принято решение о выводе японских войск из Забайкалья, что означало неудачу военной интервенции и тем самым больно било по самолюбию японских военных, поэтому поступок Куроки, полностью соответствовавший кодексу чести «бусидо» и отразивший решимость взять реванш за это поражение в будущем, находил широкий отклик в сердцах японцев⁶.

Разумеется, что «почетный» уход Куроки из рядов офицеров Генштаба означал, что военное руководство знало и надеялось, что эта линия борьбы с Советами, контакты и влияние Куроки как «связного» Семенова, могут оказаться полезными в будущем. Неудивительно, что до самой своей смерти в 1934 г. отставной майор Куроки поддерживал теснейший контакт с атаманом и оказывал последнему всяческую поддержку. В частности, на протяжении почти 10 лет Куроки представлял имущественные и финансовые интересы атамана в японских судах и прочих официальных учреждениях, пытаясь вернуть оставшиеся в японских банках денежные суммы, принадлежавшие прежде России. Так, в марте 1923 г. около 700 тыс. иен (порядка 10 млн долларов США в пересчете на нынешние цены), полученных от продажи золотых слитков и песка из хранилищ хабаровского отделения Госбанка, сданных атаманом И.П. Калмыковым (1890–1920) японским войскам и вывезенных в конце 1922 г. в Японию, благополучно «вернулись» белым эмигрантам и их японским покровителям при посредничестве Куроки. Долгие судебные разбирательства, в ходе которых истцы пытались получить остаток средств от продажи вывезенного в Японию золота из читинского отделения Госбанка, оставшихся на счету бывшего исполняющего делами российского военного агента в Японии, генерал-майора М.П. Подтягина (1 млн 62 тыс. иен), закончились, по некоторым данным, к 1930 г. примирением сторон, и Семенов с Куроки получили 300 тыс. иен⁷.

Необходимо отметить, что Куроки был малозаметным, но влиятельнейшим приверженцем правой национал-патриотической и монархической группы «императорского пути» (*кодоча*) в кругах военных, недовольных линией правительства и господством клановой военной олигархии и представленной такими культовыми фигурами тех лет, как генерал Араки Садао (1877–1966). На протяжении более 30 лет Куроки связывали с Араки самые доверительные

отношения, а с 1931 г. до своей смерти, в бытность Араки военным министром, Куроки являлся его неизменным советником и вдохновителем⁸.

Историческое значение и ценность архива Куроки определяются вышеизложенным: его основу составляют материалы, собранные и отложившиеся в руках Тиканори за время его активной жизнедеятельности. До самой своей смерти Куроки держал этот архив при себе, крайне дорожил им и продолжал работать с документами, поэтому на многих из них имеются его пометки⁹. Фигура и деятельность фондообразователя имеет самое непосредственное отношение к истории России накануне и во время революции 1917 г.; жизни и военно-политической борьбе известного героя белой эмиграции атамана Семенова; японскому военному курсу по отношению к России в 1910-х – начале 1930-х гг.

Как указано в «Описи архива Куроки Тиканори», составленной сотрудниками Библиотеки преф. Миядзаки в 1994 г., архив представляет собой «исторические материалы, касающиеся Тиканори (русское имя – Никанор Александрович) и Григория Михайловича Семенова, бережно сохраненные его отцом Куроки Санэюки и приемным сыном Торао [1902–1992. – *Примеч. авторов*]... Затем архив перешел в руки 3-го сына Торао Куроки Косукэ»¹⁰. Примечательно, что у Тиканори также не было своих детей, а усыновленный Торао происходил из другого местного знатного рода Акимару. Несомненно, что архив сохранился благодаря тому, что родовитый и состоятельный клан Куроки-Акимару занимал виднейшее положение в местном обществе. Представители обоих родов были связаны узами личного знакомства с такими фигурами, как атаман Семенов и генерал Араки, что, с одной стороны, придавало им особый социальный вес, а с другой – заставляло их бережно хранить память об этом.

Архив Куроки, как и сама личность Куроки, был «открыт» и привлек к себе внимание японского общества во многом благодаря деятельности талантливой писателя-сценариста Такахаси Осаму (1929–2015), заинтересовавшегося в начале 1960-х гг. темой «Сибирской военной экспедиции». В успешном осуществлении своего замысла писателю в немалой степени помог и счастливым образом попавший ему в руки архив Куроки¹¹. Как результат данного исследования, с января 1971 г. на страницах журнала «Асахи» стала по частям публиковаться художественная эпопея Такахаси «Военная экспедиция», вышедшая в 1973–1977 гг. отдельным тиражом в четырех томах. Несмотря на известную схематичность сюжета, ход Гражданской войны в России и иностран-

ной интервенции прорисован в романе необычайно талантливо и подробно, с умелым включением в текст выдержек из документов и привлечением богатого фотографического материала из архива Куроки¹².

Исследование Такахаси значительно способствовало повышению интереса к теме военной интервенции в Японии, осознанию важности архивных источников в историческом исследовании, а также актуализации «семейной истории» рода Куроки на уровне всей страны, обратив взгляды местного сообщества на имеющийся в их распоряжении ценнейший архив. В данных условиях в 1971 г. в г. Эбино под крылом социально-образовательного отдела местного городского управления было создано Историко-краеведческое общество, которое возглавил родной старший брат Торао, Акимару Дзиро (1898–1992).

После того как информационная и культурная ценность архива Куроки была осознана, общественность г. Эбино стала предлагать различные усилия для того, чтобы сохранить архив для будущих поколений. В конце августа 1983 г. Библиотека преф. Миядзаки (далее – БПМ), в обязанности которой помимо всего прочего входит сбор и сохранение исторического материала, поручила Комитету по охране и защите культурного достояния префектуры провести обследование архива рода Куроки. Данное поручение было осуществлено при помощи активных членов вышеуказанного городского Историко-краеведческого общества. В процессе этого обследования сотрудники Комитета смогли впервые ознакомиться с данным архивом, помещавшимся тогда в трех больших кожаных чемоданах, привезенных Куроки из России. 1 апреля 1984 г. первая – основная (около 80% от объема всех материалов) – часть архива была отдана наследниками на хранение в ОМПП¹³.

В мае того же года в ОМПП была подготовлена инвентарная опись фонда, согласно которой архив содержал 532 документа, разделенные на 13 групп.

1. Биографические материалы (28 ед.).
2. Дневники и записные книжки (16 ед.).
3. Материалы о японских добровольцах (17 ед.).
4. Карты японского Генштаба, российские карты (15 ед.).
5. Письма Куроки Тиканори (25 ед.).
6. Письма известных личностей и близких товарищей (124 ед.).
7. Письма друзей, родственников и знакомых (24 ед.).
8. Письма от Семенова и другие письма на русском яз. (51 ед.).
9. Издания японского Генштаба, рукописи Куроки Тиканори и проч. (62 ед.).
10. Материалы, касающиеся судебного разбирательства по получению доверенных Куроки денежных

сумм (127 ед.). 11. Фотографии Тиканори, Семенова и других лиц (8 ед.). 12. Различные материалы, книги, вырезки из газет (21 ед.). 13. Прочие материалы (14 ед.). В основном материалы были описаны подокументно, однако некоторые единицы хранения представлены россыпью либо группой документов. В подготовленной работниками ОМПИМ описи были указаны название документа, время его создания и краткое содержание, количество листов и физические размеры документа¹⁴.

Тем временем с середины 1980-х гг. у наследников Куроки, а также различных лиц, заинтересованных в сохранении вышеуказанного архива для последующих поколений, появились опасения за дальнейшую судьбу документов, еще не переданных в ОМПИМ. Циркулировавшие в обществе слухи о том, что в усадьбе Куроки закопано вывезенное из России золото, привели даже к незаконным проникновениям на территорию усадьбы искателей древних кладов. Распространению данных слухов способствовало то, что, согласно свидетельству самого Куроки, после получения «калмыковских» средств им, по соглашению с Семеновым, ради безопасности последнего было объявлено, что основная часть средств осталась у него на руках; кроме того, пресса раструбила, что речь шла именно о золоте, а не о бумажных дензнаках¹⁵.

В этих условиях большой интерес к фонду проявил Центр материалов по политико-правовой истории Японии при юридическом факультете Токийского университета (далее – ЦМППИЯ). Важную посредническую роль в установлении контакта между наследниками архива и представителями университета сыграл близкий товарищ и сподвижник Куроки Хосино Горо, поддерживавший контакт с указанным Центром¹⁶. В результате этого в 1989–1990 гг. сотрудниками ЦМППИЯ не только было произведено микрофильмирование обеих частей архива Куроки, но к созданной микрографической коллекции были добавлены документы, касающиеся жизни и деятельности Куроки, полученные Центром в дар вместе с личным архивом Араки от вышеуказанного Хосино (292 ед. хр.)¹⁷.

Вопрос о систематизации документов архива с еще большей остротой возник в связи с интересом, проявленным столичными организациями. В этих условиях, по предложению Комитета по охране и защите культурного достояния префектуры, было решено осуществить микрофильмирование документов, и по причине отсутствия специалистов соответствующего профиля в ОМПИМ в 1991 г. все документы были перемещены в БПИМ для их систематизации и описания. После этого оставшиеся до сих пор в доме

Куроки документы были описаны как часть первая, а хранящиеся в ОМППМ материалы – как часть вторая архивного фонда. Работа по описанию материалов велась сотрудниками Отдела изучения исторических источников БПМ. Работа затруднялась наличием огромного числа материалов на русском языке, требовавших своего перевода, однако к 1994 г. данная работа была завершена. Как говорилось в новой описи фонда, специалистам БПМ «удалось, хотя и не без оплошностей, классифицировать, систематизировать и микрофильмировать данные исторические источники, пользующиеся большим вниманием со стороны исследователей»¹⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что деятельность по систематизации и описанию архива Куроки, осуществленная сотрудниками БПМ, в силу известных причин преимущественно преследовала цель сохранения информационной составляющей фонда путем его микрофильмирования (фактически создавалась страховая копия фонда) и, как следствие, последующего предоставления материалов фонда в пользование исследователей. Именно поэтому в конце 1992 г. местное отделение фирмы Фудзи выполнило фотосъемку материалов, а в 1993 г. подготовило микрографическую копию архива¹⁹. Такая стратегия была избрана в связи с вопросами права собственности на данные архивные материалы: наследники не желали расставаться с документами, что создавало сомнения в возможности их эффективного хранения и, разумеется, существенно сдерживало возможности их широкого использования. Как говорилось выше, еще ранее архив был микрофильмирован представителями ЦМППИЯ, с включением в новую образованную документально-микрографическую коллекцию некоторых других материалов. Вследствие этого фактически появились две крайне близкие по содержанию, но все же различные микрографические копии архива, имеющие отличный друг от друга научно-справочный аппарат.

Основная часть архивного фонда Куроки – систематизированная, описанная и в основном микрофильмированная – разделена на две группы, в соответствии с их местом хранения на момент систематизации, и размещается в 7 крупных картонных коробках. Дела располагаются в них горизонтально, причем каждый документ (единица хранения) помещен в свой конверт формата А4. Нужно отметить, что такой способ подокументного упорядочения материала, при котором материалы искусственно отделяются друг от друга, как вследствие применения логическо-предметного принципа классификации, так и по причине «расфасовки» каждого до-

кумента в отдельный конверт, принят почти повсеместно в Японии. Разумеется, что это крайне затрудняет обзорное изучение материала и выяснение существующих и существовавших между документами органических связей. С другой стороны, нужно отдать должное систематизаторам и составителям общей описи данного фонда, указавших по возможности даже изначальное место каждого документа в семейном архиве Куроки. Поражает и усердие составителей в деле перевода и упорядочения русскоязычных материалов архива.

Микрографическая копия фонда, подготовленная Музеем, состоит из семнадцати 35-миллиметровых 100-футовых пленок, на которые отснято 10 064 кадра, разумеется, включающих в себя снимки листов, имеющих лишь оформительно-описательный характер (заглавия разделов, отдельных документов и проч.). К сожалению, неотображенными в микрографическом варианте остались входящие в состав фонда многие печатные издания (в особенности относящиеся ко второй части), ряд фотографических материалов и некоторые документы (около 4 тыс. страниц или до 2 тыс. кадров в абсолютном исчислении). Первая часть включает в себя 461 документ, размещенный в двух коробках или на четырех микропленках за № 1288–1291 с общим числом кадров 2153, а вторая – 635 документов в пяти коробках или на тринадцати микропленках за № 1292–1304 с общим числом кадров 7911. С учетом не переснятых на микропленку материалов общий объем фонда составляет не менее 12 тыс. кадров-листов.

Первая часть фонда (около 20% от общего объема архива) включает в себя 30 тематическо-типологических разделов (табл. 1). Данная часть фонда представлена прежде всего документами эпистолярного жанра (разделы № 2–4, 6–13, 15–16, или 682 л.), составляющих около 35% всех материалов. Примечательно и то, что до 60% объема материалов первой части (1200 кадров) – на русском языке. Крайне важными с точки зрения исследователя российской истории являются разделы под номерами 5 и 19 (в совокупности 317 л., или примерно 15% от объема первой части), представляющими собой, как правило, подлинные документы, касающиеся военной организации и вопросов снабжения Особого Маньчжурского отряда, а также общеполитической деятельности атамана Семенова в Забайкалье. Весьма любопытными для исследователя являются разделы под номерами 17 и 20, касающиеся судебного разбирательства по «подтягинскому делу», а также раздел № 25, включивший в себя редкие книжные и журнальные публикации того времени.

Таблица 1

Состав и содержание первой части фонда

№	Название раздела и его хронологические рамки	Кол-во ед. хран. (шт.)	Объем* (л.)
1	Похороны Куроки Тиканори, 1934–1953	6	24 (19) [100]
2	Письма на имя Куроки Торао, 1988–1990	4	81 (76)
3	Письма Куроки Тиканори на рус. яз., без даты	3	12 (8)
4	Письма на имя Куроки Тиканори на яп. яз., 1914–1923	8	25 (19)
5	Военные дела (на рус. яз.), 1915–1928	80	281 (200)
6	Письма Г.М. Семенова на имя Куроки Тиканори (на рус. яз.), 1918–1928	50	210 (159)
7	Письма Е.В. Семеновой на имя Куроки Тиканори (на рус. яз.), 1922	6	24
8	Письма М.И. Афанасьева на имя Куроки Тиканори (на рус. яз.), 1920–1925	19	76
9	Письма Наурбия Магомедовича Магомаева на имя Куроки Тиканори (на рус. яз.), 1920–1922	6	21
10	Письма Н.К. Шнеура на имя Куроки Тиканори (на рус. яз.), 1924, 1928	2	8
11	Письма Виктора Шешминцева на имя Куроки Тиканори (на рус. яз.), 1919–1925	7	29
12	Письма различных лиц на имя Куроки Тиканори на рус. яз., 1920–1925	30	109
13	Письма различных лиц на имя Куроки Тиканори на рус. яз. (переведены после микрофильмирования), 1922–1923	40	178
14	Телеграммы на рус. яз. на имя Куроки Тиканори, 1915–1928	21	247
15	Письма Семенова различным лицам (на рус. яз.), 1919–1923	11	36 (24)
16	Письма различных лиц атаману Семенову на рус. яз., 1920–1928	13	55 (41)
17	Доверенности и обязательства (на рус. яз.), 1922–1929	9	31 (21)
18	Другие документы на рус. яз., 1919	3	20 (16)

Окончание табл. 1

№	Название раздела и его хронологические рамки	Кол-во ед. хран. (шт.)	Объем* (л.)
19	Непереведенные документы на рус. яз. (переведены после микрофильмирования), 1918–1922	38	156 (117)
20	Судебные дела, 1923–1928	6	33 (26)
21	Документы, касающиеся Сэо Эйтаро, черновики и проч., 1922–1966	19	288 (268)
22	Квитанции и записи о покупках, 1918–1922	11	48 (36)
23	Документы на английском (выпуск газеты «Токио нитинити» от 12.05.1923)	1	[4]
24	Российские географические карты, денежные банкноты	2	13 (10)
25	Опубликованные издания и проч., 1918–1927	8	89 (86) [300]
26	Газетные вырезки, 1919–1989	27	15 (7)
27	Визитные карточки, записные книжки и проч., 1920-е – 1972 г.	6	8
28	Другие материалы (россыпь), 1922–1988	7	[45]
29	Биографии, 1920–1924	2	7 (4)
30	Пустые конверты, 1920–1923	16	7 (5)
ИТОГО:		461	2153 (1646)**

* Объем материалов вычислен в основном по числу кадров микрофильма, не-полно воспроизводящего состав фонда. В скобках указан объем за вычетом системно-оформительских листов. Число, помещенное в квадратные скобки, означает количество листов, не перенятых на микрофильм.

** С учетом не вошедших в микрофильм документов действительный объем больше указанного примерно на 450 кадров-листов.

Вторая часть фонда имеет 29 разделов (табл. 2). Нужно отметить, что собственно архивные русскоязычные материалы представлены в этой части фонда в гораздо меньшей степени, чем в первой. Хотя разделы № 6, 9, 15–16 содержат почти исключительно источники на русском, документы этих разделов (784 л.) составляют в совокупности менее 1% от объема второй части фонда (более 8,7 тыс. л. в чистом исчислении). В то же время самым обширным разделом данной части, представленным уникальными изданиями на русском

языке, является не отраженный в микрографической копии фонда раздел № 23, по объему составляющий более 10% всего архива Куроки. Наиболее крупными документальными разделами этой части фонда являются разделы № 5 «Письма на имя Куроки Тиканори от разных лиц» (1148 л.), № 25 «Рукописи и публикации» (1096 л.), № 2 «Письма на имя Куроки Санэюки от разных лиц» (882 л.), № 27 «Опубликованные материалы и прочее» (619 л.).

Нужно сказать, что документы вышеуказанных разделов обладают большой информационной ценностью и прекрасным образом дополняют материалы первой части: разделы № 6 и 9 значительно обогащают материал, относящийся к переписке (разделы № 3, 6–16 первой части), разделы № 15 и 16 непосредственным образом относятся к разделам № 5 и 19 первой части (в совокупности составляющими около 7% от объема всего фонда), а уникальнейшие книжные издания (выпущенные в Харбине, Токио, Берлине, Санкт-Петербурге и Петрограде, Москве, Ташкенте) раздела № 23 позволяют лучше понять атмосферу эпохи, взгляды Куроки на различные события политической и общественной жизни, военное дело, положение русской эмиграции в странах Дальнего Востока после революции. С историко-информационной точки зрения большое значение имеют русскоязычные документы, «рассеянные» по таким финансово-судебным разделам второй части фонда, как № 7 «Дело Подтягина», № 10 «Дело Калмыкова», № 11 «Доверенные денежные суммы», № 12 «Документы по судебным делам Семенова».

Таблица 2

Состав и содержание второй части фонда

№	Название раздела и его хронологические рамки	Кол-во ед. хран. (шт.)	Объем (л.)
1	Приказы по военному ведомству о назначениях и награждениях Куроки Тиканори, 1898–1940	33	285 (251)
2	Письма на имя Куроки Санэюки от разных лиц, 1916–1955	49	931 (882)
3	Фотографии Куроки и Семенова, кон. XIX в. – 1940 г.	5	38 (34)
4	Письма Куроки Тиканори разным лицам на яп. яз., 1907–1929	4	123 (118)
5	Письма на имя Куроки Тиканори от разных лиц, 1902–1933	189	1337 (1148)

Окончание табл. 2

№	Название раздела и его хронологические рамки	Кол-во ед. хран. (шт.)	Объем (л.)
6	Письма Семенова на имя Куроки Тиканори, 1923–1934	29	95 (65)
7	«Дело Подтягина», 1920–1929, 1960–1988	32	545 (512)
8	Материалы, касающиеся деятельности Семенова, 1918–1929	13	152 (138)
9	Переписка Найдиса с Куроки Тиканори (на рус. яз.), 1925	7	25 (17)
10	«Дело Калмыкова», 1917–1924	14	78 (63)
11	Доверенные денежные суммы, 1920–1929	29	275 (245)
12	Документы по судебным делам Семенова, 1922–1928	18	175 (156)
13	Деятельность Семенова: Различные материалы, 1920–1928	18	71 (53)
14	Публикации и размышления о Семенове, 1919–1923	8	144 (135)
15	Военные дела (на рус. яз.), 1914–1924	14	582 (567)
16	Награждения, назначения (на рус. яз.), 1918–1919	9	27 (17)
17	Японские добровольцы, 1918	5	653 (647)
18	Квитанции, 1923–1925	2	7 (4)
19	Другие письма и телеграммы, 1920–1925	14	94 (79)
20	Экстренные выпуски газет, 1923–1936	8	99 (62)
21	Различные визитки, без даты	3	27 (23)
22	Телеграммы на франц. яз., 1924–1928	3	8 (4)
23	Книги на рус. яз., 1904–1929	33	[1 200]
24	Карты, 1910–1936	11	131 (128)
25	Рукописи и публикации, 1915–1939	64	1161 (1096)
26	Другие материалы, 1911–1941	28	706 (677)
27	Опубликованные материалы и проч., 1907–1972	9	[310]
28	Конверты, 1920–1922	7	7 / 14
29	Дополнительные материалы, 1919–1950	11	84 (72)
ИТОГО:		635	7911 (7193)*

* С учетом не вошедших в микрофильм документов действительный объем больше указанного более чем на 1500 кадров-листов.

Как уже говорилось выше, работа по систематизации, микрофильмированию и описанию фонда завершилась к 1994 г., однако фонд оставался в собственности наследников Куроки, что затрудняло его использование. Вдобавок к этому, в том же году все материалы были временно перемещены на хранение в только что открывшийся тогда Историко-краеведческий музей г. Эбино, где архивный фонд располагался в течение последующих 23 лет. В 1998 г. в том же городском музее была проведена выставка, посвященная жизни и деятельности Куроки. Примерно в это же время проживающие в г. Эбино наследники передали в данный музей и некоторые другие материалы архива Куроки, оставшиеся на руках у наследников. Таким образом, юридический статус архива Куроки оставался неопределенным, и лишь совсем недавно, в апреле 2017 г., стало известно, что все документальное наследие было передано наследниками Куроки в дар ОМПМ.

Примечательно, что в 2004 г. сама усадьба рода Куроки в г. Эбино, служившая надежным прибежищем для атамана Семенова в эмиграции, была признана культурным достоянием Японии²⁰. По свидетельству наследников Куроки, именно отсюда он отправился в Дайрэн (г. Дальний) летом 1945 г. навстречу своей трагической гибели, и именно здесь, недалеко от могилы его боевого товарища Куроки, до сих пор растет дерево, посаженное атаманом²¹.

Примечания

- ¹ Весьма эпизодически архивные материалы, касающиеся русской послереволюционной эмиграции в Японии, представлены в публикации доцента отделения ДВФУ в г. Хакодате (Япония) Курата Юка «Архивные фонды Японии: К изучению проблемы русской эмиграции в Японии» (Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сборник статей. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 435–439).
- ² Здесь и далее имена даются согласно принятому в Японии порядку – сначала фамилия, затем имя.
- ³ *Акимуру Дзиро*. Хироку: Куроки Тиканори // Эбино (Историческое общество г. Эбино). (1972). № 4. С. 53–54.
- ⁴ Архив Куроки Тиканори (далее – АК). Ч. 2, раздел 1, документы № 1–2, 21–22, 28–29. Микропленка № 1292. Л. 5–11, 94–106, 172–173; *Акимуру Дзиро*. Указ. соч. С. 55–56.
- ⁵ АК. II-1-3-7, II-1-9. Микропленка № 1292. Л. 12–37, 41–48; см. также: *Семенов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы: 1904–1921. М.: Центрполиграф, 2007. С. 125–127, 149–155, 164–166; *Он же*. Бусидо но тэнкэй: Куроки Тиканори (Куроки Тиканори как классический пример кодекса чести «бусидо») // Куроки

- Тиканори-кун цуйто дэнки (Памятная биография нашего покойного друга Куроки Тиканори) / Под ред. Сэо Эйтаро. Токио, 1937. С. 15–22.
- ⁶ АК. П-1-8, П-1-10. Микропленка № 1292. Л. 38–40, 49–53; *Хата Синдзи*. Куроки но дзисеку тэнмацу (Как уходил в отставку Куроки) // Куроки Тиканори-кун цуйто дэнки (Памятная биография нашего покойного друга Куроки Тиканори). С. 23–26; *Асаина Матадзи*. Кокуси: Куроки Тиканори но сэньяку. Сэменофу но кинкай дзикэн о сагуру (Настоящий патриот страны: Стратегия Куроки Тиканори. Расследуя подробности дела о семеновских золотых слитках) // Эбино (Историческое общество г. Эбино). № 28 (декабрь 1993 г.). С. 11–13.
- ⁷ АК. П-7-26. Куроки Т. Различные дела, связанные с делом Подтягина (рукопись). Ноябрь 1928 г. Микропленка № 1297. Л. 6–79; Там же. I-20-1-6. Микропленка № 1290. Л. 408–440; *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 261–262, 380–389; 393–394; Центр материалов по политико-правовой истории Японии (Нихон хосэй сире сэнта) при юридическом факультете Токийского университета (далее – ЦМППИЯ). Коллекция документов, касающаяся Куроки Тиканори. Документы № I–18, I–19.
- ⁸ *Акимару Дзиро*. Указ. соч. С. 53–64; *Асаина Матадзи*. Указ. соч. С. 10–16, 31–38.
- ⁹ *Такахаси Осаму*. Хахэй (Военная экспедиция). Т. 2. Токио: Издательство газеты «Асахи», 1973. Авторское послесловие. [С. 6] (в книге страницы не пронумерованы).
- ¹⁰ *Ивакири Эцукэ*. Куроки Тиканори мондзе но сэйри то майкуро сацуэй но кэйи ни цуйтэ (Как велась работа по систематизации и микрофильмированию архива Куроки Тиканори) // Куроки Тиканори мондзе мокуроку: Соко (Опись архива Куроки Тиканори: Черновой вариант). Библиотека преф. Миядзаки, 1994. С. 1.
- ¹¹ *Такахаси Осаму*. Указ. соч. Т. 2. Авторское послесловие. С. 4–6.
- ¹² Там же. Т. 1–4. Токио: Изд-во газеты «Асахи», 1973–1976.
- ¹³ *Ивакири Эцукэ*. Указ. соч. С. 2.
- ¹⁴ Куроки Тиканори мондзе мокуроку (Опись архива Куроки Тиканори). Рукопись. Объединенный музей преф. Миядзаки. 1984. 62 с.
- ¹⁵ Тантэй симбун, № 1089, 05.01.1985. С. 2; Кирисима симбун, № 303–304, 14–15.11.1989. Материалы из архива Куроки, обнаруженные в Музее г. Эбино, в числе других памятных вещей и фотографий. Документ № 425 (I-26-22), согласно справочнику (в микрофильме Музея отсутствует); *Акимару Дзиро*. Указ. соч. С. 62; *Асаина Матадзи*. Указ. соч. С. 23–24.
- ¹⁶ В последние годы жизни Куроки выполнял функции его личного секретаря. В 1930–1940-е гг. работал в японской военной разведке в Маньчжурии на советском направлении, а в 1960-е гг. являлся личным секретарем генерала Араки. См.: АК. I-2-3. Микропленка № 1288. Л. 35–89; Там же. I-21-15. Микропленка № 1291. Л. 65–72; Куроки Тиканори-кун цуйто дэнки (Памятная биография нашего друга Куроки Тиканори). С. 183–184.
- ¹⁷ Куроки Тиканори канкэй мондзе мокуроку (Опись документов, касающихся Куроки Тиканори) // Киндай риппо катэй кэнкюкай сюсю бунсе (Документы,

собранные Обществом изучения правового процесса в новое время). № 75. ЦМППИЯ, отдел архивных источников. Июнь 1992 г. Предисловие; АК. I-2-4. Микроплёнка № 1288. Л. 90–108.

¹⁸ *Ивакири Эцукэ*. Указ. соч. С. 2–3.

¹⁹ Там же. Указ. соч. С. 2.

²⁰ Куни тороку юкэй бункадзай (Объекты, зарегистрированные в качестве материального культурного достояния Японии) [Электронный ресурс] // Администрация г. Эбино. URL: <http://www.city.ebino.lg.jp/display.php?cont=100911092252> (дата обращения: 31.05.2017).

²¹ *Асаина Матадзи*. Указ. соч. С. 34, 38.

Архивные источники о миссии Ито Хиробуми в Петербурге

В статье на основе архивных документов освещена история посещения Петербурга Ито Хиробуми в рамках европейского турне в конце 1901 г. Основное внимание уделяется целям предпринимаемой поездки. Раскрывается ход переговоров Ито с В.Н. Ламздорфом. Характеризуется врученный Ито Ламздорфу проект русско-японского соглашения, предусматривающий взаимный отказ России и Японии от стратегического использования территории Кореи и признание Россией исключительных прав Японии в Корее и проект одобренного Николаем II письма Ламздорфа Ито. Показаны итоги переговоров.

Ключевые слова: Ито Хиробуми, В.Н. Ламздорф, заем, проект русско-японского соглашения, права Японии в Корее, интересы России в Корее, использование территории Кореи в стратегических целях, независимость Кореи, Петербург, Россия, Япония, Корея, Дальний Восток.

В Российском государственном историческом архиве хранятся документы о посещении Петербурга маркизом Ито Хиробуми, который в августе 1901 г. выехал из Японии в заграничное путешествие в США и Европу с целью посещения столиц ряда государств. Поездка влиятельного члена Тайного совета (Генро), человека, облеченного полным доверием императора, сразу же вызвала широкий международный резонанс. Дипломатические представители и печать европейских держав заговорили о главнейших целях европейского турне Ито. Они указывали, что первой задачей турне является устройство займа на лондонской и парижской бирже, необходимого для завершения в 1902 г. намеченной Японией крупнейшей программы вооружений. Заговорили и о том, что в ходе поездки по Европе Ито Хиробуми рассчитывает расширить

союзнические отношения с Англией и заручиться ее поддержкой в осуществлении широких завоевательных планов на Дальнем Востоке и одновременно будет добиваться посредничества Франции в заключении нового соглашения по корейским делам с Россией и т. д.

Действительно, перед отъездом Ито из Японии премьер-министр Кацура Таро ознакомил его с подробностями переговоров о заключении англо-японского союза. Ито, по утверждению японского историка Исии Кикудзиро, смотрел на англо-японский союз, имея в виду традиционную английскую политику «блестящей изоляции», лишь как на очень отдаленную, почти нереальную возможность. Зато он считал, что переговоры с Россией приведут к конкретным результатам. Кацура же, напротив, мало надеялся на возможность соглашения с Россией и выступал за продолжение многообещающих переговоров с Англией. Он утверждал, что все предыдущие переговоры с Россией были безрезультатными и что и нынешние переговоры также окончатся ничем. Но препятствовать задуманным маркизом Ито переговорам с Россией он не стал, уверенный в том, что эти переговоры ни к чему не приведут¹.

Развернутую характеристику государственной деятельности и целей заграничной поездки Ито Хиробуми дал российский посланник в Японии А.П. Извольский в письме товарищу министра иностранных дел князю Оболенскому от 23 сентября 1901 г.:

Появление маркиза Ито в Европе в настоящую минуту, когда политическое положение на Дальнем Востоке, после прошлогодних событий, все еще не достигло устойчивого равновесия... не может пройти незамеченным. Путешествию этому, предпринятому под предлогом поправки расстроенного здоровья, придается вполне частный характер; тем не менее... оно будет иметь весьма серьезное политическое значение. Несмотря на то, что с прошлого апреля месяца маркиз Ито устранен от прямого участия в правительственных делах, он сохраняет выдающееся и весьма влиятельное положение среди так называемых старших государственных людей Японии (по японски они обозначаются собирательным именем «Генро»), состоящих в непосредственной близости к императору... вне-правительственного и как бы анонимного Верховного Совета, без участия и согласия которого не решается ни один весьма важный вопрос. Первенствующая роль среди этих Верховников всегда принадлежала маркизу Ито, который обыкновенно принимал официальное бремя власти лишь в наиболее трудные и опасные минуты... Вступление в должность маркиза Ито представлялось весьма благоприятным для наших интересов и могло лишь способствовать нашему сближению с Японией².

Далее, говоря о целях европейского турне Ито Хиробуми, российский посланник в Токио указывал, что Ито относится к тем государственным деятелям Японии, взоры которых «прежде всего, должны обратиться к России и к тем державам, которые могли бы оказаться с последнею в полном единомыслии по отношению к делам Дальнего Востока. Для них ясно, что если разрыв с Россией, к которому раньше или поздно должно привести нынешнее направление японской политики, может поставить на карту самое существование Японской империи, сближение с этой могущественной державой, напротив того, способно обеспечить Японии выдающееся положение на Дальнем Востоке... <...> ...мне известно от самого маркиза Ито, что он намерен лишь беглым образом посетить С.А. Соединенные Штаты и что первой целью его путешествия будет Париж, куда он, вероятно, проследует сразу же из Америки, минуя покуда Лондон, который он предполагает посетить лишь впоследствии. Затем, особенно важным он признает посещение Берлина, а главное – Петербурга, куда он думает прибыть в декабре или январе. Если бы путешествие затянулось до весны, он весьма желал бы вернуться домой через Сибирь.

Как только путешествие его было окончательно решено, маркиз Ито выразил желание иметь по этому поводу специальное свидание как со мною, так и с моим французским коллегой. В разговоре со мною он просил меня подготовить в Петербурге почву для встречи его с графом Ламздорфом и другими нашими руководящими государственными людьми и в весьма прозрачных выражениях дал мне понять, в чем заключается цель предпринимаемой им поездки. Еще более откровенные указания на это я получил от сопровождающего его доверенного лица, г-на Цудзуки (Судзуки. – *Б. П.*), который прямо объяснил мне, что при посещении Петербурга маркиз Ито надеется, путем личных сношений с нашими министрами, найти почву для практического соглашения между Россией и Японией. В том же смысле маркиз Ито высказался и перед французским поверенным в делах, г-ном Дюбаиль»³.

Другой важнейшей задачей путешествия в Европу маркиза Ито Извольский считал получение крупного внешнего займа.

Вопрос этот является в настоящую минуту как бы осью всей японской политики и разрешение его в том или другом смысле и при участии той или другой державы может оказать решающее влияние на дальнейшее направление этой политики. <...> ...серьезную помощь ему мог бы принести лишь заем в сто или более миллионов иен; на английском денежном рынке оно найти подобную сумму не может.

Несколько времени тому назад, со стороны японского правительства был обращен к здешнему французскому поверенному в делах официальный запрос: возможно ли заключить подобный заем во Франции? Как мне известно, г. Дюбаиль ответил на это, что французский денежный рынок действительно мог бы оказаться благоприятным для подобной операции, но лишь при известных условиях... К этим условиям прежде всего относятся: окончательная ликвидация китайского *imbroglio* и уверенность, что и в будущем на Дальнем Востоке не предвидится новых осложнений, т. е. главным образом разрыва между Россией и Японией. Другими словами г. Дюбаиль указал японскому правительству, как на единственный путь к успешному заключению займа на французском денежном рынке, – на полное соглашение с Россией и Францией по вопросам Дальнего Востока... Ответ этот он в полной мере подтвердил и маркизу Ито. ...весьма возможно, что подобный же обмен мыслей произойдет в Париже между маркизом Ито и французским министерством иностранных дел. Мне кажется весьма желательным, чтобы в таком случае маркиз Ито и от г-на Делькассе услышал, что Япония лишь в том случае может найти во Франции нужные ей деньги, если она придет к прочному соглашению с Россией. <...> Если бы по этому поводу между нами и французским Правительством состоялся предварительный уговор это могло бы привести к самым серьезным и благотворительным результатам. Услышав в Париже, что французское правительство готово помочь Японии выйти из настоящих ее финансовых затруднений, но что помощь эта прежде всего ставится в зависимость от заключения прочного соглашения с Россией... маркиз Ито будет, вероятно, с удвоенным рвением искать в Петербурге почвы для подобного соглашения⁴.

Предположения Извольского относительно программы действий Ито Хиробуми во время поездки в Европу вскоре подтвердились. В ноябре 1901 г., высадившись в Булони, Ито посетил Париж, где 13 ноября имел беседу с министром иностранных дел Франции Т. Делькассе. О содержании этой беседы телеграфировал в Петербург советник российского посольства в Париже К.М. Нарышкин:

Из состоявшегося продолжительного разговора с маркизом Ито Делькассе вынес о нем благоприятное впечатление. Японский сановник в беседе с министром занялся вопросом о сношениях Японии с Россией, о желательности дружественного между обоими правительствами общения и о делах в Корее, где, по словам Ито, представители России и Японии зачастую действиями своими дают повод к пререканиям с той или другой стороны... Делькассе ответил ему, что

пререкания между представителями России и Японии в Корее могли бы быть улажены путем объяснений между правительствами... и что французское правительство готово было бы оказать содействие обеим сторонам для установления прочного соглашения и сближения их между собой. Маркиз Ито... на замечание Делькассе, что ему хорошо было бы проехать в С.-Петербург для выяснения условий соглашения с Россией, он ответил, что поездка в Россию входит в его программу и что после пребывания в С.-Петербурге он намерен посетить вновь Париж⁵.

Таким образом, Ито Хиробуми, как явствует из секретной телеграммы Нарышкина, получив согласие французского министра иностранных дел на посредничество в налаживании отношения с Россией по корейским делам, через Берлин проехал в Петербург. 25 ноября он был уже на берегах Невы, а 1 декабря имел продолжительную беседу с министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом.

В откровенной беседе Ито заявил Ламздорфу, что хотя и не имеет от своего правительства официального поручения, желал бы откровенно объясниться по некоторым политическим вопросам, близко затрагивающим интересы России и Японии. По мнению Ито, единственным предметом раздора двух соседних империй является Корея, у японцев сложилось убеждение, что Россия стремится завладеть Корейским полуостровом, что, в глазах всего японского народа, должно неминуемо нанести удар независимости Японии. Если бы Россия согласилась успокоить в этом отношении Японию, то ничто уже не могло бы препятствовать установлению той желательной тесной дружбы между соседями. «Не могу ли я предложить какое-нибудь дополнение в этом смысле к соглашениям, уже существующим между Россией и Японией?»⁶.

Ламздорф заметил, что в основу этих соглашений как раз и положен принцип независимости Кореи, а потому опасениям Японии, казалось, нет и места, в последнее же время Япония сама отклонила предложение обсудить, насколько существующие соглашения могут быть дополнены.

На это Ито ответил, что Токийский кабинет относился отрицательно к данному вопросу только пока длился китайский кризис, но в настоящее время сам считает необходимым условиться о будущем.

На предложение Ламздорфа высказаться о взглядах японского правительства Ито повторил, что для Японии прежде всего нужна независимость Кореи; но последняя слишком слаба, чтобы существовать самостоятельно, поэтому Япония желала бы, предва-

рительно условившись с Россией, получить возможность давать сеульскому правительству советы и оказывать ему помощь, что естественно устранило бы от корейских дел влияние всякой другой державы. При этом, вследствие просьбы Ламздорфа разъяснить, что имеется в виду под словом «помощь», Ито разъяснил, что имеет в виду советы, направленные к поднятию в стране благоустройства, и говоря о помощи – понимает содействие, даже военной силой, в случае беспорядков в Корее или ее столкновений с другими державами.

Ламздорф усомнился в возможности сохранить при таких условиях самостоятельность Кореи, на что Ито заметил, что, пока Корея может обращаться то к одной, то к другой державе, столкновения по этому поводу между Россией и Японией будут всегда возможны, а между тем именно и желательно устранение их раз навсегда.

Не отвергая значения Кореи для Японии, Ламздорф указал Ито на то, что Россия не может вполне отречься от своих интересов в сопредельной стране. Ныне она может содержать равное с японцами число войск, между тем Япония желает обеспечить за собой исключительное право вооруженного вмешательства, что может привести к созданию японцами стратегических позиций, чего Россия допустить не может, не подвергая опасности сообщения Владивостока с южными портами.

На вопрос Ламздорфа о том, какие могут быть даны гарантии против этого, Ито ответил, что Япония готова дать священное обещание никогда не укреплять портов южной Кореи и никогда не угрожать означенным сообщениям, но что, ввиду стремления русских моряков овладеть портом в Корее и устроить там военно-морскую базу, необходимо раз навсегда успокоить Японию насчет действительных намерений России; тогда последняя могла бы свободно действовать в Корее, не страшась противодействия соседней империи.

Ламздорф заметил Ито, что Россия не имеет страха ни перед кем и желает установления дружественных отношений с Японией для общего мира и пользы обеих империй. Ито поспешил заметить, что не так выразился и имел в виду лишь необходимость более прочного соглашения.

Наконец, на замечание Ито, что он вел с ним беседу как частный человек, Ламздорф ответил тем же и просил его дать ему письменную программу⁷.

3 декабря (21 ноября) 1901 г. Ито Хиробуми перед отъездом из Петербурга вновь посетил В.Н. Ламздорфа. Выразив благодарность за оказанный ему российским императором прием, Ито заявил, что

хотя на него не было возложено японским правительством политического поручения, тем не менее после бесед в Петербурге и искренне желая закрепления дружественных отношений между Россией и Японией, «он нашел возможным совершенно частным образом» набросать письменно те условия, которые, по его мнению, могли бы служить основанием для заключения особого между обоими государствами соглашения. При этом он вручил русскому министру иностранных дел записку с изложением содержания этих условий:

1. Взаимные гарантии независимости Кореи.

2. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей друг против друга.

3. Взаимное обязательство не прибегать на Корейском побережье к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.

4. Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношениях политическом, промышленном и коммерческом и исключительного права ее помогать Корее советами и содействием при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.

5. Настоящее соглашение заменит собою все предыдущие⁸.

Ознакомившись с этой запиской, Ламздорф заметил Ито, что предлагаемые им условия не представляют, на его взгляд, канвы соглашения, а лишь перечень весьма широких льгот, которые Япония желает выговорить в свою пользу.

Замечание Ламздорфа, видимо, смутило Ито, который стал доказывать, насколько в интересах обоих государств успокоить общественное мнение в Японии, которое до тех пор, пока между Россией и Японией не состоится прочного соглашения по корейским делам, будет постоянно находиться в состоянии возбуждения, подозревая Россию в затаенных планах в Корее.

«Я не сомневаюсь, – сказал Ламздорф Ито, – что проектируемое им соглашение успокоит общественное мнение в Японии, но оно не может не вызвать совершенно обратного действия в России, так как по условиям своим оно равносильно представлению без соответствующего противовеса Кореи в полное распоряжение Японии и обращает на деле “независимость” ее в пустой звук. На такую постановку вопроса, ввиду ближайшего соседства России с Корейским полуостровом, императорскому правительству весьма трудно согласиться»⁹.

Спокойные, но категоричные возражения эти и замечание Ламздорфа, что Россия, в сущности, могла бы довольствоваться и нынешними соглашениями с Японией по корейским делам, казалось, были для Ито совершенно неожиданными, и он спросил Ламздорфа даже, не следует ли ему взять обратно свой проект.

Полагая, однако, неосторожным совершенно обезнадеживать японского сановника и тем отрезать путь к дальнейшему обмену мыслей, Ламздорф отказался возвратить ему записку, заметив, что она, несомненно, может послужить материалом для составления проекта соглашения, хотя требует предварительно некоторых изменений. При этом Ламздорф обратил внимание Ито на то, что первые три поставленные им пункта, возлагающие взаимные обязательства на Россию и Японию, совершенно уничтожаются четвертым пунктом, по которому одной Японии предоставляются политические, промышленные, коммерческие и даже военные права в Корее. «При таких условиях, – спросил Ламздорф, – возможны ли взаимные гарантии, упоминаемые во второй и третьей статьях проекта?» Тогда Ито предложил в этих пунктах заменить выражение «взаимные гарантии» словами «Япония обязуется».

Ламздорф указал также на то, что всякое соглашение помимо обязательств или уступок предполагает и равные или соответствующие права и преимущества для обеих договаривающихся сторон. Между тем в представленном Ито проекте всеми преимуществами пользовалась бы исключительно Япония.

Признав справедливость этого замечания, Ито сказал, что он ждет сообщения от Ламздорфа о требованиях, которые российское правительство сочло бы достаточной компенсацией за права, приобретаемые Японией в Корее.

На это Ламздорф напомнил Ито, что беседа его имела совершенно частный характер и что чтобы предъявить какие бы то ни было российские требования, он обязан информировать обо всем правительстве и, испросив указаний от царя, обменяться мыслями с заинтересованными ведомствами. Так как Ито собирался покинуть Петербург 3 декабря вечером, он просил Ламздорфа сообщить ему, по возможности скорее, ответ по поводу его записки через японского посланника в Берлине, где он намерен пробыть некоторое время. Он прибавил, что в Токио с крайним нетерпением ожидают сведений о результате его путешествия¹⁰.

Сразу же после беседы с Ито Ламздорф составил свои дополнения к его записке об условиях нового соглашения России и Японии по корейским делам. Они состояли из следующих семи пунктов:

1. Взаимная гарантия независимости Кореи.

2. Взаимное обязательство (или же Япония обязуется) не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей.

3. Взаимное обязательство (или же Япония обязуется) не прибегать на Корейском побережье к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.

4. Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношении промышленном и коммерческом, а также преимущественных ее прав, по предварительному соглашению с Россией, приходить одной на помощь Корее советами, стремящимися помочь ей при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.

5. Япония обязуется в случае, предусмотренном в предыдущем пункте (п. 4), посылать в Корею только строго необходимое количество войск и отозвать таковые тотчас по выполнении ими задачи. При этом обусловлено, что японские войска ни в коем случае не переступят за пределы заранее строго определенной зоны вдоль русской границы.

6. Со своей стороны, Япония признает преимущественные права России на всех прилегающих к русской границе областях Китайской империи и обязуется ни в чем не препятствовать свободе действий России в этой области.

7. Настоящее соглашение заменяет собой все предыдущие¹¹.

Дополнения В.Н. Ламздорфа, известные как «проект графа Ламздорфа», были утверждены Николаем II и сообщены для заключения министрам финансов, военному и управляющему Морским министерством.

Первым отозвался военный министр А.Н. Куропаткин. В целом выступая за заключение нового соглашения с Японией, он высказался только против чрезмерной уступки Японии в Корее. «Наше новое соглашение с Японией, – писал он, – не должно быть куплено слишком дорогой ценой. Полный отказ от Кореи и уступки ее Японии и составят слишком дорогую цену»¹².

В своем заключении на проект ответной записки Ито министр финансов С.Ю. Витте называл соглашение с Японией не только желательным, но на ближайшие годы даже существенно необходимым, поскольку, «до тех пор, пока мирным путем, на почве вза-

имных уступок, мы не устраним существующих у нас с Японией недоразумений по корейским делам, мы... будем находиться под постоянным опасением вооруженного столкновения с этой державой». В крайнем случае, он находил возможным «совершенно поступиться Кореею», если Япония признает преимущественные права России во всех прилегающих к русской границе областях Китая и обяжется не препятствовать свободе действий ее там¹³.

Переходя к обсуждению проектируемого соглашения, Витте согласился, что в интересах России склонить Японию к подписанию соглашения с изменениями и дополнениями, предложенными Ламздорфом, а для этого необходимо изложить проект соглашения «возможно объективно, сделать его отвечающим обоюдным интересам». Исходя из этих соображений, Витте предлагал оставить пункты 2 и 3 без изменений, исключив лишь из пункта 2 слова «друг против друга», чтобы устранить для Японии возможность возводить на корейской территории укрепления, ссылаясь, что укрепления эти возводятся не против России, а для защиты от какой-либо третьей державы¹⁴.

Свое мнение относительно высказанных военным министром и министром финансов замечаний по поводу проекта русско-японского соглашения по корейским делам, составленного Ито, Ламздорф изложил в докладной записке Николаю II от 13 декабря 1901 г. Он докладывал, что военное и финансовое ведомства «не встречают в общем препятствий к заключению соглашения с Японией». Ламздорф полагал согласиться с мнением Витте о желательности изложить проект соглашения с Японией по возможности объективно и допустить во 2-м и 3-м пунктах первоначальную редакцию записки маркиза Ито «взаимное обязательство» вместо им самим предложенного изменения – «Япония обязуется».

К тому времени Ламздорф еще не получил отзыва управляющего Морским министерством и, принимая во внимание желательность возможно скорее дать ответ Ито, по крайней мере, до поездки его в Англию, он изготавил проект письма на имя Ито с учетом имеющихся мнений министров¹⁵.

Текст составленного В.Н. Ламздорфом и одобренного Николаем II письма Ито 12 декабря в переводе с французского гласил:

Я не преминул довести до сведения моего августейшего государя содержание тех разговоров, которые мы имели с вами во время пребывания Вашего Высокопревосходительства в Петербурге, и я счел своим долгом также доложить его императорскому величеству те четыре пункта, которые вы наметили в качестве основания для нового согла-

шения между Россией и Японией. Согласно высочайшему повелению я затем совещался по этому поводу с подлежащими министрами и я счастлив, что могу сообщить вам сегодня результат этого обсуждения, который, я надеюсь, облегчит заключение соглашения, которое Ваше Высокопревосходительство так же, как и я, желаете для блага наших обеих стран.

В проекте, который прилагается к этим строкам, первые три пункта, предложенные Вашим Высокопревосходительством, остаются без изменения, за исключением слов «друг против друга» («against each other») в конце второго пункта, которые могли бы быть с пользой для дела выброшены. Если бы Ваше Высокопревосходительство предпочли сократить в начале 2-го и 3-го пункта первоначальную редакцию, т. е. «mutual guarantee» вместо «Япония обязуется», мы не стали бы против этого возражать.

В 4-м пункте желательно было бы вычеркнуть слово «political» перед словами «industrial and commercial aspects», так как это слово может нарушить принцип независимости Кореи, гарантировать которую Россия и Япония взаимно обязались. Казалось бы справедливым дополнить этот текст соглашением о том, что прежде, чем воспользоваться своим преимущественным влиянием посредством советов и даже при случае посредством вооруженной интервенции в Корее, Япония будет предварительно договариваться с Россией по этому поводу.

Право военной интервенции в Корее, которое Япония получила бы по предполагаемому договору, должно быть точно определено теми условиями, которые Ваше Высокопревосходительство сообщили мне на словах, а именно, что количество японских войск, отправляемых в Корею, будет всегда строго соответствовать требованиям положения и что эти войска будут отозваны немедленно по выполнении их задачи. Чтобы избежать в будущем всяких осложнений, следовало бы условиться, что японские отряды не переступят за пределы заранее определенной зоны вдоль русской границы. Все эти соображения изложены в пункте 5-м...

Что касается 6-го пункта, то он является лишь слабым эквивалентом тех широких прав, которые Россия признала бы в Корее за Японией. К тому же он только повторяет принципы, уже признанные в переданной бароном Ниси в 1895 г. барону Розену записке и предложения, сделанные в Петербурге г. Комура в 1900 г. <...> Я буду ожидать ответа Вашего Высокопревосходительства для того, чтобы дать необходимые инструкции г. Извольскому, который мог бы без промедления приступить в Токио к переговорам на выработанных основаниях¹⁶.

К этому письму Ито был приложен приведенный выше «Проект предложений маркиза Ито с заключениями министра иностранных дел Ламздорфа»¹⁷.

Одобренный Николаем II проект основных начал будущего русско-японского соглашения был нарочным отправлен в Берлин, где он застал Ито 17 декабря 1901 г. Вечером того же дня Ито выехал в Брюссель, откуда отправил Ламздорфу ответное письмо, датированное 23 декабря 1901 г. В письме Ито указывал, что текст русских контрпредложений не дает надежды на скорую выработку осуществимого и прочного соглашения между Россией и Японией. Он утверждал, что редакция, например, пункта 6-го русского проекта предполагает самое широкое толкование. Она не дает точных указаний ни на шаги и меры, которые хочет предпринять Россия в прилегающих к русской границе областях Китая, ни на территориальные пределы, в которых Россия желает проявить свое влияние.

По поводу изменений в пункте 4-м Ито писал, что этот пункт он уже считал совершенно ясно и «неопрровержимо» установленным еще в своем разговоре с Ламздорфом.

Самый принцип предварительного соглашения или совместного действия, который ваше превосходительство желает внести в пункт 4-й, является именно тем принципом, который я усиленно оспаривал, как чрезвычайно опасный для прочного равновесия дел на Дальнем Востоке... Исключительная свобода действий Японии в Корее отвергнута русским проектом; эта свобода признана лишь по отношению к некоторым ограничительно определенным областям и, кроме того, подчинена строгим условиям, поименованным в пунктах 2, 3 и 5. Между тем, в пункте 6-м такая свобода признается за Россией без всяких ограничений, в полной мере и при выполнении ею любых политических функций. В то же время территориальные границы сферы, представленной Японией, строго ограничены одной областью и условиями, помещенными в пункте 5-м, тогда как по отношению к России применены выражения, не допускающие какой-либо свободы толкования в будущем¹⁸.

Лишая Японию исключительной свободы действий в Корее и требуя в пункте 4-м предварительного соглашения ее с Россией, проект графа Ламздорфа стремится, по мнению Ито, низвести Японию к положению «уполномоченного» или исполнителя воли этих двух наций.

В заключение Ито напомнил, что сам Ламздорф признавал соглашение прочным и осуществимым на деле только в том случае,

если оно «беспристрастно» и дает почти равные выгоды обеим договаривающимся сторонам. Такого беспристрастия в русском проекте Ито не видел и выражал сомнение в целесообразности представить его японскому правительству как основание для будущих переговоров. Во всяком случае предложения Ламздорфа должны быть изучены «более старательно и точно», а потому и сам ответ в окончательной форме должен «неизбежно затянуться», т. е. последует не ранее возвращения Ито в Токио¹⁹.

Отправив это ответное письмо Ламздорфу, Ито из Брюсселя последовал в Лондон, где уже завершились переговоры между Англией и Японией о подписании союзного договора.

Примечания

- ¹ См. подробно: *Исии Кукудзиро*. Дипломатические комментарии: Пер. с англ. М., 1942. С. 37–40.
- ² Копия письма д.с.с. Извольского кн. Оболенскому от 10 (23) сентября 1901 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 239. Л. 77–81.
- ³ Там же. Л. 81–82.
- ⁴ Там же. Л. 82–83.
- ⁵ Секретная телеграмма советника посольства в Париже Нарышкина министру иностранных дел Ламздорфу от (13 ноября) 31 октября 1901 г. // Красный архив. Т. 2 (68). М.–Л., 1934. С. 43–44; Письмо министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа министру финансов С.Ю. Вите от 27 ноября 1901 г. № 1209 // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 242. Л. 75–76 об.
- ⁶ Проект секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 22 ноября 1901 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 242. Л. 47.
- ⁷ Проект секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 22 ноября 1901 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 242. Л. 47–48.
- ⁸ Записка, сообщенная маркизом Ито (пер. с англ.) // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 242. Л. 79–80 об.
- ⁹ Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 22 ноября 1901 г. // Красный архив. Т. 2 (63). М.; Л., 1934. С. 44.
- ¹⁰ См.: Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 22 ноября 1901 г. // Красный архив. Т. 2 (63). М., 1934. С. 44–45.
- ¹¹ Проект предложений маркиза Ито с замечаниями министра иностранных дел: Пер. с англ. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 242. Л. 79–80 об.
- ¹² Копия секретного письма военного министра Куропаткина министру иностранных дел Ламздорфу от 27 ноября 1901 г. № 415 // Там же. Л. 49–50.

- ¹³ Письмо министра финансов Витте министру иностранных дел Ламздорфу от 28 ноября 1901 г. № 566 // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 242. Л. 81 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 82 об.–83.
- ¹⁵ Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 30 ноября 1901 г. // Красный архив. Т. 2 (63). М., 1934. С. 48–49.
- ¹⁶ Проект письма министра иностранных дел Ламздорфа маркизу Ито в Берлин // Там же. С. 50–51.
- ¹⁷ Докладная записка министра иностранных дел Николаю Романову от 1 декабря 1901 г. // Там же. С. 52–53.
- ¹⁸ Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. СПб., 1905. Приложение № 12.
- ¹⁹ Там же.

Р.А. Коканова, О.А. Харченко

Документальные источники по истории
Астраханского государственного университета
в фондах Государственного архива
Астраханской области

(К 85-летию Астраханского государственного университета)

Целью данной статьи, посвященной 85-летию Астраханского государственного университета, является исследование истории развития и традиций университета на основе документальных источников. Центральный фонд по данной тематике – фонд № Р-2364 «Астраханский ордена “Знак Почета” государственный педагогический институт имени С.М. Кирова Министерства Просвещения РФ» включает 3328 единиц хранения за период с 1932 по 1993 г., то есть с момента создания учебного заведения и за 61 год его развития, как одного из ведущих вузов Астраханской области. Документы фонда – основной документальный источник о научной деятельности института. Особое место занимают документы за 1941–1945 гг. Астраханский госархив хранит и другую категорию документов, которую в архивоведении называют документами личного происхождения.

Ключевые слова: Государственный архив Астраханской области, документальные исследования, архивные фонды Астраханского государственного университета, история развития, народное образование, документы личного происхождения.

На сегодняшний день Астраханский государственный университет (далее – АГУ) занимает лидирующие места в сфере образования Поволжья. История университета берет свое начало в далеком 1932 г., именно тогда Постановлением СНК РСФСР № 298 от 25 марта был основан Астраханский государственный педагогический институт (далее – АГПИ). Его целью была, в соответствии с планами партии, подготовка квалифицированных педагогических работников на территории региона. Народный комиссариат про-

свещения установил дату открытия нового института 1 октября 1932 г. В 1934 г. институту было присвоено имя С.М. Кирова. В 1935 г. при пединституте был открыт учительский институт с отделениями русского языка и литературы, естествознания, физики и математики. В 1937 г. происходит разделение кафедры математики на две самостоятельные кафедры: математического анализа и геометрии. Разделилась и кафедра литературы и языка на две кафедры: кафедру литературы и кафедру русского языка. Образованы были кафедры зоологии, ботаники и химии. В 1940–1941 учебном году институт имел 13 кафедр: истории, основ марксизма-ленинизма, педагогики, литературы, русского языка, математического анализа, геометрии, физики, ботаники, зоологии, химии, иностранных языков, военного дела и физкультуры. В 1951 г. на очном отделении АГПИ было три факультета: историко-филологический, физико-математический, иностранных языков. Институт готовил учителей узкого профиля. В 1955 г. институт перешел на подготовку учителей широкого профиля, в институте осталось два факультета: филологический и физико-математический¹.

В 1996 г. АГПИ был переименован в Астраханский государственный педагогический университет, с 2002 г. – Астраханский государственный университет².

Но как полно и точно, не забыв никого и ничего, рассказать о прошлом, настоящем и, возможно, будущем целого коллектива? Как за сухими цифрами, датами, справками увидеть судьбы людей: деканов, заведующих кафедрами, преподавателей, студентов?

Проследим историю становления и развития Астраханского государственного университета, используя архивные документы Государственного архива Астраханской области.

Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО) был создан 15 ноября 1920 г. согласно декрета СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 01.06.1918 г. и «Положения о губернских архивных фондах» 1919 г. Основной архива послужили документы местных учреждений Астраханской губернии, существовавших до установления советской власти в регионе в начале 1918 г. Возглавил организацию государственного хранения документов в Астраханской губернии профессор Астраханского государственного университета И.И. Солосин³.

В настоящее время ГААО занимает ведущее место в системе учреждений государственной архивной службы Астраханской области и является одним из крупнейших региональных архивохранилищ. В его стенах сосредоточено 3522 архивных фонда объемом 1 032 403 единицы хранения. Научно-справочная библиотека госар-

хива включает 50 849 книг и брошюр, 3558 газет и 10 616 журналов, 750 единиц хранения других видов печатных, аудиовизуальных и электронных изданий, многие из которых относятся к числу редких.

Этими сухими цифрами архивной статистики измеряется документальная память не только Астраханской области, но и ряда соседних с ней регионов Нижнего и Среднего Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, Казахстана и Средней Азии.

На стеллажах общей протяженностью более 10 км нашли свое место уникальные документы времен приказного делопроизводства XVII в. Астраханского воеводства, начиная с 1601 г., документация органов власти, учреждений, организаций, общественных структур периода Кавказского наместничества и Астраханской губернии, документы советского и постсоветского периодов с 1918 г. по настоящее время.

Наряду с документами местных органов власти и управления значительный комплекс составляют документы сословных, коммерческих и банковских учреждений, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, научных, образовательных, религиозных, культурных и общественных организаций.

Архивные фонды в соответствии с принятой классификацией в отечественной практике архивного дела делятся на две исторические эпохи: документы досоветского периода и документы советского и постсоветского периода. Разделительной датой является начало 1918 г. – установление советской власти в Астраханской губернии. Таким образом, в хранилищах ГААО на документальных страницах архивных фондов сосредоточен опыт более чем четырехвекового развития Астраханского края, что определяет его исключительную востребованность, в том числе для исторической науки.

Документы ГААО являются основными историческими источниками для изучения развития образования и науки в Астраханском крае. И конечно, отражают историю одного из старейших астраханских вузов – Астраханского государственного университета, в прошлом Астраханского государственного педагогического института. Документы ГААО периода истории АГПИ отличаются достаточной полнотой и многоаспектностью содержания.

Обзор основных архивных фондов по истории АГУ, конечно же, необходимо начать с центрального фонда по данной тематике – фонда № Р-2364 «Астраханский ордена “Знак почета” государственный педагогический институт имени С.М. Кирова Министерства просвещения РФ»⁴. Он включает 3328 единиц хранения за период с 1932 по 1993 г., т. е. с момента создания учебного заведения

и за 61 год его развития как одного из ведущих вузов Астраханской области.

Дела за 1932 г., содержащие переписку института и Астраханского городского отдела народного образования с Наркомпросом РСФСР, партийными и советскими органами, профсоюзными организациями Астраханского региона, нормативные документы и инструкции отражают процесс организации учебного заведения и рабфака при нем, формирование его изначальной структуры, привлечение преподавательских кадров и «вербовку», говоря языком документов, первых его студентов.

Сохранилась поздравительная телеграмма Наркомпроса о состоявшемся 30 сентября 1932 г. торжественном открытии института. Также представлены вырезки из местных периодических изданий, содержащие хронику данных событий и отклики на них за октябрь 1932 г. Интересно отметить, что при открытии АГПИ поступили предложения присвоить институту сначала имя А.М. Горького, однако в 1933 г. институт выступил с ходатайством о присвоении ему имени Карла Маркса.

Документы фонда позволяют проследить становление и развитие учебного заведения как кузницы педагогических кадров Астраханского края год за годом: создание и деятельность в 1932 г. Педагогического совета института, с 1933 г. уже Совета института, впоследствии с 1960 г. Научного совета; начиная с 1932 г. факультетов, кафедр, дневного и вечернего отделений, рабфака, с 1937 г. заочного отделения. Достаточно полно представлены планово-отчетная документация, протоколы заседаний, учебные планы и программы.

Сохранились такие архивные документы, как первый Устав пединститута 1939 г.⁵, «Положение об экстернате и библиотеке 1937–1938 гг.». Интересно будет ознакомиться с «Правилами внутреннего распорядка пединститута и рабфака» 1936 г.

Первые документы о проведении приемных испытаний в вуз датируются 1939 г., с 1960-х документы о работе приемной комиссии представлены уже за каждый год.

Документы государственной экзаменационной комиссии за 1936 г. – важный источник о состоявшемся в институте первом выпуске педагогов. Протоколы заседаний ГЭК института, начиная с 1963 г., в наличии за каждый год. С 1962–1963 гг. представлены документы о проведении педагогической практики студентов, а также о распределении выпускников института. Наиболее ранние документы института о приеме в аспирантуру и о соискании ученых степеней отложились за 1937 г. Это переписка с вышестоящими

структурами высшей школы, проекты кандидатских минимумов, характеристики аспирантов и соискателей.

Документы фонда содержат сведения о профессорско-преподавательском составе института за разные годы. Среди них переписка института с вышестоящими органами по данному вопросу, штатные формуляры профессоров и преподавателей, списки сотрудников кафедр, отчеты преподавателей о научной работе.

Документы фонда – основной источник о научной деятельности института. Наиболее значимые из них: документы Ученого совета института; планы и отчеты о научно-исследовательской работе института и его кафедр; протоколы редколлегии Ученых записок института за 1952 г.⁶; материалы (включая доклады и тезисы) институтских научных конференций и студенческих научных конференций, в частности, представлена программа и материалы 30-й итоговой научной конференции института за 1972 г.; документы о работе студенческих научных кружков, начиная с 1954 г.

Немало интересной информации об общественной жизни учебного заведения, о социально-бытовом устройстве студенчества в разные периоды истории содержат документы профсоюзной организации института.

Особое место занимают документы за 1941–1945 гг., свидетельствующие о работе вуза в сложный период в истории нашего государства – в годы Великой Отечественной войны.

Исследователям истории учебного заведения будет полезно обратиться к работе заведующего кафедрой ОМЛ, кандидата исторических наук П.В. Сысоева «Из истории образования и деятельности кафедр Астраханского государственного педагогического института имени С.М. Кирова за 20 лет (1932–1952 гг.)», имеющейся также в составе фонда.

В целом документы архивного фонда АГПИ – важнейшие источники по истории не только самого вуза, но и народного образования Астраханского края. Они представлены в основном управленческой документацией учебного заведения.

ГААО хранит и другую категорию документов, которую в архивоведении называют документами личного происхождения. Это личные фонды четырех известных преподавателей института, с которым они связали большую часть своей жизни. Личную жизнь этих замечательных людей невозможно отделить от их научной и служебной деятельности, они фактически тоже часть истории вуза. Поэтому документы этих фондов несут не только биографическую информацию о фондообразователях, но и содержат разнообразные сведения и факты, подчас неожиданные, по истории института за годы их работы.

Фонд № Р-100: *Личный фонд Самаренко Василия Петровича, доцента АГПИ им. С.М. Кирова*⁷ состоит из 17 ед. хр. за 1961–1976 гг. Здесь представлены документы его научной литературоведческой и преподавательской деятельности: доклады, статьи, в том числе и по литературному краеведению, материалы его спецкурса. Имеется его переписка, в том числе с астраханским писателем А. Шадриным. Фонд содержит 82 фотографии.

Фонд № Р-628: *Личный фонд Травушкина Николая Сергеевича (1916–1990 гг.), профессора, заведующего кафедрой русского языка и литературы АГПИ им. С.М. Кирова*⁸ содержит 174 ед. хр. за 1934–1993 гг. Фонд отличается не только большим количеством, но и разнообразием представленных документов. Несомненно, привлекут внимание биографические документы Н.С. Травушкина и его супруги Эллы Отговны Травушкиной, также сотрудника пединститута, преподавателя кафедры иностранных языков, участницы Великой Отечественной войны, ветерана 28-й армии.

Интересны для изучения документы и материалы богатой научной и творческой деятельности Николая Сергеевича, среди которых имеются неопубликованные, так как Н.С. Травушкин был поэтом, членом Союза писателей СССР. Сохранились его литературные дневники (рецензии на прочитанное).

Требует глубокого изучения его многочисленная переписка, частью еще пока не разобранный, в том числе с деятелями науки, писателями и поэтами, представителями творческой интеллигенции страны за период с конца 1940-х до конца 1980-х гг. Но преподавание литературы для Н.С. Травушкина, конечно же, всегда занимало важное место. Поэтому среди документов можно встретить анкеты-сочинения его студентов о восприятии художественных произведений.

Фонд содержит обширный материал по астраханскому краеведению и литературоведению, среди них собрана коллекция материалов по истории Астраханского пединститута, включающая документы за 1951–1882 гг. Также в фонде имеются и фотодокументы.

В состав фонда вошла и работа В.П. Самаренко «Фольклор Астраханской области в записях студентов-заочников», а также материалы о передаче фольклорного архива В.П. Самаренко Пушкинскому музею за 1975–1977 гг.

Фонд № Р-1000: *Личный фонд Трушина Николая Александровича (1906–1977 гг.), кандидата исторических наук, доцента АГПИ им. С.М. Кирова, участника Великой Отечественной войны*⁹ содержит 4 ед. хр. за 1935–1977 гг., включает личные документы (личное дело, трудовую книжку, дипломы, удостоверения) фондообразователя и несколько фотографий.

Фонд № Р-1311: *Личный фонд Шнайдштейн Евгении Вульфовны, археолога, кандидата исторических наук, доцента АГПИ им. С. М. Кирова*¹⁰ включает 53 ед. хр. за 1914–1993 гг. Фонд интересен не только разнообразными биографическими документами самой Евгении Вульфовны и ее родственников, многочисленными документами ее активной научной и преподавательской деятельности. Здесь собрано немало фотографий, запечатлевших преподавателей и студентов пединститута, особенно исторического факультета, в том числе в период археологических экспедиций. Так что для изучения истории, прежде всего исторического факультета института, они имеют определенное значение.

Кроме того, любой серьезный исследователь институтско-университетской истории не сможет обойти своим вниманием фонды органов власти и управления Астраханского региона: № Р-1065 «Астраханский окружной Совет депутатов трудящихся и его Исполком»¹¹, № Р-2233 «Астраханский областной Совет народных депутатов и его Исполком»¹², № Р-3965 «Администрация Астраханской области»¹³, фонды Астраханских окружного, областного и городского отделов народного образования. Ведь вопросы деятельности института всегда находились в сфере их внимания и нашли отражение во многих постановлениях, решениях, распоряжениях, приказах и других документах.

Далее, необходимо обратить внимание и на такой вид документальных исторических источников, как фотодокументы. Тем более что фонд фотодокументов ГААО содержит несколько фотоальбомов АГПИ им. С.М. Кирова за разные годы, представленные следующей тематикой¹⁴:

- «Конкурс студентов педагогического училища и пединститута на изготовление наглядных пособий по физике, химии, математике, биологии, действующих моделей и познавательных игр. 1954 г.» (31 фото) (Оп. 43. Д. 13);
- «Спортивная жизнь института. 1954 г.» (Оп. 43. Д. 47.);
- юбилейные альбомы факультетов института к 50-летию: «Комсомол физмата за 50 лет. 1932–1882 гг.», «Трудовые дела физико-математического факультета АГПИ. 1952–1982 гг.»;
- «Сотрудники АГПИ им. С.М. Кирова – участники Великой Отечественной войны» (2 альбома 1978 г. и 1982 г.) (Оп. 43. Д. 42, 43).

И конечно же, история института, университета – это, прежде всего, его студенты. Среди жителей Астраханской области их немало, в том числе первые лица Астраханской области, многие руково-

дители области разных уровней, а также местных отраслей хозяйства, учреждений и организаций, общественные деятели.

Таким образом, в целом документы архивного фонда АГПИ – важнейшие источники по истории не только самого вуза, но и народного образования Астраханского края.

В заключение хотелось бы сказать, что решать современные задачи и строить перспективные планы развития невозможно без стремления проследить историческую взаимосвязь предшествующих явлений и событий, без использования положительного опыта прошлого. Освоение архивно-информационного пространства в данном направлении, несомненно, должно способствовать дальнейшему полному раскрытию потенциала вуза и направлению его на службу обществу и государству.

Примечания

¹ ГКУ АО «Государственный архив Астраханской области». Ф. Р-2364.

² Приказ Министерства образования РФ № 4379 «О переименовании Астраханского государственного педагогического университета и его филиала» // СПС Гарант.

³ ГААО. [Электронный ресурс] <http://gaa0.astrobl.ru/site-page/ob-arhive> (дата обращения: 13.09.2017).

⁴ Там же. Ф. Р-2364.

⁵ Там же. Ф. Р-2364. Оп. 1. Д. 159.

⁶ Там же. Ф. Р-2364. Оп. 1. Д. 387.

⁷ Там же. Ф. Р-100.

⁸ Там же. Ф. Р-628.

⁹ Там же. Ф. Р-1000.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1311.

¹¹ Там же. Ф. Р-1065.

¹² Там же. Ф. Р-2233.

¹³ Там же. Ф. Р-3965.

¹⁴ Там же. Ф. Р-2364.

Научно-образовательная деятельность Историко-архивного института РГГУ

А.Б. Безбородов

Историко-архивный институт РГГУ сегодня: модель гуманитарного образования

В статье раскрывается место Историко-архивного института РГГУ в современной системе гуманитарного образования в России. В 1991 г. Московский государственный историко-архивный институт стал фундаментом созданного Российского государственного гуманитарного университета. Институт продолжил развиваться как синтетическое высшее учебное заведение, базируясь на исторических, археографических и архивоведческих дисциплинах. В истории российской высшей школы Историко-архивный институт по праву может считаться первым вузом, в котором трудами выдающихся ученых, работавших в нем, была успешно реализована новая модель университетского гуманитарного образования.

Ключевые слова: Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, историческая наука, архивоведение, архивный документ, историк-архивист, архивоведческая мысль, гуманитарное образование.

Историко-архивный институт в нынешнем виде, как и РГГУ в целом, образован 27 марта 1991 г. на базе Московского государственного историко-архивного института.

Напомним, что еще 31 августа 1990 г. на заседании Ученого совета и общего собрания профессорско-преподавательского состава было принято решение о создании на основе МГИАИ Российского государственного гуманитарного университета. Ученый совет отметил, что за 60 лет своего существования Историко-архивный институт прошел путь от узкоспециализированного вуза до учебного заведения университетского типа, готовящего специалистов

по работе со всеми формами и видами информации в социальных и гуманитарных областях: документные и информационные системы, архивы, информатика, защита информации и т. д. На всем протяжении своего существования институт располагал одним из самых квалифицированных преподавательских коллективов в стране, «сформировал факультетскую структуру университетского типа, разветвленную сеть кафедр, многие из которых не имеют аналогов в отечественных и зарубежных вузах»¹.

Стенограммы заседаний Ученого совета и факультетов отражают непрерывный поиск новой модели образования и дискуссии заинтересованных людей о судьбе Института. 30 октября 1990 г. Ученым советом принято решение об организации отделения музееведения, у истоков создания которого стоял историк, историограф В.А. Муравьев (1941–2009); 28 мая 1991 г. было решено создать факультет музеологии. К этому времени на факультете архивного дела были открыты специализации: историк-архивист – специалист по древнегреческим и латинским текстам; историк-архивист – специалист по текстам на санскрите и хинди; историк-архивист – специалист по еврейским языкам, культуре, текстам и архивам; историк-архивист – специалист по памятникам письменности средневековой Руси и другие².

Ответом на вызов времени, связанный с появлением и широким внедрением новых информационных технологий, явилась основанная в 1990 г. проблемная научно-исследовательская лаборатория «Электронные архивы». При кафедре отечественной истории новейшего времени была открыта лаборатория математических методов и ЭВМ в архивоведении и исторических исследованиях, задачами которой определялись создание архива машиночитаемых данных и баз данных для изучения актуальных проблем современной истории, в том числе экономической, а также изменения социальной структуры общества, состава органов власти и управления, государственного аппарата и т. д.

Став фундаментом РГГУ, Историко-архивный институт продолжил развиваться на качественно новой основе, являясь своего рода синтетическим вузом с опорой на исторические, археографические и архивоведческие дисциплины. Так, в 1991 г. на основе студенческого клуба «Устная история» была открыта лаборатория устной истории, в фокусе которой – повседневная история человека в бурном XX в.

Решением Совета ИАИ РГГУ в 1992 г. открыта специализация по научно-техническим и аудиовизуальным архивам и документам. А в 1994 г. создан и факультет технотронных архивов и доку-

ментов, основателем и душой которого стал Владимир Маркович Магидов (1938–2015). Приоритетными направлениями факультета являлись технотронные архивы в эпоху экономических и социокультурных трансформаций, неизвестное архивное неигровое кино, источниковедение аудиовизуальных документов, бизнес-архивы и т. д. Факультет стал базовым центром в системе российского высшего образования, разрабатывающим данный комплекс проблем основанной В.М. Магидовым научно-педагогической школы.

Директором Историко-архивного института РГГУ с 1992 по 1996 г. являлся Евгений Васильевич Старостин (1935–2011), продолживший в области зарубежного архивоведения традиции, заложенные И.И. Любименко, И.Л. Маяковским и Н.В. Бржостовской, что лишний раз продемонстрировало ту преемственность, которая связывает многие поколения отечественных архивистов³.

В феврале 1992 г. в ИАИ была открыта специализация «политология», а через полтора года – создано отделение, вскоре преобразованное в факультет истории, политологии и права, который продолжает оставаться одним из самых востребованных. Факультет динамично развивается: уже в 1997 г. открыта новая специальность – «связи с общественностью», ставшая своего рода ответом на те трансформации, которые переживало российское общество; был создан учебно-научный центр политологии и антропологии современного Востока.

Всероссийский статус Института находит свою практическую реализацию в деятельности факультета подготовки, переподготовки и повышения квалификации архивных работников – «Архивной школы», ныне Высшей школы документоведения и архивоведения, которая с 1992 г. и по настоящий день готовит специалистов для городов и весей нашей страны – от Великого Устюга и Александра до Хабаровска и архивных учреждений Республики Адыгея.

Благодаря усилиям и энтузиазму профессора Татьяны Вячеславовны Кузнецовой (1933–2011) отделение документоведения в 1999 г. было преобразовано в факультет документоведения, сохраняющего традиции подготовки специалистов в области документационного обеспечения управления, а в 2013 г. образован факультет документоведения и технотронных архивов.

Современные процессы глобализации и интеграции выявили новое измерение деятельности государств, правительственных и неправительственных участников международных отношений, актуализировав проблему подготовки историков и специалистов-международников. Ответом на этот научно-образовательный

вызов стало создание отделения, затем – в 2015 г. – и факультета международных отношений и зарубежного регионоведения.

За годы существования вуза в нем сложились хорошо известные и пользующиеся признанием не только в России, но и далеко за ее пределами научно-педагогические школы: источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин; истории; архивоведения, документоведения. Среди них – образованная в 2011 г. Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин.

Ученые ИАИ РГГУ только в 1990–2010-е гг. опубликовали сотни научных статей, десятки монографий, учебных пособий и общероссийских учебников, реализовали немало других научно-образовательных проектов.

К блестящей плеяде ученых, в разные годы работавших в ИАИ, относятся А.И. Андреев, С.Б. Веселовский, М.С. Вишневецкий, Ю.В. Готье, В.З. Дробижев, Н.П. Ерошкин, А.А. Зимин, В.Е. Иллерицкий, В.В. Кабанов, Е.И. Каменцева, В.Б. Кобрин, И.Ф. Колесников, Т.П. Коржихина, Т.В. Кузнецова, В.К. Лукомский, Е.А. Луцкий, В.В. Максаков, И.Л. Маяковский, О.М. Медушевская, К.Г. Митяев, В.А. Муравьев, А.Т. Николаева, П.П. Смирнов, А.Н. Сперанский, А.Л. Станиславский, Е.В. Старостин, А.Д. Степанский, Н.В. Устюгов, Л.В. Черепнин, А.В. Чернов, М.Н. Черноморский, С.О. Шмидт, В.К. Яцунский и др.

В настоящее время в нем плодотворно работают ведущие ученые страны в области истории, архивоведения, документоведения: Т.Г. Архипова, Н.И. Басовская, Е.М. Бурова, Т.А. Быкова, В.И. Дурновцев, Н.В. Елисеева, В.И. Журавлева, С.С. Илизаров, Н.В. Иллерицкая, С.В. Карпенко, С.М. Каштанов, А.А. Киличенков, В.П. Козлов, И.В. Курукин, Г.Н. Ланской, А.П. Логунов, О.В. Павленко, Е.В. Пчелов, А.С. Сенин, Л.А. Халилова, Т.И. Хорхордина, А.Л. Юрганов и др.

Таким образом, современный Историко-архивный институт осуществляет образовательную деятельность по всем формам обучения в составе 4 факультетов: архивного дела; документоведения и технотронных архивов; истории, политологии и права; международных отношений и зарубежного регионоведения, а также Высшей школы документоведения и архивоведения. Названные факультеты объединяют 23 кафедры и учебно-научные центры. Они готовят специалистов по 11 направлениям, по ряду направлений бакалавриата и нескольким десяткам магистерских программ. Образовательная стратегия Историко-архивного института РГГУ направлена на подготовку профессионалов, способных

к самостоятельной творческой активности в наиболее востребованных обществом и государством сферах деятельности.

Научно-исследовательская деятельность коллектива ИАИ рассматривается как одно из важнейших направлений, определяющих роль и место Института в РГГУ и отечественной науке в целом. Руководство Института и профессорско-преподавательский состав исходят из того, что именно специфика научной работы с первоисточниками-документами, которая была исторически заложена в ИАИ, определила прочное положение РГГУ в системе научно-исследовательских и высших учебных заведений современной России.

Важным направлением научно-исследовательской работы Института является развитие фундаментальных исследований. Речь идет о решении наиболее важных проблем общетеоретического характера. В связи с этим перспективными становятся исследования с применением методов исторической компаративистики, что особенно актуально в условиях глобализации. Данный подход, в свою очередь, предполагает изучение общих историко-антропологических оснований, единства и разнообразия человеческой деятельности, творчества и познания с точки зрения процессов глобализации. В центре внимания при таком подходе оказываются фундаментализация гуманитарных исследований, ориентация на общие принципы информационно-источниковедческого поиска, эвристики и аналитики.

Перспективной в этом отношении может стать научно-образовательная программа по изучению конфликтов на посткоммунистическом пространстве, формирование которой возможно на базе Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России». Признание того, что мировая цивилизация в начале XXI в. вступила в новую стадию развития, обусловленного конфликтностью на всех уровнях, предполагает фундаментальное исследование этой проблемы. Существующие теории конфликтов (социологическая, политологическая и др.) и отрасли научного знания по этой проблематике (конфликтология, этнология) в силу своей многочисленности исключают целостное понимание конфликта в историческом процессе. История как научная дисциплина может стать единственным интеллектуальным интегратором в этом научно-исследовательском процессе.

Еще одно направление в развитии научно-исследовательской работы Института – разработка теоретических и проблемных исследований, продиктованных современным состоянием информационной работы и научно-исследовательской практики

в информационно-аналитических и архивных учреждениях современной России. Здесь Институт обладает значительным опытом, позволяющим успешно конкурировать с другими ведомствами и организациями, ведущими исследования в области разработки и внедрения новых информационных технологий, создания новых типов баз данных и научно-справочного аппарата и т. д. В условиях разных форм собственности возрождается интерес к комплектованию различного типа бизнес-архивов, ведомственных систем хранения, учета и использования документов и т. п. В Институте сложились и такие области научного поиска, как системная архивистика, эдиционное архивоведение, документалистика и технотронная архивистика и др.

Историографическое направление научно-исследовательской работы связано с изучением истории отдельных кафедр и факультетов Института. Эта работа была начата еще в 1980-е гг. трудами Л.Н. Простоволосовой и А.Л. Станиславского (1939–1990) по истории кафедры вспомогательных исторических дисциплин и была продолжена в связи с 80-летним юбилеем Института. В частности, в рамках научного направления «Документалистика и технотронная архивистика» планируются долгосрочные научные программы «История РГГУ в технотронных документах» и «Компьютерные технологии в работе с технотронными документами по истории РГГУ».

За последние пять лет Историко-архивный институт заметно прибавил в наращивании учебно-научного потенциала: за этот период в нем открыты и реализуются более 15 научно-образовательных магистерских программ, немало направленностей бакалавриата. В научных рейтингах РГГУ Институт сегодня твердо удерживает лидирующие позиции. Приоритетными научными направлениями в Историко-архивном институте являются следующие: архивоведение; документоведение; археография; история и организация архивного дела; источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины; история России; международные отношения; зарубежное регионоведение; всеобщая история; политология; востоковедение и африканистика; краеведение и москвоведение. Учебный процесс претерпел глубокие изменения: в ИАИ создана электронная информационно-образовательная среда, произведены новые расчеты учебной нагрузки.

В 2015–2016 гг. учеными Института опубликованы десятки крупных научных трудов: среди них монографии И.В. Курукина «Екатерина I» (М.: Молодая гвардия, 2016), Е.В. Пчелова «Рюриковичи: история и генеалогия» (М.: Академический проект, 2016),

«Архивоведение (теория и методика): Учебник для вузов» под редакцией Е.М. Буровой (М.: ТЕРМИКА, 2016), Т.И. Хорхординой и А.В. Попова «Архивная эвристика: Учебник для вузов» (М.: РГГУ, 2015) и др. Как видим, Историко-архивный институт всегда был и остается центром разработки учебных программ, учебников и учебных пособий по профилирующим дисциплинам.

2017 г. обозначил особый интерес ученых ИАИ РГГУ к революционным событиям 1917 г. в России. В Университете прошли десятки международных и всероссийских конференций, круглых столов, выступлений преподавателей на иных площадках по самым разным аспектам революционного прошлого страны. В эти мероприятия были активно вовлечены и студенты.

Все это свидетельствует о том, что модель гуманитарного образования, опирающаяся на системообразующие принципы научно-педагогической концепции Историко-архивного института, будучи интегрированной в структуру РГГУ, получила дополнительные импульсы. В структуре РГГУ представлены институты, факультеты, учебно-научные центры и кафедры, в которых гуманитарные науки вступают во взаимодействие с естественными, точными, информационными. Разнообразие современных подходов и широкие интеграционные связи открывают перед Историко-архивным институтом новые возможности и перспективы развития.

В Историко-архивном институте РГГУ соединились традиции российской высшей школы и современные подходы к подготовке историков-архивистов, широта общекультурного кругозора с практическими навыками выявления, организации, изучения, анализа и обобщения документальных источников и реализован новый взгляд, новая парадигма университетского гуманитарного образования.

Примечания

¹ РГГУ: Замысел. Воплощение. Перспективы // Информационные материалы к собранию профессорско-преподавательского состава РГГУ 6–7 февраля 1992 г. М., 1992. С. 5.

² Безбородов А.Б., Хорхордина Т.И. Историко-архивный институт: прошлое и настоящее // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 117–127.

³ Хорхордина Т.И. Гуманитарный университет в Москве: История идеи. М.: РГГУ, 2012. С. 92.

Об опыте составления учебно-справочного пособия по религиозной и музыковедческой тематике

Для направления подготовки
«Документоведение и архивоведение»

В статье рассматривается вопрос об особенностях составления двуязычного учебно-справочного пособия по чтению и переводу религиозных и музыковедческих текстов. Авторы, на основе обоснования актуальности такого вида пособия, анализируют вопрос о лексикографическом наполнении приводимых в пособии словниках, методических принципах подбора источников для их составления. Затрагивается вопрос о взаимосвязи религии и музыки и в этой связи подчеркивается актуальность лингвопедагогических и коммуникативно-культурологических основ развития лингвистической компетенции обучающихся для перевода, реферирования и аннотирования текстов по христианской религии и музыкальному искусству в рамках современной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, межкультурная коммуникация, лексикографические источники, перевод христианской литературы и литературы по музыкальному искусству, взаимосвязь религии и музыки, дифференциация словника по тематике.

Иностранный язык в современную эпоху является неотъемлемым средством интерпланетарного общения. Владение иностранным языком – это искусство общения в формате устной и письменной речи, умение передать информационную значимость высказывания, его эмоциональную окраску. При составлении пособия авторы руководствовались необходимостью развивать и совершенствовать лингвистическую компетенцию обучающихся в области использования и перевода лексических высказываний из сферы христианской религии и музыкального искусства.

С прагматической точки зрения хотелось бы отметить, что двуязычных немецко-русских и русско-немецких словарей по религии и музыке практически нет, а те, которые и были изданы, вышли в свет давно. Существующие одноязычные словари-энциклопедии, роль которых неопределима в межкультурной коммуникации, студенты и аспиранты зачастую приобрести не могут по причине их высокой стоимости. В этой связи составление справочного учебного пособия имеет, на взгляд авторов, большое практическое значение для использования при чтении текстов по религии и музыке и их перевода.

Междисциплинарный подход к преподаванию – это не только сочетание и взаимосвязь изучаемых тем на иностранном языке с темами по основному предмету, но и обращение к изначальным ипостасям бытия человека, в частности религии и музыке. На основе такого подхода можно более эффективно сформировать у обучающихся способность и готовность к межкультурной коммуникации, необходимой для использования иностранного языка в профессионально-коммуникативной и научно-исследовательской деятельности¹.

Наше учебно-справочное пособие должно помочь читать и переводить христианскую литературу и литературу по музыкальному искусству тем, кто в будущем станет философом, музыковедом, филологом, религиоведом, переводчиком. Наблюдаемое в последнее время бурное развитие знаний об энергоинформационном обмене между человеком и природой приводит к мысли, что не только наука, но и религия и музыка способствуют пониманию сущности человека, его сознания и культуры². Постоянно возрастает количество официальных лиц, туристов, паломников, приезжающих в Россию, чтобы увидеть религиозные святыни и поклониться им. Одновременно осуществляются международные гастроли ведущих мастеров музыкального искусства, оживленный обмен информацией между музыковедами России и немецкоговорящих стран. Справочное пособие и преследует цель помочь обучающимся освоить соответствующую терминологию, переводить, реферировать и аннотировать тексты на соответствующую тематику.

Лексикографическая работа по сбору и организации материала строилась на основе имеющихся энциклопедий, толковых словарей, словарей иностранных слов, выходные данные которых приведены в конце пособия. Первая и вторая часть пособия – русско-немецкий и немецко-русский словарь наиболее употребляемых лексических единиц христианской тематики. Исходя из прикладного характера учебно-справочного пособия, авторы-составители сочли целесообразным в третьей части дифференцировать эту

лексику по тематике, наиболее часто встречающейся в практической и научной деятельности переводчиков, философов, филологов, религиоведов. По мнению авторов, такая дифференциация религиозных понятий (наиболее известные христианские иконы и храмы, понятия из христианской иерархии священнослужителей, христианские праздники, церковная утварь и др.) должна облегчить нахождение соответствующих понятий по наиболее важным культурологическим и богословским разделам религиозного общения. Наименее известные, реже встречающиеся понятия снабжены толкованием их значения.

В четвертой части приводятся выражения из Библии с толкованием на русском языке и их переводом на немецкий язык, которые наиболее часто встречаются в устной и письменной речи, со ссылкой на соответствующие главы и разделы Библии. Фразеологические единицы расположены по алфавиту первого слова.

Завершает религиозный раздел пособия подборка текстов христианского содержания для перевода, реферирования и аннотирования. В процессе работы с этими текстами на занятиях объясняются лексико-грамматические и фразеологические трудности перевода и текстуальные особенности их реферирования и аннотирования.

Второй раздел пособия содержит русско-немецкий и немецко-русский словарь музыкальных терминов и понятий и подборку текстов для перевода, реферирования и аннотирования, посвященных истории развития музыкального искусства, взаимосвязи музыки и религии и ее современному научному объяснению³.

Еще в древнем мире огромной силой, имеющей власть над человеком, считалась музыка. Мыслители придавали ей государственное значение. Обучение музыке – обучение пению и игре на музыкальных инструментах – составляло неотъемлемую часть воспитания юношества⁴. Наиболее ярко музыку в качестве инструмента воздействия на людей использовало европейское христианство. В религии существует культ с музыкальным оформлением ее обрядов. Церковь всегда обращалась к музыкальному искусству, и прежде всего, к хоровому пению. Христианская церковь благословляла музыкантов и композиторов на создание высокодуховных произведений. Достаточно назвать имена таких известных церковных музыкальных деятелей, как Бах, Гендель, Бетховен, Чайковский, Рахманинов. Они создали выдающиеся произведения искусства с оттенком религиозности. Исходя из этих предпосылок, авторы пособия сочли необходимым привести в нем двуязычные словники основных музыкальных терминов и понятий, используемых в литературе по музыкальному искусству.

Это немецко-русский словарь музыкально-исполнительских терминов, русско-немецкий словарь названий музыкальных инструментов, оркестровых групп и слов оркестрово-инструментального обихода, а также иллюстрированный словарь основных понятий музыкальной грамоты, названий музыкальных инструментов и элементов их устройства⁵.

Завершает пособие список лексикографических источников, справочников, энциклопедий и словарей, которые могут быть использованы обучающимися при чтении и переводе текстов христианской литературы и литературы по музыкальному искусству.

Примечания

- ¹ См.: *Халилова Л.А., Калямова Л.А., Баранова Т.В.* Лингвопедагогические основы концепции преподавания иностранного языка в свете разработки программ поколения «три плюс» бакалавриата // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение...». 2016. № 2 (4). С. 137.
- ² См.: *Катаева А.Г., Катаев С.Д.* Войти в мир религиозного общения. М.: РГГУ, 2009. С. 5.
- ³ См.: *Суханова Э.Г.* Среди музыкальных терминов. СПб.: Композитор, 2011. С. 18.
- ⁴ См.: Там же. С. 143–148, 172–176.
- ⁵ См.: *Бориско Н.Ф.* Иллюстрированный немецко-русский словарь. М.: Айрис Пресс, 2004. С. 184–187.

Информационная безопасность и защита информации

О.В. Лукинова

Об использовании инструментов функциональной стандартизации при создании информационных систем в защищенном исполнении

На уровне методологических описаний представлены вопросы формирования стандартизованных профилей, описывающих разработку системы защиты, которая рассматривается как неотъемлемая составная часть информационной системы. Используются инструменты функциональной стандартизации и теории открытых систем.

Ключевые слова: система защиты, информационная система, профиль, модель OSE/RM, функциональная стандартизация.

Управление ресурсами любой достаточно крупной организации не обходится без использования интегрированной информационно-телекоммуникационной среды, представляющую собой сложную распределенную информационную систему (далее – ИС), неотъемлемой частью которой является и компонента безопасности. При этом сложность рассматривается не только с точки зрения архитектуры самой системы как единого объекта, но также методов его проектирования, сопровождения, развития, т. е. жизненного цикла. Разработку таких объектов необходимо производить на основе описания на уровне базовых стандартов и/или уникальных спецификаций отдельных компонент объекта и интерфейсов между ними.

Наиболее полному и комплексному описанию сложных объектов соответствуют инструменты методологии функциональной стандартизации (далее – ФС), основным из которых является профиль. Под профилем понимается «совокупность нескольких (или

подмножество одного) базовых стандартов (и других нормативных документов) с четко определенными и гармонизированными подмножествами обязательных и факультативных возможностей, предназначенных для реализации заданной функции или группы функций»¹. ФС предлагает к использованию следующие виды профилей: функциональный, технологический, интеграционный.

Совокупность всех трех профилей, разработанных для каждой компоненты ИС (включая и компоненту безопасности), составляет полный профиль системы. В работе² были рассмотрены вопросы профилирования целевой ИС, в данной статье рассматриваются методологические предпосылки и особенности построения указанных видов профилей для системы безопасности ИС.

Представление системы защиты ИС на основе модели открытых систем

Применение методологии функциональной стандартизации для профилирования информационной системы, включая и систему защиты, дает хорошие результаты, если ее удастся представить совокупностью отдельных компонент. Для этой цели необходимо использовать функциональную референсную модель открытых систем OSE/RM (Open System Environment/Reference Model) IEEE POSIX³, в соответствии с которой система представляется двумя частями (рис. 1):

- прикладной, т. е. приложениями системы, реализующими целевую функциональность (бизнес-процесс);
- платформенной, которая обеспечивает функционирование приложений посредством системных сервисов.

Базовая структуризация указанных компонент отражается матрицей, по горизонтали которой содержатся группы функций аппаратного слоя – HW, операционного – OW, промежуточного (системно-прикладного) – MW. А по вертикали – функции интерфейса пользователей (колонка «User»); бизнес-логики приложения (колонка «System»); организации данных (колонка «Information»); возможности коммуникации системы (колонка «Communication»). В совокупности с платформенной компонентой 6 рисунка 1 столбца «System» протоколы и средства колонки «Communication» обеспечивают взаимодействие распределенных элементов информационной системы. Стандартизованные возможности программных средств, конкретизирующих указанные компоненты, должны быть включены в интеграционный профиль системы. Интерфейсы

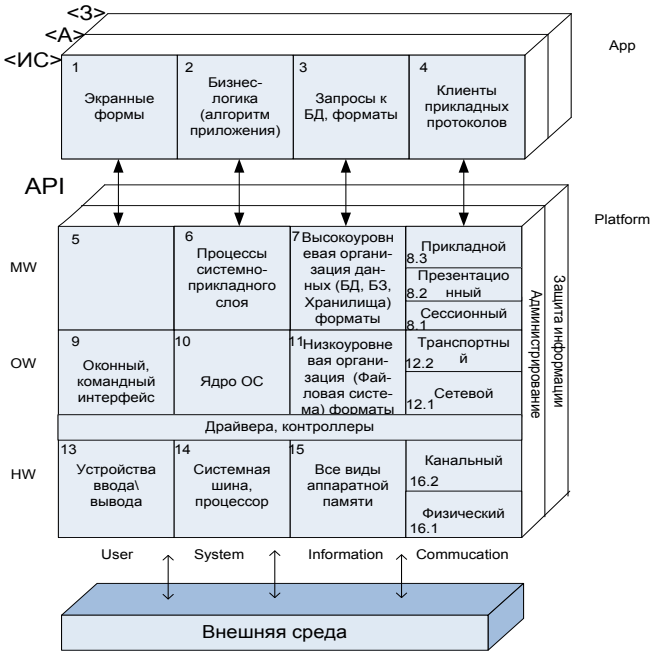

Рис. 1. Референсная модель OSE/RM

между приложениями и платформой, а также функциональными компонентами реализуются с помощью системных вызовов в виде API-функций.

Помимо плоскости целевых функций (плоскость <ИС> рисунка 1), модель содержит также плоскости административных (плоскость <A>) и защитных (плоскость <3>) функций. При этом плоскость <3>, ассоциируемая с системой защиты, имеет два представления:

1) <3`> – межкатегорийное, «клетки» которого включают совокупности защитных механизмов (*Mx*), обеспечивающих безопасность реализации соответствующих «клеток» базовой плоскости <ИС>, администрирования <A> в соответствии с векторами требований по безопасности $\overline{KS}^{ИС}(C, D, K, \dots)$, $\overline{KS}^A(C, D, K, \dots)$, где *C* – требования по целостности ресурсов, *D* – требования по доступности, *K* – требования по конфиденциальности;

2) <3`^> – проектное, т. е. представление системы защиты, структурированное в виде базовой функциональности передней плоскости модели.

Определение 1. Системой защиты (далее – СЗ), обеспечивающей безопасность целевой системы (<ИС>), включая ее администрирование (<А>), назовем совокупность программно-технических средств защиты, реализующих механизмы Mx межкатегорийной плоскости <З`>, построенную в соответствии с проектным представлением <З``>.

Методологические предпосылки профилирования системы

Основное назначение стандартизованного описания информационной системы в виде семейства профилей (функционального, технологического, интеграционного для распределенной системы) в том, чтобы фиксировать принятые технические решения для конкретных классов информационных систем на уровне возможностей и параметров базовых стандартов. При разработке и сопровождении сложных систем это условие является решающим, т. к. оно способствует снижению трудоемкости, длительности, стоимости, повышению качества разработки, улучшению других технико-экономических показателей проектов ИС.

Построение функционального профиля СЗ

Функциональный профиль информационной системы на основании⁴ регламентирует на уровне стандартов и открытых спецификаций архитектуру и структуру системы и ее компонентов. Если функциональный профиль зарегистрирован государственной или международной организацией по стандартизации, он приобретает статус функционального стандарта соответствующего уровня для рассматриваемого класса систем.

Для СЗ функциональный профиль должен включать два документа: профиль межкатегорийного представления <З`> и профиль проектного представления <З``>. Кроме того, требуется комплекс документов не только профилирующих компоненты <З`> и <З``>, но и описания факторов и критериев для выбора того или иного технического решения.

Построение профиля межкатегорийного представления <З`>

Определение 2. Под механизмом защиты будем понимать способ обеспечения требований безопасности $\overline{KS}(C, D, K, \dots)$ к соответствующей компоненте, представляющий собой иерархию рефе-

ренности: механизм защиты Mx – метод реализации механизма M – алгоритм реализации метода (A): $Mx(M(A))$.

Выбор конкретной цепочки $Mx(M(A))$ зависит:

1) от уровня безопасности, задаваемого вектором значений $\overline{KS}^{IC}(C, D, K, \dots)$ или $\overline{KS}^A(C, D, K, \dots)$ для каждой «клетки» модели OSE/RM;

2) от требований нормативных регуляторов для государственных систем;

3) от параметров эффективности алгоритмов (затратами памяти, временем на выборку значений, удобством ведения данных о субъектах и объектах доступа, удобством отслеживания ограничений и зависимостей по наследованию полномочий и др.), а для криптоалгоритмов – оценок стойкости.

Поэтому в профиль целесообразно включать⁵:

а) ГОСТы или иные нормативные документы, описывающие выбранный алгоритм, так как, особенно для криптоалгоритмов, именно стандарт позволяет реализовать алгоритм с более достоверной оценкой стойкости. Это позволяет обеспечить защитные свойства механизмов в соответствии с уровнем критериев $\overline{KS}(C, D, K, \dots)$ или требованиями регуляторов;

б) спецификации, отражающие те критерии и требования, на основе которых происходил выбор метода или механизма.

Построение профиля проектного представления <З``>

Проектная плоскость <З``> связана с тем, что система защиты сама является информационной системой, поэтому она также может быть представлена моделью OSE/RM. Поэтому проектный профиль содержит:

а) профили приложений, реализующих защитные механизмы межкатегорийной плоскости <З``> на программном уровне. При этом очевидно, что в виде приложений реализуется только часть механизмов Mx . Поэтому объектами стандартизации профиля приложений являются компоненты приложений в структуризации USIC (рис. 1), а также программные интерфейсы между компонентами и платформой;

б) профили среды, которая определяет: традиционные сервисы, предоставляемые платформенной компонентой (промежуточный слой) приложениям; услуги операционных систем, а также требования и интерфейсы к устройствам аппаратного слоя. Кроме того, часть защитных механизмов может быть реализована в виде программно-аппаратных средств и локализована на платформенной компоненте.

Построение технологического профиля

Трехмерность модели OSE/RM позволяет интегрировать все три плоскости, что позволяет проектировать ИС как единый объект. Таким образом, проектирование информационной системы и защиты к ней возможно и необходимо осуществлять одновременно, но с учетом специфики защитной компоненты. К тому же в 2014 г. в Российской Федерации впервые введен ГОСТ, декларирующий одновременное проектирование ИС и ее системы безопасности⁶. Методологически жизненные циклы обеих систем одинаковы и включают однотипные работы.

1. Формирование требований как для информационной системы, так и требований безопасности в виде $\overline{KS}^{ИС}(C, D, K, \dots)$, $\overline{KS}^A(C, D, K, \dots)$ для СЗ. При этом для ИС на этапе консалтинга строятся бизнес-процессы как основа для формирования требований к ИС; для СЗ осуществляется оценка ценности бизнес-процессов как основа для формирования векторов $\overline{KS}(C, D, K, \dots)$, дополнительно – модель угроз бизнес-процессов на референсном уровне.

2. Этап концептуального проектирования осуществляется в виде разработки функциональной архитектуры для ИС и межкатегорийной плоскости механизмов $\langle Z \rangle$ для СЗ.

3. На этапе детального проектирования производится: разработка системно-технической структуры системы с учетом функциональной плоскости $\langle Z \rangle$; конкретизация модели OSE/RM по целевым плоскостям и проектной плоскости $\langle Z \rangle$, а также модели угроз; интеграция программно-аппаратных реализаций целевой системы и защитных механизмов для СЗ.

4. Вводиться в эксплуатацию обе системы могут и должны одновременно. Поэтому временные диаграммы Ганта, сопровождающие разработку и внедрение систем, должны быть построены с учетом единой точки ввода обеих систем.

5. На стадии сопровождения осуществляется реинжиниринг бизнес-процессов и соответственно модификация ИС, а также перепроектирование СЗ по результатам анализа осуществления ею защитных действий, изменений бизнес-условий или требований безопасности, включая изменения нормативно-законодательной базы.

Технологический профиль системы представляет собой набор стандартов, открытых спецификаций и нормативно-правовых документов, которые описывают выполнение процессов жизненного цикла (далее – ЖЦ) системы в соответствии с какой-либо моделью ЖЦ. Такими документами являются стандарты ЖЦ⁷. В данном случае в силу комплексности выполняемых работ, описанных

выше, технологический профиль – это многоплановый документ, который должен включать также нормативные документы, регламентирующие специфические для систем защиты виды деятельности.

Построение интеграционного профиля

Для обеспечения способности взаимодействовать между собой системы должны обладать свойством интероперабельности (interoperability). Под интероперабельностью понимается «способность двух или более систем или элементов к обмену информацией и к использованию информации, полученной в результате обмена»⁸.

Взаимодействие систем любой природы основывается на стеке интероперабельности⁹, обобщенный вид которого приведен ниже:

1) политический уровень – предполагает формирование согласованного между партнерами информационного обмена видения достижения общих целей;

2) нормативный уровень – предполагает взаимодействие систем в единой нормативной среде;

3) организационный уровень – относится к организационным аспектам функционирования информационных систем и предполагает интеграцию бизнес-процессов, реализуемых средствами приложений, и регламентов их функционирования;

4) семантический уровень – определяет способность систем одинаково понимать смысл информации, которой они обмениваются;

5) синтаксический уровень – определяет возможность обмена данными, способность систем к интеграции;

6) технический уровень – организация взаимосвязи между системами.

Хотелось бы отметить, что первые 3 уровня стека характеризуют взаимодействие элементов распределенной системы в стратегической и управленческой области.

Три последних уровня «работают» при обеспечении интеграции элементов ИС. Эти уровни легко отображаются компонентами модели OSE/RM. Технический уровень представлен моделью взаимосвязи открытых систем OSI/RM (Open System Interconnection) – столбец «Communication». Для обеспечения синтаксической интероперабельности (уровень 5) необходимо предусмотреть наличие программного средства для активации средств коммуникации столбца «Communication» (компонента 6 рис. 1). К таким средствам в настоящее время относятся:

1. Механизм Web-сервисов, который основывается на следующих стандартах, разработанных консорциумом W3C (World Wide Web Consortium): XML – стандарт описания данных; SOAP – стандарт передачи данных между системами; WSDL – стандарт описания сервисов, в том числе входных и выходных данных; UDDI – стандарт для хранения описаний сервисов и предоставления доступа к описаниям сервисов.

2. Механизм MOM (Message-Oriented Middleware) – программное обеспечение промежуточного слоя, обеспечивающее обмен сообщениями между системами. В настоящее время существуют различные реализации механизма взаимодействия систем на основе сообщений (например: WebSphere MQ, TIBCO, Herald, Hermes, SIENA и др.), поставляемые разными провайдерами.

Для обеспечения семантической интероперабельности приложений (уровень 4) в компоненте 7 (рис. 1) модели OSE/RM должно быть предусмотрено интегрированное средство представления знаний предметных областей, в которых «работают» приложения.

При информационном взаимодействии элементов распределенной информационной системы на сегодняшний день принято рассматривать следующие варианты интеграции:

1) интеграция приложений (Application Integration) – взаимодействие двух или нескольких систем при решении ими одной общей задачи (взаимодействие приложений по управлению);

2) интеграция данных (Data Integration) – взаимодействие двух или нескольких систем с целью использования общих информационных ресурсов, например баз данных или экспорта/импорта данных, содержащихся в отдельных файлах (взаимодействие приложений по данным или интеграция данных);

3) интеграция платформ (Platform Integration) – осуществляется с целью обеспечения безопасного и оптимального обмена информацией между различными приложениями.

Регламентация возможностей программно-аппаратных средств, реализующих свойство интероперабельности компонент СЗ, осуществляется посредством интеграционного профиля. Таким образом, интеграционный профиль гетерогенной инфраструктуры распределенной системы – это документ, включающий профилирование механизмов и средств интероперабельности, а также стандартизованное описание варианта интеграции.

* * *

В статье на методологическом уровне рассмотрены вопросы профилирования системы безопасности распределенной ИС в части функционального назначения системы защиты, интеграционных взаимодействий, управления процессами жизненного цикла системы. Очевидно, что профили системы позволяют фиксировать принятые архитектурные и интеграционные решения. Это обеспечивает: расширяемость и масштабируемость системы по набору защитных механизмов и размерности решаемых задач; возможности функциональной интеграции системы защиты; переносимости приложений между разными аппаратно-программными платформами. Профиль технологический представляет собой стандартизованное описание видов деятельности (процессов) вдоль жизненного цикла системы защиты с учетом единых реперных точек с жизненным циклом целевой системы.

В целом можно сказать, что наличие полного стандартизованного описания ИС и системы защиты к ней как единого объекта способствует улучшению показателя эффективности по соотношению параметров стоимости и качества компонентов обеих систем при их разработке, приобретении, развитии и модернизации.

Примечания

- ¹ GOST P ISO IEC TR 10000-1-99 Information technology. Bases and taxonomy of the international functional standards. Part 1. General provisions and bases of documenting. 1999.
- ² *Boichenko A.V., Lukinova Olga.* Functional Standardization of Life Cycle of Information System // Proceedings of the 2016 Conference on Information Technologies in Science, Management, Social Sphere and Medicine. Atlantis Press Amsterdam – Beijing – Paris 2016. № 51.
- ³ IEEE Std 1003.0-1005, IEEE Guide to the POSIX Open System Environment (OSE) – N. Y.: The Institute of Electrical and Electronics Engineers, 1995; ISO/IEC TR 14252:1996. Information Technology. Guide to the POSIX Open System Environment (OSE).
- ⁴ GOST P ISO IEC TR 10000-1-99.
- ⁵ *Лукинова О.В., Пугачев А.В.* Особенности построения профилей систем безопасности ИС // Открытое образование. 2015. №4. С. 80–87.
- ⁶ ГОСТ ГОСТ Р 51583-2014. Защита информации. Порядок создания автоматизированных систем в защищенном исполнении. Общие положения. 2014.
- ⁷ GOST 34.601-90. The automated systems. Creation stages; GOST R ISO/IEC 12207-2010. Information technology. Processes of life cycle of software;

GOST P ISO IEC 15288-2005. Information technology. System engineering. Processes of life cycle of systems.

⁸ ISO/IEC 24765-Systems and Software Engineering. Vocabulary.

⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of Regions 'Towards interoperability for European public services. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/isa/documents/isa_annex_ii_eif_en.pdf (дата обращения: 3.08.2017); *Бойченко А.В., Корнеев Д.Г., Лукинова О.В.* Интероперабельность информационных систем на основе стека EIF и модели OSE/RM // Теория активных систем ТАС-2014: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 17–19 ноября 2014 г. М., 2014. С. 230–234. [Электронный ресурс] URL: http://www.mtas.ru/upload/library/tas2014/TAS_2014.pdf (дата обращения: 3.08.2017).

Документ и информационная безопасность: прошлое и настоящее

И.А. Русецкая

Вклад Иоанна Тритемия в развитие европейской криптографии (К 555-летию со дня рождения)

Статья посвящена оценке роли и значения трудов мыслителя раннего Нового времени Иоанна Тритемия (1462–1516), внесшего большой вклад в развитие европейской криптографической мысли.

Ключевые слова: Иоанн Тритемий, криптография, раннее Новое время.

Во все эпохи своего существования криптография была важна для написания тайных посланий. У европейских интеллектуалов раннего Нового времени появилась еще одна причина для проявления внимания к тайнописи. В этот период на ее теорию и практику значительно повлиял возросший интерес к каббале и неогерменевтическим учениям. Это направление развивалось независимо от существующих традиций применения методов криптографии, в частности в дипломатии¹.

Исследователем, первым отразившим подобный взгляд на вопросы тайнописи, явился Иоанн Тритемий, сочинение которого «Стеганография», посвященное данной проблеме, нашло в то время многих последователей. В труде Тритемия отразилось увлечение автора практической каббалой, но с точки зрения криптологии интерес представляют элементы описания и применения методов криптографии, часть из которых являлась новаторской.

Тритемий (1462–1516), настоящее имя которого Иоанн Гайденберг, был историком, гуманистом, религиозным деятелем. Он родился недалеко от Трира в Германии в небольшом городке Триттенхайм, по названию которого взял себе псевдоним. Он был монахом, а затем настоятелем Шпонгеймского бенедиктинского

монастыря Св. Мартина, знаменитого своей обширной библиотекой. На склоне лет Тритемий стал аббатом Шотландского монастыря Св. Иоанна.

Разносторонняя направленность его многочисленных сочинений и их энциклопедическое содержание позволяют поставить Тритемия в один ряд с видными германскими гуманистами.

С вопросами тайнописи связаны два сочинения из большого письменного наследия автора: «Стеганография» и «Полиграфия».

В 1500 г. Тритемий написал две первые книги своей работы «Стеганография», которая создала ему на долгие годы репутацию оккультиста. Так, в 1606 г. это произведение было включено в индекс запрещенных книг².

Непосредственно повлиял на интерес Тритемия к этой тематике, вероятно, Либаний, теолог и врач³. Он встречался с Тритемием в Шпонгейме в 1494 г. Тритемий был также лично знаком с Агриппой Неттесгеймским (1486–1535) и с работами Рейхлина, посвященными каббале.

Оригинал рукописи «Стеганографии» был, по всей видимости, уничтожен, но текст его был переписан и сохранен. По свидетельствам Джордано Бруно, Джона Ди, Агриппы Неттесгеймского и других поклонников работы Тритемия в XVI в., т. е. до того, как «Стеганография» была издана, ее содержание стало известно в Европе среди достаточно широкого круга читателей⁴. Известный французский криптограф и дипломат Блез де Виженер в своем «Трактате о шифрах», посвященном криптографии, указывает на знакомство с несколькими рукописными вариантами труда Тритемия, при этом отмечая, что ему не удалось установить, каково криптографическое наполнение третьей книги «Стеганографии»⁵.

Первое издание «Стеганографии» было напечатано в 1606 г. во Франкфурте. Кроме собственно «Стеганографии» издание содержало еще две работы, имеющие отдельные названия и нумерацию: *Clavis Steganographiae*; *Clavis generalis*⁶.

Текст «Стеганографии» можно также прочесть в работе Вольфганга Эрнста Хайделя, соратника майнцского архиепископа, вышедшей в свет в 1676 и 1721 гг. соответственно в Майнце и Нюрнберге⁷. Помимо текста «Стеганографии», процитированного по изданию 1621 г., в этой работе приведена биография Тритемия и рассмотрены криптографические методы, применявшиеся им в первых двух книгах «Стеганографии». В.Э. Хайдель предпринимает анализ криптографического содержания трактатов «Стеганография» и «Полиграфия».

В 1498–1499 гг. Тритемием также была составлена версия, известная под названием *Clavis specialis Steganographiae*. Окончательный сохранившийся вариант «Стеганографии» был усовершенствованным в 1499–1500 гг. вариантом *Clavis specialis*, который сам по себе так и не был издан.

Значение этой версии для раскрытия шифров, примененных Тритемием в «Стеганографии», читателям удалось оценить только в 1601 г., когда под именем Густава Селена герцог Брауншвейгский и Ганноверский Август Второй выпустил работу, посвященную истории тайнописи и описанию известных систем шифрования⁸. Одну из девяти книг своего труда Селен отвел оценке вклада Тритемия в криптографию.

Далее рассмотрим, чему посвящено основное содержание трех книг «Стеганографии» Тритемия.

Первая часть включает в себя тридцать две главы, в которых описываются иерархии духов, каждый из которых действует в определенной сфере жизни: в торговле, политике, частной жизни и т. д. Письма, имеющие невинное содержание, позволяют передавать адресату некоторый тайный смысл при помощи того или иного духа, отмечающего письмо определенным символом.

Вторая часть «Стеганографии» содержит двадцать пять глав, каждая из которых, кроме заключительной, посвящена описанию принципов передачи на расстояние мысленных посланий в соответствующий час суток.

Из третьей части «Стеганографии» до нашего времени дошла лишь первая из 7 глав. Она посвящена описанию способов передачи тайных посланий на далекие расстояния при помощи астрологии. Глава содержит восемь «астрологических» таблиц с цифрами, символами астрологии и греческими буквами. Суть составления этих таблиц была непонятна большинству читателей книги.

Понять криптографическую составляющую «Стеганографии» становится легче при использовании *Clavis Steganographiae*. Эта версия дает возможность расшифровать содержание первых двух книг. В частности, это делает Селен в своей работе. Использованные Тритемием шифры являются сравнительно несложными шифрами простой замены или перестановки, хорошо известными в то время; отдельные фразы шифруются несколько раз.

Третью часть «Стеганографии», однако, дешифровать таким образом некоторое время не удавалось, поскольку, несмотря на внешнее сходство ее содержания с тематикой предыдущих книг, *Clavis Steganographiae* не включала в себя соответствующих разъяснений. Это стало причиной различных толкований ее смысла.

Шифры третьей части были раскрыты в 1676 г. Хайделем и проанализированы в его упоминавшейся работе. Для дешифрования Хайдель использовал систему, описанную Тритемием в другом его труде, «Полиграфии», который и внес крупный вклад в развитие идей шифрования в раннее Новое время.

Уже в 1990-е гг. исследователь проблем криптологии Т. Эрнст описывает раскрытие шифра, использованного Тритемием в цифровых таблицах третьей книги⁹. Эрнст подтверждает точку зрения Хайделя о том, что Тритемий использовал в этой части своей работы нумерический шифр, основанный на принципах полиалфавитной замены букв цифрами, которая рассматривалась Тритемием в шестой книге труда «Полиграфия»¹⁰.

Реконструируя этот метод шифрования, Эрнст приводит в своей работе таблицу, позволяющую легко его использовать, в том числе, для обратной процедуры¹¹. Данный метод отличают следующие характерные черты:

- 1) использование вводящих в заблуждение «лишних» цифр, которые также несут функции разделения слов в предложении;
- 2) использование зодиакальных знаков, с одной стороны, для отвлечения внимания читателя, с другой стороны, для указания на смену использованного алфавита замены.

Развивая положения статьи Эрнста, следует указать, что такая таблица может быть составлена не только исходя из шестой книги «Полиграфии», но также из таблицы, которую можно обнаружить во вступлении к третьей части «Стеганографии». Последняя таблица включает имена духов различных категорий, которым соответствует тот или иной астрологический символ. В таблицах первой главы этот символ указывает на то, какая последовательность цифр используется для шифрования соответствующего отрывка. В качестве примера в конце таблицы зашифровано имя Тритемия, в котором каждой букве соответствует определенный набор из трех цифр.

В таблицах Тритемием были зашифрованы пять коротких предложений на латинском и немецком языках. В использованных шифрах применяется прогрессивная для того времени система шифрования, давшая впоследствии соответствующей категории шифров – шифры многоалфавитной, или полиалфавитной, замены.

Эрнст считал, что «Стеганография» и «Полиграфия», по мысли Тритемия, должны были составлять единый труд. По мнению этого исследователя, это те самые книги, посвященные тайнописи, о которых их автор пишет в письме к Рогерию Сикамбру от 31 августа 1507 г., и во введении к «Полиграфии», посвященном императору

Максимилиану I¹². Таким образом, «Полиграфия» продолжает незаконченную «Стеганографию» и поясняет ее, позволяя восстановить метод шифрования, который приводится в «Стеганографии».

Такую точку зрения разделяли и другие исследователи работ Тритемия, например Шнееганс, указывавший на отсутствие серьезных отличий между двумя сочинениями, если не считать сознательно добавленного магического антуража¹³.

Слабым местом этой версии является то, что она может быть доказана лишь тем фактом, что Тритемий действительно собирался написать 8 книг, посвященных искусству тайнописи. Но в письме к Сикамбру Тритемий пишет о том, что из восьми книг будет состоять лишь «Стеганография». В письме же к монаху кармелитского ордена в Генте Арнольду Бостию в 1499 г. Тритемий упоминает, что планирует создать грандиозный труд, какого мир еще не видел; первой его частью будет «Стеганография». Всего же книг будет четыре и каждая будет содержать не меньше ста глав. На основании этого можно было бы предположить, что кроме «Стеганографии» Тритемий собирался написать еще три книги в продолжение этой темы. Однако это утверждение не может считаться доказанным, поскольку Тритемий, вероятно, много раз менял замыслы своих сочинений. Например, в письме к тому же адресату он писал, что первая часть его великого сочинения, иными словами, «Стеганография», будет включать описание более сотни методов передачи на расстояние тайных посланий. Во второй книге такие методы связывались с особым образом подготовленными помощниками-курьерами, которые смогли бы сохранить содержание секретного письма даже в случае использования пыток. Предполагалось описание и способа передачи письма без помощи курьера. Книга третья должна была включать описание методов, позволяющих человеку выучить за два часа латинский язык. Четвертую часть планировалось посвятить мысленному внушению содержания секретных писем и т. д. Логично было бы предположить, что такой план автор составил для большого труда, в качестве первой книги которого планировалась «Стеганография».

Если принять на веру утверждение о том, что «Полиграфия» продолжает темы, развиваемые в «Стеганографии», то следует предположить, что в центре обоих сочинений находится рассмотрение проблем тайнописи. Магический колорит, отличающий «Стеганографию», при этом является лишь внешним прикрытием для рассмотрения криптографических методов. Однако и это заключение не может считаться однозначным.

В течение нескольких столетий со времени написания и распространения текста «Стеганографии» среди читателей и иссле-

дователей идет спор о том, было ли для Тритемия основным магическое или криптографическое содержание прославивших его работ. Одна из этих точек зрения обоснована выше. Вторая предполагает, что третья часть «Стеганографии» является пособием по черной магии, описанием таинственных методов общения людей с духами и т. д.

Последняя версия, подчеркивающая основополагающее значение магии для сочинения Тритемия, зародилась еще до того, как он дописал «Стеганографию». В одном из писем к другу Бостию он поделился мыслями о содержании нового сочинения, которое писал в это время. Адресат не получил письма, поскольку оно прибыло в Гент вскоре после смерти Арнольда Бостия. Однако аббат монастыря не только прочел письмо, но и ознакомил с его содержанием других, в результате Тритемий приобрел славу оккультиста, общающегося с демонами, еще до того, как его «Стеганография» попала в руки к читателям. Возможно, это стало причиной того, что в 1500 г. Тритемий прекратил работу над сочинением, но, как свидетельствует факт написания «Полиграфии», сохранил интерес к вопросам тайнописи, хотя и исключил из своей следующей работы магические пассажи. Итальянский математик Карла Бовилл (1479–1567), который ознакомился со «Стеганографией» Тритемия во время визита к автору, в письме к одному из их общих знакомых, Герману де Ганаю, приближенному французского короля Людовика XII, ставшему впоследствии епископом Орлеана, дает отзыв о сочинении Тритемия. Бовилл был настолько удивлен и даже испуган содержанием труда, наполненного именами духов и подробными описаниями методов их вызывания, что вынужден был через два часа прекратить чтение, опасаясь силы заклинаний, и высказывал предположение, что Тритемий действительно общался с демонами¹⁴. Это письмо было издано в 1510 г. и способствовало поддержанию репутации Тритемия как оккультиста и мага. Безусловно, эту репутацию поддержал и интерес к фигуре самого Тритемия и к его сочинению со стороны таких видных деятелей оккультизма, как Агриппа Неттестеймский и Джон Ди.

Официальным подтверждением отношения церкви и общественности к «Стеганографии» как к оккультному сочинению явилось включение ее в индекс запрещенных книг¹⁵. За этой работой надолго закрепилась слава одного из основных европейских сочинений по демонологии.

Тритемий пытался открыто возражать. Так, в первой главе третьей части «Стеганографии» он открыто высказывает опасения, что читатели обвинят его в занятиях некромантией и таким обра-

зом итоги написания сочинения не будут соответствовать усилиям, которые автор потратил на его создание. Эти опасения, по словам Тритемия, стали одной из основных причин, по которой «Стеганография» осталась незаконченной.

В предисловии к «Полиграфии» Тритемий также предпринимает попытки защитить свою репутацию и судьбу своей книги. Здесь он поясняет, что в своей работе «Стеганография» обращался не к демонологии, а к так называемой «естественной магии», которая, по его мнению, «чиста, основательна, неизменна и дозволена»¹⁶ и не предполагает ничего сомнительного с точки зрения официальной религии. Она базируется на законах природы и не допускает никаких суеверий. «Магия же, если она естественная, приносит не только видимые результаты, но и удивительным образом просвещает разум сведущего в ней человека, а познанием божественного приносит невидимые плоды душе»¹⁷. Но если древние правители и ученые были прекрасно знакомы с ней, то во времена автора занятия ею вызывают осуждение. Отчасти это происходит потому, что те, кто не понимает ее духа, извращают ее сущность. Поэтому «...магия, святая и достойная, которая может быть правильно, чисто и тайно передаваемой авторами, так запутана, обезображена и отравлена, что имя ее, кажется, страшно слышать христианам и для всех оно может быть пугающим и не столько ненавидимым, сколько непроницаемым»¹⁸. Более того, в другом письме Тритемий отмечает, что все то, что было и будет им написано, никак не связано с демонологией и сомнительными с точки зрения христианства магическими заклинаниями и операциями¹⁹.

С начала XVII в. предпринимаются попытки очистить репутацию автора «Стеганографии» от нападок со стороны церковных ортодоксов. Так, два бенедиктинских монаха, братья Карл и Георг Штенгели, и иезуит Адам Таннер пытаются объяснить содержание «Стеганографии» исключительно с точки зрения рассмотрения идей и принципов шифрования. Но они не могли привести четких доказательств правильности своей позиции и к тому же не смогли дешифровать третью книгу труда. Позднее попытки оправдать Тритемия предпринимались неоднократно, например, А. Кирхером, Г. Скоттом, Х. Брайтхауптом и др.

В наше время мнение о том, что «Стеганография» имеет, прежде всего, криптографическое содержание, является наиболее распространенным среди исследователей. В частности, выразителем этой идеи является В. Шумейкер, который указывает, что «Стеганография» посвящена, прежде всего, криптографии, хотя в отношении третьей части это не выглядит очевидным²⁰. Таким образом, не

стоит умалять значение личности и трудов Тритемия в совершенствовании способов шифрования.

При этом основное значение идей Тритемия для развития криптографической мысли связано с его работой, которая получила название «Полиграфия». Тритемий закончил эту работу 28 марта 1508 г. Сочинение состоит из шести книг и содержит посвящение императору Максимилиану I, которому и было лично вручено 26 апреля 1508 г., судя по письмам Тритемия²¹. Издана «Полиграфия» была только после смерти автора, впервые в 1518 г., и выдержала большое количество переизданий. Ее принято считать первым в Европе крупным сочинением, посвященным непосредственно криптографии. Для «Полиграфии», так же как и для «Стеганографии», существовала сокращенная версия из одной части под названием «Ключ к “Полиграфии”» (*Poligraphiae clavis*)²², включающая ряд пояснений к основному труду. Эта версия включалась в некоторые издания «Полиграфии», например, в издание 1613 г.

В начале «Полиграфии» автор определяет цель написания своего сочинения. Она заключалась в том, чтобы рассказать о «конкретных способах тайно писать, с помощью которых короли и властители, знатные и неизвестные, жрецы и простецы, ученые и неученые тайно, безопасно и без всяких сомнений... могли бы обмениваться письмами на расстоянии»²³.

В первых четырех книгах «Полиграфии» приводятся столбцы слов, каждое из которых должно было служить в качестве замены букв в шифруемом тексте. Из таких слов должны были составляться осмысленные фразы, скрывающие сам факт наличия секретного послания. Шестая книга «Полиграфии» содержала обзор известных автору методов шифрования с древних времен до современности с указанием на те из них, которые и в его эпоху разумно использовать на практике.

Пятая часть сочинения содержит созданный Тритемием шифр полиалфавитной замены, ставший известным под названием «Ave Maria». Название его связано с тем, что Тритемий для маскировки тайного письма предлагал применять для замены слова, составляющие фразы с религиозным содержанием. Как было указано выше, в первых двух частях сочинения автор рассматривал систему шифрования, заключающуюся в том, чтобы каждая буква слова заменялась словом из того или иного столбца. Последние содержали слова, относящиеся к различным частям речи в соответствующих грамматических формах, для составления из них осмысленных предложений. В третьей и четвертой части приводились колонки

с наборами букв, где каждая вторая должна была становиться частью секретного послания.

Достоинством такого шифра следует считать возможность составления осмысленных предложений, которые позволяли скрывать тайное сообщение. В качестве недостатка системы шифрования следует указать на то, что при малой длине ключа криптостойкость шифра достаточно низкая, а составление, запоминание и передача длинных ключей связаны с различными трудностями.

Пятая глава «Полиграфии» содержит таблицу замены (“*tabula gesta*”). Изначальный ее алфавит записывался в одну строку, а следующая строка составлялась из предыдущей с помощью сдвига влево.

Далее Тритемий приводил такую таблицу в нескольких формах: алфавит мог записываться в обратном порядке, для шифрования вместо букв применялись цифры и т. п. Важным отличием такого шифра от шифра простой замены являлось то, что после шифрования каждой буквы происходила смена алфавита замены. Таким образом, данный шифр является шифром полиалфавитной замены.

Изобретение Тритемия можно считать независимым открытием, так как не имеется указаний на знакомство автора с работой Леоны Баттисты Альберти, посвященной криптографии, где впервые в истории западноевропейской мысли приводится описание шифрования методом многоалфавитной замены, выполненное с помощью шифровального диска. Помимо этого, в отличие от трактата Альберти, «Полиграфия» получила большой резонанс среди читающей публики благодаря известности автора и расширившимся к тому времени возможностям книгопечатного дела. Это повлияло на распространение идей криптографии среди широкой общественности, хотя и добавило оккультный оттенок благодаря своеобразной славе Тритемия.

Таким образом, оба сочинения Тритемия, связанные с вопросами тайнописи, внесли значительный вклад в развитие идей криптографии и совершенствование криптографических методов в рассматриваемую эпоху.

«Стеганография» при этом принесла автору больше откликов от современников, чем другая его работа. Это обусловлено тем, что содержание «Стеганографии» отвечало настроениям определенной части интеллектуалов того времени, связанным с интересом к магии, каббале и астрологии, которые так или иначе удавалось сочетать с официальными христианскими доктринами. Привле-

кательной для читателей представлялась и загадочность текстов «Стеганографии». В отличие от нее, «Полиграфия» оказалась лишённой магической составляющей, поскольку после обвинения в использовании средств оккультной магии автор внес коррективы в изначальный замысел работы. В то же время «Полиграфия» вряд ли была обращена и к практикам шифровального дела, таким как, например, дипломаты, использовавшие в тот период хоть и более простые, но более удобные шифры.

Важнейшим остается вопрос о причинах обращения Тритемия к теме тайнописи. С одной стороны, Тритемия интересовали «магические» операции над цифрами и буквами для общения с неземными силами, схожие с теми, которые производились каббалистами с помощью древнееврейского алфавита, что соответствовало духу времени. С другой стороны, Тритемию явно нравилась таинственность и было свойственно тщеславие, заставлявшее его предлагать читателю загадки, над которыми тот порой безуспешно ломал голову.

Однако главной целью обращения Тритемия к криптографии являлось, по всей видимости, то, что она «просвещает разум» и «познанием божественного приносит невидимые плоды душе». Эти слова Тритемий использовал в отношении так называемой «естественной магии», к которой, по всей вероятности, относились для него и занятия тайнописью. При этом его понимание такой естественной магии было не совсем типичным для его времени и предполагало использование заклинаний и процедур, которые многие современники и потомки сочли демонологическими. Стремление защитить себя от таких обвинений привело Тритемия к рассмотрению в «Полиграфии» лишь техник шифрования, в то время как «Стеганография» больше соответствовала замыслу автора. Тем не менее, как отметила немецкая исследовательница работ Тритемия Лиlienфельд, как в «Стеганографии», так и в «Полиграфии» «...сохраняется ощущение связи между техническими приемами шифрования и их пониманием как божественного творения...»²⁴.

Обращение к криптографии Тритемия, в отличие, в частности, от также проникнутой магическим духом тайнописи алхимиков, характеризует именно это внимание к технике шифрования, к занятиям, помогающим проявиться интеллектуальным, в частности математическим, способностям человеческого разума. Это является одной из определяющих отличительных черт западноевропейской криптографии раннего Нового времени по сравнению с эпохой Средних веков.

- ¹ *Русецкая И.А.* История криптографии в Западной Европе в раннее новое время. СПб.: Центр гуманист. инициатив; Университетская книга. СПб., 2014.
- ² *Reich H.* Der Index der verbotenen Bücher, ein Beitrag zur Kirchen- und Literaturgeschichte. Vol. 2. Bonn, 1885. S. 183.
- ³ *Schneegans W.* Abt Johannes Trithemius und Kloster Sponheim. Kreuznach, 1882. S. 185.
- ⁴ *Arnold K.* Johannes Trithemius (1462–1516). Zweite, bibliographisch und überlieferungsgeschichtlich neu bearbeitete Auflage. Würzburg, 1991. S. 253–254.
- ⁵ *Vigenere, Blaise de.* Traicte des chiffres. Paris, 1586. P. 13, 182.
- ⁶ *Trithemius J.* Steganographia: Hoc est: Ars per occultam scripturam animi sui voluntatem absentibus aperiendi certa; authore referendissimo et clarissimoviro, Joanne Trithemii Abbatis Spanheimensis... Francofurti: Matthias Becker, 1606.
- ⁷ *Heidel W.E.* Joannis Trithemii Steganographia. Moguntiae: Joannes Petrus Zubrodt, 1676.
- ⁸ Gustavi Seleni Cryptomenytices et cryptographia libri IX. Lüneburg: Johannes & Henricus Stern, 1624.
- ⁹ *Ernst T.* The numerical-astrological ciphers in the third book of Trithemius's Steganographia // Cryptologia. 1998. Vol. 22. N. 4.
- ¹⁰ Ibid. P. 327.
- ¹¹ Ibid. P. 330.
- ¹² Ibid. P. 337.
- ¹³ *Schneegans W.* Abt Johannes Trithemius und Kloster Sponheim. Kreuznach, 1882. S. 200.
- ¹⁴ Ibid. P. 190–191.
- ¹⁵ *Reusch H.* Op. cit. S. 183.
- ¹⁶ Joannes Trithemius ad Joachimum Marchionem Brandenburgensem, de rebus convenientibus vero Mago // Trithemius J. Joannis Trithemii... Libri poligraphiae VI. [Strassburg], 1613. P. 49.
- ¹⁷ Ibid. P. 51.
- ¹⁸ Ibid. P. 53.
- ¹⁹ Ibid. P. 102–103.
- ²⁰ *Shumaker W.* Renaissance Curiosa: John Dee's conversations with angels, Girolamo Cardano's horoscope of Christ, Johannes Trithemius and cryptography, George Dalgarno's Universal language. N. Y., 1982 (Medieval and Renaissance Texts and Studies. Vol. 8).
- ²¹ *Schneegans.* Op. cit. P. 197.
- ²² Clavis Polygraphiae Joannis Tritemii... Basel: Joannes Haselberg, 1518.
- ²³ *Trithemius J.* Joannis Trithemii Libri poligraphiae VI. [Strassburg], 1613. P. 44.
- ²⁴ *Лилиенфельд Ф.* Иоанн Тритемий и Федор Курицын (о некоторых чертах раннего Ренессанса на Руси и в Германии) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 120.

Математические методы в гуманитарных и социальных исследованиях

О.В. Коломиец, В.Р. Орестова,
Ю.А. Долгов, А.А. Бастрон

Расчет адекватной математической модели позитивного социального самочувствия студентов

В статье раскрывается актуальность проблемы формирования позитивного социального самочувствия студентов. Рассматриваются компоненты субъектной жизненной позиции как факторы позитивного социального самочувствия студентов. Описаны направления, этапы и методы статистической обработки результатов исследования: составление и анализ корреляционной матрицы, выявление корреляционных плеяд, определение главных факторов каждой плеяды экспертным методом весовых коэффициентов важности. Представлены расчеты адекватной математической модели формирования позитивного социального самочувствия студентов посредством многомерного регрессионного анализа.

Ключевые слова: социальное самочувствие, позитивное социальное самочувствие, субъектная жизненная позиция, модифицированный индекс Г. Фехнера, корреляционная плеяда, многомерный регрессионный анализ, адекватная математическая модель.

Нарастание угроз в современном мире отражается на положении молодежи, затрагивая многие аспекты социального самочувствия молодого поколения. Для эффективного развития государства, страны, региона в жизненно важных областях и направлениях необходимо ориентироваться на социальное самочувствие студенческой молодежи как наиболее активной социальной группы¹.

Знание о социальном самочувствии студенческой молодежи позволяет выстраивать обоснованные долгосрочные прогнозы

изменений социального самочувствия в обществе, обеспечивает возможность предлагать обоснованную систему мер по стабилизации его уровня, формировать адекватное восприятие общественных изменений и конструктивно воздействовать на социальные процессы².

Определяя понятие «социальное самочувствие», Н.И. Лапин отмечает, что это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего. Это ценностно-эмоциональное их отношение к своему социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей, интересов. Это совокупность оценок, которые люди дают себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами, территориальными сообществами и обществом в целом³.

Направление развития общества в перспективе в значительной мере будет зависеть не только от успешного хода социально-экономических преобразований в настоящем, но и от того, насколько подготовлена и настроена на активное участие в них молодежь. Для достижения позитивных общественных перемен необходимо «растить» молодежь с активной, субъектной жизненной позицией, которая отличается внутренней детерминацией жизнедеятельности.

Субъектная позиция, по мнению Н.В. Топилиной, дает возможность человеку осуществлять планирование своей жизни и деятельности, реализовывать жизненные замыслы, адекватно реагировать на условия внешней среды и вызовы внутреннего мира. Человеку с субъектной жизненной позицией свойственна активность, готовность к изменениям и трансформациям⁴. Человеку с субъектной жизненной позицией удастся осознать и представить смысл своей жизни в системе общественных жизненных целей, разработать поступательный план и программу не только на перспективу собственной жизни, но и на перспективу развития общества в целом.

В процессе исследования социального самочувствия и показателей субъектной жизненной позиции студентов были применены эмпирические методы: анкета «Социальное самочувствие» Н.Е. Симонович (в адаптации О.В. Коломиец), тестирование «Тест смысловых ориентаций» Л. Махолика и Д. Крамбо в адаптации Д.А. Леонтьева; «Тест определения самооффективности» М. Шера и Дж. Маддукса (в переводе и модификации А.В. Бояринцевой), опросник «Шкала субъективного благополучия» в адаптации В.М. Соколовой, методика личностного семантического дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева).

На этапе вторичной обработки результатов, полученных в ходе проведения психодиагностических методик, была осуществлена статистическая обработка балльных оценок по факторам:

Y – уровень социального самочувствия;

X_2 – субъективное благополучие;

X_{31} – самооффективность в предметной деятельности;

X_{32} – самооффективность в сфере межличностного общения;

X_3 – уровень самооффективности;

X_{41} – цели в жизни;

X_{42} – процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни;

X_{43} – результативность жизни или удовлетворенность самореализацией;

X_{44} – локус контроля – Я (Я – хозяин жизни);

X_{45} – локус контроля (жизнь или управляемость жизни);

X_4 – уровень осмысленности жизни;

X_{51} – оценка (самоуважение, самокритика);

X_{52} – активность;

X_{53} – сила (волевые качества);

X_5 – показатель развития качеств (оценка, сила, активность) личности.

Поскольку факторы измеряются в различной системе единиц, то с целью их совместного рассмотрения все факторы переведены в относительную систему, что позволило считать их соизмеримо однородными.

Статистическая обработка данных была организована по следующим направлениям:

1. Составление и анализ корреляционной матрицы (был использован модифицированный индекс Г. Фехнера)⁵.

2. Выявление корреляционных плеяд (по методу Г.В. Дружинина)⁶.

3. Определение главных факторов каждой плеяды экспертным методом весовых коэффициентов важности⁷.

4. С помощью применения многофакторного регрессионного анализа и метода наименьших квадратов с предварительной ортогонализацией факторов была рассчитана адекватная математическая модель формирования позитивного социального самочувствия посредством развития субъектной жизненной позиции студентов⁸.

По результатам расчетов вся совокупность факторов была условно разбита на три корреляционные плеяды по методу Г.В. Дружинина (рис. 1), а при совместном их анализе выявилась возмож-

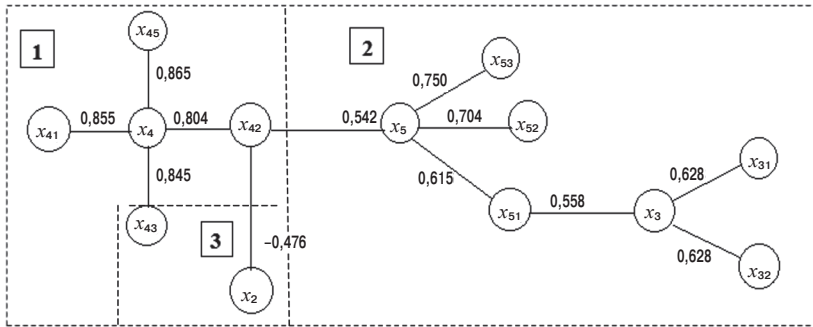

Рис. 1. Корреляционные плеяды ($= 0,550$)

ность построения трех многомерных математических моделей и нескольких двумерных регрессионных уравнений.

Возможные уравнения:

$$Y = f(x_{42}, x_5, x_2); \quad x_4 = f(x_{41}) \quad \text{при } r = 0,835;$$

$$Y = f(x_4, x_5, x_2); \quad x_4 = f(x_{43}) \quad \text{при } r = 0,845;$$

$$Y = f(x_{43}, x_5, x_2); \quad x_{43} = f(x_{42}) \quad \text{при } r = 0,794;$$

$$x_5 = f(x_{53}) \quad \text{при } r = 0,750.$$

Для расчета модели формирования позитивного социального самочувствия был применен метод многомерного регрессионного анализа, а именно метод наименьших квадратов с предварительной ортогонализацией факторов (МНКО)⁹.

Для удобства работы следует произвести замену переменных и вместо эффектов факторов X_i и их взаимодействий различных порядков ввести единую переменную Z_k , $k = 0, \dots, m$. Следует отметить, что степень полинома $Y_k(Z)$ совпадает с номером столбца k рассматриваемых эффектов Z_k в матрице исходных данных. Тогда именно на полиномы $Y_k(Z)$ следует наложить условие ортогонализации

$$\begin{cases} \sum_{j=1}^N \Psi_{kj}(Z) \Psi_{ij}(Z) = 0; & k, i = \overline{0, m}; \quad k > i; \\ \sum_{j=1}^N [\Psi_{kj}(Z)]^2 \neq 0. \end{cases} \quad (1)$$

Решение системы уравнений (1) будет осуществляться следующим образом:

$$\begin{cases} \Psi_0(Z) \equiv 1; \\ \Psi_{kj}(Z) = Z_{kj} - \sum_{i=0}^{k-1} \xi_{ki} \Psi_{ij}(Z); \quad k = \overline{1, m}, \quad k > i, \end{cases} \quad (2)$$

где

$$\xi_{ki} = \frac{\sum_{j=1}^N Z_{kj} \Psi_{ij}(Z)}{\sum_{j=1}^N [\Psi_{ij}(Z)]^2}; \quad k, i = \overline{0, m}; \quad k > i. \quad (3)$$

Коэффициент A_k находится по формуле

$$A_k = \frac{\sum_{j=1}^N Y_j \Psi_{kj}(Z)}{\sum_{j=1}^N [\Psi_{kj}(Z)]^2}; \quad k = \overline{0, m}. \quad (4)$$

Из полученной формулы видно, что все коэффициенты A_k определяются независимо друг от друга, так как рассматриваются на основе ортогональных полиномов различных порядков. Следовательно, вопрос о включении в уравнение каждого коэффициента A_k может решаться в индивидуальном порядке по критерию Стьюдента. Для этого предварительно рассчитывается среднеквадратическое отклонение очередного коэффициента A_k

$$S\{A_k\} = \sqrt{\frac{S^2(Y)}{\sum_{j=1}^N [\Psi_{kj}(Z)]^2}}, \quad (5)$$

где $S^2(Y)$ – средняя дисперсия выходной величины по неповторяющимся строкам. Величина $S\{A_k\}$ – подставляется в выражение для расчетного критерия Стьюдента. Значимость коэффициента определяется по формуле

$$t_k = \frac{|A_k|}{S\{A_k\}} \geq t_{\text{табл}}(q, v). \quad (6)$$

Обратный переход в декартовую систему координат осуществляется по формуле

$$b_k = A_k - \sum_{i=k+1}^m b_i \xi_{ik}, \text{ где } i, k = \overline{m, 0}; \quad k < i. \tag{7}$$

Таблица 1

Виртуальные ортогональные полиномы

J	$\Psi_0(Z)$	$\Psi_1(Z)$	$\Psi_2(Z)$	$\Psi_3(Z)$	γ_j	n_j	\hat{Y}_j	$(\gamma_j - \hat{Y}_j)^2$	$n_{1,j} (\gamma_{1,j} - \hat{Y}_j)^2$	x_2
1	1	-17,2	-0,784	-3,654	44,0	8	52,23	67,806	542,452	1,298
2	1	-0,7	-2,447	3,960	50,3	11	56,12	33,840	372,247	0,603
3	1	-10,2	4,488	1,309	54,6	7	52,53	4,294	30,064	0,081
4	1	0,2	3,249	8,165	57,4	10	53,37	16,256	162,568	0,304
5	1	-11,6	1,594	-1,718	60,7	8	54,06	44,097	352,78	0,815
6	1	12,6	-0,897	5,105	63,8	8	63,15	0,422	3,379	0,006
7	1	20,6	6,471	-3,451	70,4	4	74,61	17,683	70,734	0,237
8	1	6,3	-11,673	-9,756	75,8	4	71,01	22,951	91,807	0,323
$\Sigma(\cdot)^2$	8	1157,78	218,823	233,538	59,63	60	-	207,354	1626,033	3,670

Таблица 2

Вспомогательные коэффициенты ξ^{ki}

$k \backslash i$	0	1	2
1	137,2		
2	29,95	0,0038	
3	59,63	-0,1840	-1,0952

Таблица 3

Результаты расчетов

k	A_k	S_k	t_k		Вывод
0	59,63	1,8391	32,4238		Да
1	0,5960	0,1529	3,8983	2,3060	Да
2	-0,5293	0,3516	1,5055		Нет
3	-0,7815	0,3404	2,2958		Да

Из данных таблицы 4 методом наименьших квадратов с предварительной ортогонализацией факторов (МНКО) получаем адекватную математическую модель

$$\hat{Y} = 59,63 + 0,5960 \Psi_1(x) - 0,7815 \Psi_3(x) \quad (8)$$

$$S_{ag}^2 = \frac{\Sigma(Y_j - \hat{Y}_j)^2}{n-d} = \frac{207,3545}{8-3} = 41,471; \quad F = \frac{S_{ag}^2}{S^2_p} = \frac{41,4710}{27,0577} = 1,5327 < F_T$$

(5; 5; 8) = 3,71. Модель адекватна!

Проверка модели по критерию χ^2 – Пирсона: $\chi_p^2 = 3,6702 < (5\%; v = 8 - 5 = 5) = 11,07$. Модель адекватна с вероятностью 95%.

Обратный переход в декартовы координаты:

$$b_3 = A_3 = -0,7815;$$

$$b_2 = A_2 - \xi_{32} b_3 = 0 - (-0,7815)(-1,0952) = -0,8559;$$

$$b_1 = A_1 - \xi_{31} b_3 - \xi_{21} b_2 = 0,5960 - (-0,1840) \times \\ \times (-0,7815) - 0,0038(-0,8559) = 0,4555;$$

$$b_0 = A_0 - \xi_{30} b_3 - \xi_{20} b_2 - \xi_{10} b_1 = 59,63 - 56,63 \times \\ \times (-0,7815) - 29,95(-0,8559) - 137,2 \times 0,4555 = 67,014.$$

$$\hat{Y} = 67,01 + 0,4555X_4 - 0,8559X_5 - 0,7815X_2 \pm 10,40 \quad (9)$$

$$S_{ag}^2 = \frac{\Sigma(Y_j - \hat{Y}_j)^2}{n-d} = \frac{206,4147}{8-4} = 51,6037; \quad F = \frac{51,6037}{27,0577} = 1,9072 < F_T$$

(5; 4; 8) = 3,84. Модель адекватна.

Таким образом, на основании применения статистических методов была рассчитана модель социального самочувствия, которая представлена трехзвенным уравнением (9), и включает в себя показатели субъектной жизненной позиции, такие как уровень субъективного благополучия, уровень смысложизненных ориентаций и уровень субъектности личности.

Математическая модель, обоснованная эффективностью программы формирования позитивного социального самочувствия посредством развития субъектной жизненной позиции, является адекватной для расчета уровня социального самочувствия студентов, на основании показателей: уровня осмысленности жизни, уровня субъективного благополучия и уровня развития личностных качеств (самоуважения, самокритичности, активности, волевых качеств).

- ¹ *Симонович Н.Е.* Социальное самочувствие людей и технологии его исследования в современной России: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. С. 5, 2.
- ² *Абаев Р.Д.* Взаимосвязь личностных свойств и социального самочувствия студенческой молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. С. 119, 4.
- ³ *Коломиец О.В., Орестова В.Р., Долгов Ю.А.* Реализация программы по формированию позитивного социального самочувствия посредством развития субъектных качеств личности студентов // *Человеческий капитал: Науч.-практ. журн.* 2016. № 12. С. 17–20.
- ⁴ *Кандыбович С.Л., Коломиец О.В., Орестова В.Р.* Критерии и система оценивания эффективности программы формирования позитивного социального самочувствия личности в процессе развития субъектных качеств // *Человеческий капитал: Науч.-практ. журн.* 2016. № 12. С. 6.
- ⁵ *Долгов Ю.А.* Модифицированный индекс Фехнера как мера тесноты линейной связи // *Вестник Приднестровского университета: физ.-мат. и техн. науки.* 2015. № 3. С. 92–98.
- ⁶ *Дружинин Г.В.* Методы оценки и прогнозирования качества. М.: Радио и связь, 1982. 160 с.
- ⁷ *Долгов Ю.А.* Статистическое моделирование. 2-е изд., доп. Тирасполь: ПГУ, 2010.
- ⁸ *Долгов Ю.А.* Разработка методов получения математических моделей на основе экспериментальных данных. Отчет по НИР-№ ГР05.07.00227. Тирасполь: ПГУ, 2012. 347 с.
- ⁹ *Долгов Ю.А.* Статистическое моделирование. С. 201–202.

Abstracts

E. Baryshev, Yuzuru Tonai

Russia-related archives in Japan: the case of Kuroki Chikanori's (1883–1934) manuscript collection

The paper aims to shed some light on the contemporary conditions of archival management in Japan, by observing noteworthy manuscript collection of Japanese serviceman Kuroki Chikanori (1883–1934) that has been preserved at the Miyazaki Prefectural Museum of Nature and History at Miyazaki city. This archival collection has a direct relation to the Russian history on the eve and during the Revolution of 1917, the Russian Civil War and foreign military intervention, the life and activities of the famous figure of Russian White emigration ataman G.M. Semenov (1890–1946), Japan's military and political course towards Russia since 1910s to the beginning of 1930s.

Keywords: 'archival Rossica', archival management in Japan, personal archives, arrangement and description, ataman G.M. Semenov, Kuroki Chikanori, Russian civil war, military intervention.

A. Bezborodov

Institute for History and Archives of RSUH today: a model for humanities education

The article reveals the role of the Institute for History and Archives in the modern system of the humanities education in Russia. In 1991 the Moscow State Institute for History and Archives served as a basis for the newly established Russian State University for the Humanities. The Institute continued to develop as a synthetic higher educational institution specializing in historical, archaeographic and archival disciplines. In the history of the Russian higher education, the Institute for History and

Archives can justly be proud of being the first higher educational institution which, through the efforts of its outstanding scholars, has implemented a new model of university humanities education.

Keywords: Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, historical science, archival science, archival document, historian-archivist, archival thought, humanities education.

S. Guliyeva

The Archive of the President and the Government Administration of the Chechen Republic: Past and present (1990–2000)

The article considers the situation with the Archives of the Chechen Republic in the first post-soviet decade. It is noted that the reconstruction of the Chechen People's Documentary heritage, considerably damaged in the course of combat operations, was started.

The activities on securing, compiling, maintaining, scientific and technical processing of the Archive of the President and the Government Administration of the Chechen Republic.

The issues on the Archive performance were defined and the ways of their resolving were outlined.

Keywords: Chechen Republic Archive Fund, securing of archive documents, historical document heritage, records management and e-record keeping department, files classification, value assessment, scientific technical processing of documents.

S. Kataev, A. Kataeva

On the experience of compiling in educational reference book on religious and musicology issues

The article features the peculiarities of compiling a bilingual educational reference book for reading and translating religious and musicological texts. Based on the grounding the topicality of the reference book of the kind, the authors analyze the issue of the lexicographic filling of the vocabularies cited in the reference book, methodological principles of selecting sources for their compilation.

Keywords: interdisciplinary approach, intercultural communication, lexicographic sources, translation of the Christian literature and literature on the musical art, religion and music interrelation, the thematic vocabulary differentiation.

M. Kiselev

From the history of the Moscow department
of archives of the USSR Academy of sciences (1935–1940)

The article contains information on the creation of the Moscow branch of the Archive of the Academy of Sciences of the USSR, its work on collecting, recording, describing and using scientific and office archival materials, inspecting activities to assist in organization of records management, preparing documents for transfer to storage. Special attention is paid to the use of a single normative and methodological base for various aspects of archival activities with the Archives of the Academy of Sciences of the USSR.

Keywords: Moscow branch, Archive of the USSR Academy of Sciences, history.

R. Kokanova, O. Kharchenko

Documentary sources on history
of the Astrakhan State University in the funds
of the record office of the Astrakhan region
(to the 85th anniversary of the Astrakhan State University)

The purpose of this article, dedicated to the 85th anniversary of the Astrakhan state university, is to study the history and traditions of the university on the basis of documentary sources.

The Central Fund for this subject – Fund No. R-2364 “Astrakhan Order of the Badge of Honor” State Pedagogical Institute named after S.M. Kirov of the Ministry of Education of the Russian Federation “includes 3328 units for the period from 1932 to 1993, that is, from the moment the educational Institution and for 61 years of its formation and development, as one of the leading universities in the Astrakhan region.

The documents of the foundation are the main documentary source about the scientific activity of the institute. A special place is

occupied by documents for 1941–1945. The Astrakhan state archives store another category of documents, which in archivology are called documents of personal origin.

Keywords: State Archives of the Astrakhan Region, documentary research, archival funds of Astrakhan State University, history of development, public education, documents of personal origin.

O. Kolomiets, V. Orestova,
Yu. Dolgov, A. Bastron

Adequate mathematical model analysis of students' positive social well-being

The article reveals the problem of forming students' positive social well-being. The paper discusses the components of the subjective position in life as the factors of students' positive social well-being. It describes the direction, the stages and methods of statistical processing of the results of the study: the preparation and the analysis of the correlation matrix, the identification of the correlation pleiades, the definition of the main factors of each pleiade through the expert method of the weight coefficients of importance. The article presents the calculations of the adequate mathematical model of the formation of students' positive social well-being through a multivariate regression analysis.

Keywords: social well-being, positive social well-being, subjective life position, G. Fechner modified coefficient index, multivariate regression analysis, adequate mathematical model.

O. Lukinova

To the issue of functional standardization instruments' usage when forming secured information systems

The methodological aspects of building standardized profiles describing the development of a security system that is an integral part of a distributed information system are considered. Functional standardization instruments and the theory of open systems are used.

Keywords: information security, information system, security profile, OSE/RM, functional standardization.

B. Pak

Archival sources on the Ito Hirobumi's mission to Petersburg

The article highlights the history of Ito Hirobumi's visiting St. Petersburg in the framework of the European tour at the end of 1901, based on archival documents. The main attention is paid to the goals of the trip. It discloses the course of negotiations between Ito Hirobumi's and V.N. Lamzdorf; analyzes the Ito's project of the Russo-Japanese agreement, and the draft of Lamzdorf's letter to Ito, endorsed by Nicholas II. The author outlines major results of the negotiations.

Keywords: Ito Hirobumi, V.N. Lamzdorf, loan, draft of the Russian-Japanese agreement, Japan's rights in Korea, Russian interests in Korea, the use of the territory of Korea for strategic purposes, the independence of Korea, St. Petersburg, Russia, Japan, Korea, the Far East.

E. Pivovar, I. Khanova

“Russian Prague” in the work of the Commission of historians and archivists of Russia and Czech Republic

The article summarizes the work of the Commission of historians and archivists of Russia and the Czech Republic in recent years related to analysis of the documentary heritage and modern interpretations of the historical and cultural phenomenon of the Russian Prague – one of the largest centers of Russian emigration after 1917. One of the major events of scientific life in the study of this subject was held on 26 June 2017 in Prague. It was an international round table “The rise of the Russian Prague”, organized jointly by the Russian and Czech historians and archivists.

Keywords: The Commission of historians and archivists, Russia, Czechoslovakia, Czech Republic, the Russian Prague, the Russian emigration.

A. Popov

Documenting and documentation support for searching teams field work

The article deals with current legislative issues as to documenting and documentation support for searching teams field work. The searching comprises studies in military history as well as exploration of sites of

certain battles, archives heuristics and archival searches. Other searching activities involved are exploratory work on the ground, perpetuating the memory of the deceased, taking care of warriors' burial grounds and memorials, identification of the perished, striving for evoking of patriotic feelings among young generation, etc. Documenting and documentation support for searching teams activities need significant improving. The objective of the article is to draw attention to the issues discussed in it.

Keywords: document, documenting, search, war, memory, the deceased.

I. Rusetskaya

Ioann Tritemy's contribution to the development of European cryptography

The article is devoted to the evaluation of the role and importance of the works of the Early New Times thinker, Ioann Tritemy (1462–1516), who has made great contribution to the development of the European cryptography thought.

Keywords: Ioann Tritemy, cryptography, Early New Times.

O. Sanin

Mikhail G. Sobakin is the head of the Moscow archive of the College of Foreign Affairs

The article is devoted to the history of one of the most important domestic archives of the 18th century – the Moscow Archives of the College of Foreign Affairs. This archive was a kind of showcase of Russian archives of the XVIII century. Its leaders made a significant contribution to the development of the Russian archive business. A special place in the history of the archive and in the history of archival thought belongs to M.G. Sobakin. The article proves that M.G. Sobakin was one of the first Russian archivists who realized the scientific value of archives and understood that the archive is the most important part of the historical, cultural and national heritage of the country. In the article the biography of M.G. Sobakin, his career, analyzed his views on the organization of storage of documents. An important aspect of the article is the analysis of the difficult relationships of MG. Sobakin with his successor G.F. Miller.

Keywords: Moscow archive of the Collegium of Foreign Affairs, archives, archives, principle of origin, subject-thematic principle, XVIII century, M.G. Sobakin, G.F. Miller.

Сведения об авторах

Барышев Эдуард Анатольевич – ассистент-профессор, факультет библиотечных, информационных и медийных исследований, Университет Цукуба (г. Цукуба, Япония), baryshev@slis.tsukuba.ac.jp

Бастрон Алевтина Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры фундаментальной и прикладной математики, Институт информационных наук и технологий безопасности, Российский государственный гуманитарный университет, bastron-aa@inbox.ru

Безбородов Александр Борисович – доктор исторических наук, профессор, директор Историко-архивного института, и. о. ректора, Российский государственный гуманитарный университет, bezborodov.a@rggu.ru

Гулиева Сацита Гурбаниевна – аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, gulieva.satsita@mail.ru

Долгов Юрий Александрович – доктор технических наук, профессор, заслуженный работник народного образования, действительный член РАЕН, dolax2012@yandex.ru

Катаев Сергей Дмитриевич – доцент, Российский государственный гуманитарный университет, соучредитель Национальной лиги переводчиков России, kataeva@rggu.ru

Катаева Алмазия Гаррафовна – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков, Российский государственный гуманитарный университет, kataeva@rggu.ru

Киселев Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, Архив Российской академии наук, руководитель центра учета и обеспечения сохранности документов, kiss_ran@mail.ru

Коканова Рауза Абдришевна – кандидат педагогических наук, доцент, Астраханский государственный университет, rakokanova@mail

Коломиец Ольга Васильевна – старший преподаватель кафедры психологии, Приднестровский государственный университет, kovalcuk_78@mail.ru

Лукинова Ольга Васильевна – доктор технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, lobars@mail.ru

Орестова Василиса Руслановна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, заведующий кафедрой психологии личности, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, v.g.orestova@gmail.com

Пак Бэлла Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, miran7_@hotmail.com.

Пивовар Ефим Иосифович – доктор исторических наук профессор, член-корреспондент РАН, президент Российского государственного гуманитарного университета, rggu@rggu.ru

Попов Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Insatiable@fryazino.net

Русецкая Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры информационной безопасности, Институт информационных наук и технологий безопасности, Российский государственный гуманитарный университет, irkom@mail.ru

Санин Олег Геннадиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, osanin@mail.ru

Ханова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья, Российский государственный гуманитарный университет, irkh_76@mail.ru

Харченко Ольга Александровна – кандидат технических наук, доцент, Астраханский государственный университет, Kharchenko2007@mail.ru

Тонаи Юдзуру – доцент, заведующий библиотекой, Центр славяно-евразийских исследований, Университет Хоккайдо (г. Саппоро, Япония), TONAI Yuzuru usagi@slav.hokudai.ac.jp

General data about the authors

Baryshev Eduard A. – assistant professor, Faculty of Library, Information and Media, University of Tsukuba (Tsukuba, Japan), baryshev@slis.tsukuba.ac.jp

Bastron Alevtina A. – Ph.D. in Education, associate professor of the Department of Fundamental and Applied Mathematics, Institute for Information Sciences and Security Technologies, Russian State University for the Humanities, bastron-aa@inbox.ru

Bezborodov Alexander B. – Dr. in History, professor, director, Institute for History and Archives, acting rector, Russian State University for the Humanities, bezborodov.a@rggu.ru

Guliyeva Satsita G. – postgraduate student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, gulieva.satsita@mail.ru

Dolgov Yuriy A. – Dr. in Engineering, professor, honored worker of public education, member of the Academy of Natural Sciences, dolax2012@yandex.ru

Kataev Sergey D. – associate professor, Department of the Foreign Languages, Russian State University for the Humanities; co-founder, National League for Translators, kataeva@rggu.ru

Kataeva Almazia G. – Ph.D. in History, professor, head, Department of Foreign Languages, Russian State University for the Humanities, kataeva@rggu.ru

Khanova Irina E. – Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Institute for post-soviet and regional studies, Russian State University for the Humanities, irkh_76@mail.ru

Kharchenko Olga A. – Ph.D. in Engineering, associate professor, Theory and History of State and Law Department, Astrakhan State University, Kharchenko2007@mail.ru

Kiselev Mikhail Yu. – Ph.D. in History, Archives of the Russian Academy of Sciences, head, Center for Accounting and Securing Documents, kiss_ran@mail.ru

- Kokanova Rauza A.* – Ph.D. in Education, associate professor, Astrakhan State University, rakokanova@mail
- Kolomiets Olga V.* – senior lecturer, Department of Psychology, Pridnestrovian State University, kovalcuk_78@mail.ru
- Lukinova Olga V.* – Dr. in Engineering, leading researcher, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences, lobars@mail.ru
- Orestova Vasilisa R.* – Dr. in Psychology, professor of the Department of Personality Psychology, head, Department of Personality Psychology, L.S. Vigotsky Psychology Institute, Russian State University for the Humanities, v.r.orestova@gmail.com
- Pak Bella B.* – Dr. in History, leading researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, miran7_@hotmail.com.
- Pivovarov Efim I.* – Dr. in History, professor, corresponding member of the RAS, director of the Institute for post-soviet and regional studies, president, Russian State University for the Humanities, rggu@rggu.ru
- Popov Andrey V.* – Ph.D. in History, associate professor of the Department of History and Organization of Archival Affairs, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, Insatiable@fryazino.net
- Rusetskaya Irina A.* – Ph.D. in History, associate professor of Department of Information Security, Institute for Information Sciences and Security Technologies, Russian State University for the Humanities, irkom@mail.ru
- Sanin Oleg G.* – Ph.D. in History, associate professor of the Department of History and Organization of Archival Affairs, Historical Archives Institute, Russian State University for the Humanities, osanin@mail.ru
- Tonai Yuzuru* – associate professor & head librarian, Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University (Sapporo, Japan), usagi@slav.hokudai.ac.jp

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 22.12.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 10,6.
Тираж 1050 экз. Заказ № 201

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»

Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика.
Защита информации и информационная безопасность»
выходит 4 раза в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»

ОАО Агентства «Роспечать» – 71128.

Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
